

Источник: Король Генрихъ IV (Части I и II). Пер. Зин. Венгеровой, Н. Минского. С предисловием Ф. А. Брауна // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 121-246.

121

Король Генрихъ IV.
(Части I и II)
переводъ
ЗИН. А. ВЕНГЕРОВОЙ И Н. М. МИНСКАГО.

.....

Съ предисловіемъ
Проф. Э. А. БРАУНА.

*Заглавная виньетка извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта
(sir John Gilbert, p. 1817).*

122

Король Генрихъ IV.

Время написанія и перваго появленія въ печати обѣихъ частей "Генриха IV" опредѣляется довольно точно: такъ какъ онѣ по содержанію представляютъ прямое продолженіе "Ричарда II", то а priori вѣроятно, что онѣ возникли непосредственно послѣ этой драмы, которая была напечатана впервые въ 1597 г. безъ имени автора. Заканчивая "Ричарда II", поэтъ уже задумалъ "Генриха IV": это видно изъ разговора только что коронованнаго Генриха съ молодымъ Перси въ первой изъ названныхъ драмъ (V, 3), разговора, показывающаго, что фантазія поэта уже была занята разработкой типа его любимаго героя, принца Уэльскаго, впослѣдствіи Генриха V. Та же хронологическая связь доказывается, наконецъ, и имѣющимися въ нашемъ распоряженіи внѣшними фактами, относящимися къ исторіи занимающихъ насъ драмъ. Мы знаемъ, что первая часть Генриха IV появилась въ печати уже въ 1598 г. безъ имени автора, которое было прибавлено лишь ко второму изданію 1599 г.; вторая же часть, возникшая не позже 1599 г., напечатана впервые лишь въ 1600 г. Попытка болѣе точнаго хронологическаго приуроченія, сдѣланная Кольеромъ (Collier, 1835), желавшимъ доказать, что работа надъ второй частью была закончена еще до 25 февраля 1598 г., основана на недоразумѣніи. Впрочемъ, болѣе точная датировка въ данномъ случаѣ и не важна; гораздо важнѣе фактъ, что какъ "Ричардъ II", такъ и обѣ части "Генриха IV" далеко не первыя драматическія "хроники" Шекспира. Всѣ три части "Генриха VI", а также "Ричардъ III" написаны лѣтъ на 6 – 7 раньше (т. е. около

123

1592-1593 г.), хотя по изображеннымъ въ нихъ событіямъ онѣ слѣдуютъ за ними, обнимая время отъ 1422 до 1485 гг. Между ними и нашими драмами лежатъ, повидимому, еще "Безплодныя усилія любви", "Два Веронца", "Ромео и Джульетта", "Сонъ въ Иванову ночь" и, вѣроятно, "Король Джонъ".

Эти годы, проведенные въ непрерывной работѣ, не пропали даромъ для поэта; хронологическому отличію вполне соотвѣтствуетъ отличіе художественное и техническое. Прогрессъ въ ростѣ Шекспировскаго генія бросается въ глаза даже при бѣгломъ сравненіи "Ричарда III" съ "Ричардомъ II" или первой частью "Генриха IV"; тамъ многое еще напоминаетъ его предшественниковъ, въ особенности Марло; здѣсь, наоборотъ, геній Шекспира окончательно выбрался на свободу, далеко оставивъ за собою всѣхъ, кто до него брался за историческія темы. И превосходство Шекспира бросается въ глаза, несмотря на то, что его "Ричардъ II" во многихъ частностяхъ художественной композиціи сильно напоминаетъ "Эдуарда II" Марло. Значительный шагъ впередъ представляетъ въ особенности первая часть "Генриха IV", которая была своего рода откровеніемъ въ исторіи англійской драмы, вызвавшимъ всеобщій восторгъ. Мы приведемъ ниже нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какою широкою популярностью эта "хроника" пользовалась среди современниковъ. Ограничимся пока указаніемъ, что при жизни Шекспира вышло въ свѣтъ, кромѣ указанныхъ уже двухъ изданій 1598 и 1599 гг., еще три: въ 1604, 1608 и 1613 гг.

Гораздо меньшимъ успѣхомъ пользовалась вторая часть. До смерти поэта она вышла въ одномъ лишь изданіи въ 1600 году, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ меньшей ея популярности. Дѣйствительно, и теперь еще, когда мы вспоминаемъ напр. о "толстомъ рыцарѣ" Фальстафѣ, намъ припоминаются, прежде всего, чудныя сцены первой части (I, 2; II, 2. 4, V, 4 и другія). Тѣмъ не менѣе, мы не рѣшились бы повторить приговоръ современниковъ поэта безъ оговорокъ и должны, во всякомъ случаѣ, признать обѣ части необходимыми звеньями одного цѣлаго; онѣ дополняютъ другъ друга и немыслимы одна безъ другой; во второй части завершается то, что начато въ первой, а первая – необходимое основаніе второй. Онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что характеристика какъ композиціи, такъ и отдѣльныхъ типовъ должна имѣть въ виду одновременно обѣ части.

Историческій матеріалъ, которымъ воспользовался Шекспиръ, сводится къ слѣдующему:

Дѣйствіе, изображенное въ первой части "Генриха IV", обнимаетъ очень незначительный промежутокъ времени: отъ битвы при Гольмдонѣ (14-го сентября 1402 г.), о которой королю приносятъ вѣсть въ первой же сценѣ перваго дѣйствія, до сраженія при Шрюсбери (Shrewsbury, 21-го іюля 1403), въ которомъ палъ Гарри Перси и изображенію котораго посвящены послѣднія сцены драмы. Въ общемъ, драматическое дѣйствіе здѣсь не расходится съ исторіей, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ отступленій.

Сильнѣе отклоняется отъ историческихъ фактовъ вторая часть. Поэтъ значительно сдвинулъ событія, такъ что факты, между которыми на самомъ дѣлѣ

были промежутки въ нѣсколько лѣтъ, представляются здѣсь совершающимися непосредственно другъ за другомъ.

Самыя событія, легшія въ основу этой второй части, обнимаютъ время отъ 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г.

То было время, полное тревогъ и сильныхъ потрясеній, время переходное отъ средневѣковаго феодальнаго строя къ новому, столь своеобразно сложившемуся въ Англіи. Началось оно уже при Іоаннѣ Безземельномъ (1199-1216 гг.), даровавшемъ своему народу Великую хартію вольностей (1215 г.). При его сынѣ и наслѣдникѣ Генрихѣ III (1216-1272 гг.), мы впервые встрѣчаемся въ исторіи Англіи съ "парламентомъ".

Этимъ словомъ на первыхъ порахъ обозначалось, впрочемъ, лишь собраніе бароновъ – политическій факторъ, возникшій за долго до этого. И только черезъ 50 лѣтъ послѣ Великой хартіи, въ 1265 г., къ совѣщаніямъ были привлечены и представители другихъ сословій, т. е. возникло то, что впослѣдствіи получило названіе нижней палаты. Во время войнъ при сынѣ Іоанна – Эдуардѣ I (1272-1307 гг.), въ особенности же вслѣдствіе смутъ при его внукѣ, несчастномъ Эдуардѣ II (1307-1327 гг.), значеніе парламента въ государственной жизни Англіи все усиливается, что выразилось особенно ярко въ статутѣ 1322 г., дающемъ уже нѣчто въ родѣ конституціоннаго правленія. Развѣтіе это не прерывается также и безконечными войнами съ Франціей, начавшимися при сынѣ

124

Эдуарда II – Эдуардѣ III (1327-1377 гг.), и дѣлаетъ значительные успѣхи особенно при внукѣ послѣдняго, слабомъ и безхарактерномъ Ричардѣ II (1377-1399). Это движеніе, приводившее постепенно къ значительному ограниченію королевской власти, отнюдь, однако, не ослабило значенія феодальныхъ бароновъ, которые, опираясь на свои традиціонныя права и пользуясь весьма значительными матеріальными средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи, пріобрѣтали временами рѣшающее значеніе въ государствѣ, въ особенности послѣ того, какъ со смертію Ричарда II прервалась линія прямого престолонаслѣдія и на престолъ вступила младшая линія Плантагенетовъ, домъ Ланкастеръ, въ лицѣ Генриха IV. Борьба послѣдняго съ непокорными баронами составляетъ главное содержаніе нашихъ драмъ, и лишь войны Алой и Бѣлой Розы между домами Ланкастеръ и Йоркъ (1452-1485 гг.), кончившіяся восшествіемъ на престолъ новой династіи Тюдоръ, родственной Ланкастерамъ, настолько ослабило феодальное дворянство, что короли могли, опираясь на нижнюю палату, съ болѣе прочнымъ успѣхомъ продолжать борьбу съ баронами, и постепенно лишить ихъ прежнихъ политическихъ прерогативъ.

Въ моментъ, когда открывается дѣйствіе нашихъ драмъ, до этого еще очень далеко. Борьба лишь началась, и Генриху IV пришлось вынести на своихъ плечахъ первые удары ея.

Передъ нами въ его лицѣ въ высшей степени сложный и интересный типъ. Сынъ Іоанна Ганта, герцога Ланкастерскаго, родной внукъ короля Эдуарда III и,

стало быть, двоюродный братъ короля Ричарда II, съ которымъ онъ былъ однихъ лѣтъ (оба родились въ 1367 г.), онъ рано пострадалъ отъ смутъ, возникшихъ въ царствованіе этого слабаго короля. Послѣдній, боясь своего умнаго и энергичнаго родственника, успѣвшаго, несмотря на свою молодость, пріобрѣсти громкую военную славу, и предчувствуя въ немъ соперника, изгналъ его изъ Англіи въ 1398 г., а когда отецъ Генриха, герцогъ Ланкастерскій, въ 1399 г. умеръ, то король объявилъ его сына лишеннымъ наслѣдства. Это послужило поводомъ къ открытому возстанію. Генрихъ Болингброкъ (такъ онъ былъ названъ по мѣсту своего рожденія; официально онъ носилъ титулъ герцога Герфордскаго) высадился въ Англіи съ небольшимъ отрядомъ, быстро разросшимся, такъ какъ со всѣхъ сторонъ къ нему стекался народъ, недовольный правленіемъ Ричарда. Высланное противъ него войско было разбито и, благодаря измѣнѣ со стороны графа Нортomberландскаго, играющаго видную роль и въ нашей драмѣ, самъ король вѣроломно былъ схваченъ. Дальнѣйшія событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ: 29-го сентября того же 1399 г. несчастнаго Ричарда заставляютъ отречься отъ престола, 30-го сентября королемъ провозглашается Генрихъ IV, Ричардъ же отводится въ замокъ Помфретъ, гдѣ уже черезъ нѣсколько недѣль онъ умираетъ, вѣроятно насильственной смертью, причемъ народная молва указывала, конечно, на Генриха, какъ на виновника ея. Такъ оно, вѣроятно, и было; во всякомъ случаѣ, Шекспиръ становится именно на эту точку зрѣнія: ему нуженъ былъ данный мотивъ столько же для окончанія драмы "Ричардъ II", сколько для обрисовки объясненія и дальнѣйшаго развитія типа Генриха IV.

Послѣдній, прежде всего, умный, дальновидный и энергичный политикъ, быстро схватывающій суть положенія, быстро и хладнокровно принимающій рѣшенія и затѣмъ уже ни передъ чѣмъ не останавливающійся при ихъ проведеніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта натура не вполне цѣльная; честолюбивыми замыслами и безжалостнымъ ихъ выполненіемъ далеко не исчерпывается его внутренній міръ и ими онъ не удовлетворяется. Оказавшись, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, во главѣ возстанія противъ законнаго короля, онъ, влекомый честолюбіемъ, не отказывается отъ послѣдствій этого положенія и смѣло беретъ на себя отвѣтственность за все, что отсюда вытекало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему всегда присуще сознаніе незаконности его дѣйствій. Достигнувъ престола незаконнымъ путемъ, онъ не только боится потерять свою власть, отлично понимая, какъ умный политикъ, что его ближайшіе друзья и помощники при государственномъ переворотѣ, возведшемъ его на престолъ, необходимо должны явиться и наиболѣе опасными его врагами, когда онъ захочетъ не только называться, но и быть королемъ. Не даромъ онъ пользуется первымъ же случаемъ, чтобы унижить опаснѣйшихъ изъ нихъ – старика Нортomberланда и его сына Перси. Но не въ этомъ одномъ дѣло. Къ лихорадочно-энергичной дѣятельности, которую онъ проявляетъ во время борьбы съ

бунтовщиками, примѣшивается нота скорби и нравственного удрученія отъ сознанія собственной вины. Это не угрызения совѣсти: такіа натуры, какъ Генрихъ, раскаянія не знаютъ; попади онъ вновь въ тѣ же условія, въ какихъ онъ находился въ 1399 г., онъ повторилъ бы свои дѣйствія, не отклоняясь ни на іоту отъ того, что имъ было сдѣлано тогда. Итакъ, предъ нами не угрызения совѣсти, а удрученность, съ которою онъ справиться не можетъ; сознаніе разлада между тѣмъ, что сдѣлано, и тѣмъ, что надлежало сдѣлать по чувству нравственного долга, которое глубоко заложено въ его душу.

Такимъ былъ Генрихъ, повидимому, въ исторіи, таковымъ-же понялъ его и Шекспиръ, заинтересовавшись, конечно, именно этой человѣчной чертой въ нравственномъ обликѣ своего героя. И эта черта, лишь нѣсколько болѣе точно развитая имъ, дала ему возможность создать изъ него почти трагическій типъ. На ней Шекспиръ исключительно и останавливается. Политика короля, помимо борьбы его съ бунтовщиками, его нисколько не интересуєтъ, хотя она стоила того, чтобы въ нее всмотрѣлись. Дѣло въ томъ, что правленіе Генриха IV знаменуетъ собой своего рода переворотъ во внутренней государственной жизни Англіи. Генрихъ IV – первый король котораго можно было бы назвать конституціоннымъ правителемъ, идущимъ на встрѣчу желаніямъ страны и парламента, тогда какъ его предшественники уступали имъ обыкновенно лишь поневолѣ, по принужденію. Такъ, онъ предоставилъ въ 1404 г. парламенту право контроля надъ расходованіемъ податныхъ суммъ и т. под. Лишь въ церковныхъ дѣлахъ онъ велъ независимую отъ парламента политику – и въ этомъ одна изъ темныхъ сторонъ его правленія. Желая привлечь на свою сторону высшее духовенство – все по тому же желанію упрочить свою власть – онъ не только отказался принять предложеніе парламента о секуляризаціи нѣкоторыхъ частей церковнаго имущества, но въ угоду духовенству принялся за истребленіе ученія Виклефа и подвергъ жестокому гоненію огнемъ и мечемъ послѣдователей его, такъ называемыхъ лоллардов¹. Въ этомъ отношеніи его примѣру послѣдовалъ и его сынъ, любимецъ Шекспира, Генрихъ V.

Но Шекспира указанная сторона дѣятельности Генриха не интересуєтъ и интересоваться не могла. Онъ останавливаетъ вниманіе исключительно на борьбѣ изъ-за династическихъ интересовъ, вокругъ которой онъ искусно группируетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, лишь слегка видоизмѣняя ходъ историческихъ событій.

Послѣднихъ немного. Генрихъ Перси, сынъ графа Нортумберланда, пока еще сторонникъ короля, одержалъ блестящую побѣду при Гольмдонѣ надъ шотландскимъ графомъ Дугласомъ и захватилъ много знатныхъ плѣнныхъ, которыхъ онъ, однако, отказывается выдать королю, за исключеніемъ одного Мордака, графа Фейфскаго. Король былъ правъ, усмотрѣвъ тутъ открытое пренебреженіе къ своей власти и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы энергично отстоять королевскія права передъ своими прежними союзниками. Противъ короля въ сѣверныхъ провинціяхъ образовалась сильная дворянская коалиція, душею которой былъ Генрихъ Перси. Но въ самый рѣшительный моментъ Перси былъ покинутъ частью своихъ союзниковъ – между прочимъ

собственнымъ отцомъ. Принявъ тѣмъ не менѣе сраженіе, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и самъ палъ въ битвѣ при Шрюсбери.

Таковы факты, легшіе въ основу первой части драмы Шекспира. Онъ нашелъ ихъ въ хроникѣ Голиншеда, которая является его главнымъ, если не единственнымъ источникомъ для всѣхъ частей драмы. Правда, уже раньше, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка, личность принца Уэльскаго, позднѣйшаго Генриха V, послужила предметомъ драматической обработки въ пьесѣ "The famous victories of Henry V"; но драма эта до-нельзя груба и лишена всякихъ художественныхъ достоинствъ. Шекспиръ ее навѣрное зналъ, но воспользоваться ею онъ могъ только въ нѣкоторыхъ незначительныхъ частностяхъ, намекахъ и именахъ.

Разсказа же хроники Голиншеда онъ придерживается строго, позволяя себѣ лишь незначительныя отступленія отъ него въ интересахъ художественныхъ. Такъ напр. Генрихъ Перси (род. 1367), у него ровесникъ принца Уэльскаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ на 20 лѣтъ старше послѣдняго (род. 1387). Но зависимость Шекспира отъ хроники сказывается напр. въ томъ, что онъ, какъ послѣдняя, смѣшиваетъ двухъ одноименныхъ лицъ, сливъ ихъ воедино: - Эдмунда Мортимера, сына

126

Филиппы, внучки Эдуарда III, зятя предводителя уэльскаго возстанія Оуэна Глендовера, и младшаго Эдмунда Мортимера, графа Марчскаго.

Таковы источникъ и матеріалъ. Что-же сдѣлалъ изъ него Шекспиръ?

Выше я назвалъ первую часть "Генриха IV" своего рода откровеніемъ въ исторіи англійскаго театра. По новизнѣ и смѣлости композиціи и типовъ она дѣйствительно была таковымъ. По композиціи это, строго говоря, вовсе не драма, такъ какъ драматическаго дѣйствія въ ней очень мало, и то небольшое, что заслуживаетъ этого названія – безхитростная завязка, заговоръ, и быстро слѣдующая за нею развязка, пораженіе бунтовщиковъ – такъ мало привлекаетъ вниманіе читателя или зрителя, что онъ подчасъ совершенно забываетъ о немъ, отвлекаясь отъ него эпизодическими вставками, которыя по существу ничего общаго съ главнымъ дѣйствіемъ не имѣютъ.

Послѣднее простой предлогъ, дающій поэту возможность сгруппировать вокругъ одного центра рядъ блестящихъ живыхъ типовъ. Лишь въ очень незначительной степени развитіе ихъ обусловлено дѣйствіемъ, и наоборотъ – дѣйствіе приводится въ движеніе и поддерживается въ немъ лишь отчасти характеромъ этихъ типовъ. Внутренней, необходимой связи между ними не чувствуется.

Съ точки зрѣнія общепринятой теоріи драматической композиціи, такая постановка дѣла не можетъ не быть признана грубымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ драматическаго искусства.

Но поэтъ идетъ еще дальше: онъ сознательно и намѣренно раздваиваетъ интересъ, сосредоточивая его то на одномъ, то на другомъ. Главный герой драмы,

конечно, не Генрих IV, давший ей имя; важнейшее, в смысле интереса, действующее лицо без всякого сомнения – Фальстаф. А что общего между ним и главным действием? Он стоит совершенно в стороне от него, и в тех немногих случаях, где он входит с ним в соприкосновение, он одним своим появлением нарушает производимое этим действием впечатление.

"Генрих IV", конечно, вовсе не драма, а лишь ряд драматических сцен, точнее – эпос в драматической форме. Действительно, тут все дышет эпосом: полное почти отсутствие драматического развития; спокойствие, с которым поэт, не спеша, отделяет мельчайшие детали в портретах своих героев, и многое другое. Никогда никто ни до, ни после Шекспира не посмел так беззаботно-самоуверенно, как бы свысока, отнестись к законам драмы, и уже во всяком случае это никогда никому так не удавалось, как ему.

В этом отношении "Генрих IV" – единственное в своем роде произведение всемирной литературы; в этом – и еще в другом: в создании того типа, которому наша драма главным образом обязана своей славой – в создании великого бессмертного толстого Фальстафа, все просвещающего – и все уничтожающего своей бездонно глубокой житейской философией. Кто устоит перед обаянием этой безобразной личности? Мы любим его с первого момента появления его на сцене, и любим, как следует любить – с тоской при разлуке. Перед нами совершаются великие дела, выступают настоящие герои, но нет Фальстафа – и все нам кажется постылым. Где же Фальстаф? Скоро ли будет Фальстаф? Но вот он явился – и все озарилось, и мы с глубоким наслаждением любуемся красотой этого безобразного тела. Его одного было бы достаточно, чтобы заставить нас забыть о всех изъянах драмы как таковой – если бы мы их замечали при чтении. Но в том-то же и дело, что мы их не замечаем: так властно овладевает нами поэт с первых же слов. В редких драмах Шекспир достиг такого мастерства в обрисовке мельчайших деталей при полном отсутствии того, что мы могли бы назвать напряжением творческой силы. Говорят, что все произведения Шекспира в большей или меньшей степени импровизации, плод счастливой минуты, результат таинственного наития, которое дается без труда и напряжения. Так ли это или нет – вопрос по меньшей мере спорный; но во всяком случае нет другой драмы его, в которой впечатление беззаботного творчества получалось бы так ясно, как именно в "Генрих IV", не смотря на то, что Шекспир несомненно чувствовал себя связанным исторической традицией.

Выше уже было указано, что заглавный герой – сам Генрих IV – прямо перенесен Шекспиром из хроники в драму. Он только перевел его на свой родной художественный язык, вследствие чего стиль, если можно так выразиться, получился иной чем в хронике Голиншеда. Фактически нового он к нему ничего не прибавил,

развивъ его лишь въ извѣстномъ направленіи. Такъ, ему одному принадлежитъ характеристика отношенія Генриха къ сыну, отношенія, бросающагося изъ одной крайности въ другую. Неудовольствіе сыномъ, однако, преобладаетъ, и онъ завидуешь старику Нортмберленду, сынъ котораго – знаменитый Перси: "О, еслибъ можно было доказать, что эльфы ночной порой подмѣнили нашихъ сыновей въ пеленкахъ, что мой сынъ – Перси, а его – Плантагенетъ" (1-ая ч., I, 1). Этимъ усугубляется трагизмъ его положенія: несмотря на весь свой умъ, онъ не разглядѣлъ сына, хотя послѣдній неоднократно даетъ ему къ тому возможность. Моментами въ его душу входитъ иное чувство къ сыну (напр. 1 часть III, 2), но эти моменты рѣдки и смѣняются часами недовѣрія.

Впрочемъ, принцъ Уэльскій дѣйствительно на столько сложная натура, что разглядѣть и понять ее даже отцу было не легко. Исходная точка и здѣсь также хроника Голиншеда, которая даетъ нѣсколько намековъ на распутную жизнь молодого принца въ бытность его наслѣдникомъ престола. Изъ хроники они перешли и въ упомянутую выше до-шекспировскую драму о Генрихѣ V. Весьма вѣроятно, что въ нихъ есть нѣкоторая доля правды. Въ драмѣ – это одна изъ важнѣйшихъ чертъ, на которой поэтъ останавливается съ особенной охотой не потому только, что каждая подобная сцена приводила къ Фальстафу, но и ради самого принца. Это любимѣйшій его герой, его идеалъ, если у него вообще былъ таковой въ обычномъ смыслѣ слова. Давно уже была высказана догадка, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ автобіографическимъ элементомъ, т. е. что Шекспиръ изобразилъ въ лицѣ принца самого себя въ извѣстную пору своей жизни. Многія соображенія говорятъ въ пользу этой догадки. Мы знаемъ также, что поэтъ не любилъ отказываться отъ хорошей компаніи и что онъ былъ желаннымъ гостемъ въ кабакѣ "Морской дѣвы" (Mermaid), въ которомъ собиралась литературная и театральная молодежь Лондона. Существуетъ также предположеніе, что Фальстафъ съ внѣшней стороны не что иное какъ портретъ одного изъ членовъ кружка, - толстяка Четля (Henry Chettle). Такъ-ли это или нѣтъ, мы провѣрить не можемъ; да это и не нужно для уразумѣнія данныхъ типовъ.

Въ особенности принцъ представляется намъ въ изображеніи Шекспира вполне яснымъ. Это великая по своей нравственной силѣ личность, цѣльная, правдивая, прямая и какъ-то самоувѣренно, но искренне скромная. Въ компанію Фальстафа и его собутыльниковъ принцъ попалъ совершенно сознательно; онъ относится къ ней трезво, нисколько не обманывая себя относительно нравственной ея чистоплотности. Не избѣгаетъ онъ ея, какъ слѣдовало-бы ожидать, а ищетъ. И не то, чтобы распутная жизнь и оргіи его привлекали: привлекаетъ его неистощимое остроуміе Фальстафа и тотъ духъ абсолютной свободы, нестѣсняемой никакими социальными или иными предразсудками, который исходитъ отъ толстаго рыцаря. Правда, отсутствіе предразсудковъ сопровождается полнѣйшимъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. Но принцъ достаточно знаетъ себя, чтобы понять, что съ этой стороны не грозитъ опасности заразы. При дворѣ отца ему дѣлать нечего: отецъ, прежде всего, хитрый дипломатъ, и при всей искренней любви они другъ друга понять не могутъ. А заискивать передъ отцомъ онъ тоже не можетъ. И вотъ онъ самоувѣренно

удаляется отъ двора, зная, что часъ настанетъ, когда онъ будетъ нуженъ. А что о немъ пока говорятъ, это ему безразлично: сильной натурѣ не приходится считаться съ тѣмъ, какова ея слава, она прокладываетъ себѣ дорогу, не оглядываясь боязливо на другихъ.

Въ данномъ случаѣ дорога эта ведетъ черезъ кабакъ и пьяную компанію Фальстафа, и первая же сцена, въ которой мы с нимъ знакомимся (I, 2), вводитъ насъ въ самую суть дѣла. Сцена превосходная, рисующая намъ нашихъ любимцевъ не въ разгаръ веселой пирушки, а скорѣе послѣ весело проведенной пьяной ночи. Оба, какъ принцъ, такъ и Фальстафъ, какъ будто устали; правда, шутки и каламбуры сыпятся по обыкновенію со всѣхъ сторонъ, но они какъ то не такъ веселы и свѣжи, какъ всегда. Всѣхъ давитъ свинцовая атмосфера, обычная въ подобныхъ случаяхъ, и ею, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и знаменитый краткій монологъ въ концѣ этой сцены, въ которомъ принцъ характеризуетъ свое отношеніе ко всей этой компаніи:

Я всѣхъ васъ знаю, но хочу на время
Потворствовать затѣямъ вашимъ празднымъ,
И въ этомъ стану солнцу подражать.

128

Оно злоторнымъ тучамъ позволяетъ
Отъ міра закрывать свою красу,
Чтобъ послѣ, становясь самимъ собою,
Прорвавши дымъ уродливыхъ тумановъ,
Который задушить его грозилъ,
Къ себѣ тѣмъ больше вызвать удивленья,
Чѣмъ дольше міръ его лишенъ былъ свѣта.
Будь цѣлый годъ изъ праздниковъ составленъ,
Досугъ-бы такъ же скученъ былъ, какъ трудъ,
Но тѣмъ желанны праздники, что рѣдки;
Случайная-же радость всѣхъ сильнѣй.
Такъ, отъ разгульной жизни отрѣшившись
И уплативъ, чего не обѣщаль,
Тѣмъ выше буду всѣми я поставленъ,
Чѣмъ больше всѣхъ надежды обману.
Какъ блестящій металлъ на темномъ фонѣ,
Мое перерожденіе затмитъ
Своимъ сіяньемъ прежнія ошибки
И взоры блескомъ привлечетъ сильнѣй,
Чѣмъ если-бъ мишура его не отгѣняла.
Съ искусствомъ подведу своимъ ошибкамъ счетъ
И вдругъ ихъ искуплю, когда никто не ждетъ.

Монологъ этотъ нѣсколько страненъ и хвастливый его тонъ, строго говоря, совсѣмъ не подходитъ къ скромному веселому принцу: словно онъ сознательно

ищетъ Фальстафа только для того, чтобы потомъ блеснуть передъ свѣтомъ неожиданно сохраненной невинностью. Онъ этимъ оскорбляетъ не столько своего пріятеля – толстяка, сколько самого себя, ибо это была бы игра въ прятки, недостойная принца. Нѣкоторые комментаторы, также чувствовавшіе диссонансъ, который заключается въ этомъ монологѣ, пытались объяснить его тѣмъ, что, поэтъ хотѣлъ какъ можно скорѣе выяснитъ зрителямъ истинную натуру принца, во избѣжаніе недоразумѣнія. Но пріемъ всетаки остается грубымъ; и въ особенности въ этой драмѣ намъ пришлось бы признать спорный монологъ единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ звучалъ бы разсчетъ на извѣстнаго рода эффектъ, совершенно притомъ ненужный. Въдь если принцъ хотѣлъ поразить людей неожиданностью своей нравственной силы и чистоты, то тотъ-же эффектъ онъ конечно произвелъ бы и на зрителей, еслибы впослѣдствіи вдругъ оказалось, что онъ совсѣмъ не такой распущенный человѣкъ, какимъ онъ казался раньше. Становясь же на нашу точку зрѣнія, мы услышимъ въ этомъ монологѣ лишь понятную въ такомъ положеніи ноту досады на самого себя и желаніе хотя сколько нибудь утѣшить себя и подбодрить.

Личность принца единственная въ драмѣ, которая до извѣстной степени развивается. Правда, конецъ развитія лежитъ внѣ границъ двухъ нашихъ драмъ: лишь король Генрихъ V "исполняетъ то, что обѣщалъ принцъ"; въ этомъ отношеніи обѣ части "Генриха IV" лишь прологъ къ "Генриху V"; но самая интересная и важная часть этого развитія происходитъ именно здѣсь. Она рисуетъ намъ постепенное – шагъ за шагомъ – отчужденіе принца отъ Фальстафа, и нигдѣ, можетъ быть, искусство психологической мотивировки, обычное у Шекспира, не сказалось такъ блестяще, какъ здѣсь. Принца, съ одной стороны, отвлекаютъ заботы объ отцѣ и государствѣ; въ немъ проснулся наслѣдникъ престола и рыцарь, сохранившій въ неприкосновенной полнотѣ чувство долга и понимающій всю серьезность положенія.

Внимательный читатель легко замѣтитъ постепенное усиленіе этой ноты и, въ зависимости отъ нея, охлажденіе къ Фальстафу, съ которымъ принцъ во второй части сходится уже гораздо рѣже. Мастерски поэтъ сумѣлъ подготовить полный разрывъ послѣ восшествія на престолъ; онъ совершается не разомъ, а подготовленъ всѣмъ предшествующимъ развитіемъ, и всякій изъ насъ чувствуетъ, что онъ необходимъ. Наша симпатія къ Фальстафу, правда, не легко мирится съ этимъ фактомъ, который, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, кажется намъ слишкомъ жестокимъ.

Когда старикъ, надъ которымъ только что пронеслась длинная поучительная рѣчь молодого короля, возвращающагося съ коронаціи (2 ч. V, 5), находитъ въ отвѣтъ только грустную шутку, съ которою онъ обращается къ своему сосѣду: "Мистеръ Шалло, я вамъ долженъ 1000 фунтовъ!" - то нами невольно овладѣваетъ чувство глубокаго состраданія. И напрасно поэтъ, готовя эту сцену въ предыдущемъ, старался ослабить производимое ею впечатлѣніе, намѣренно выставляя на показъ все худшія и худшія стороны стараго грѣшника, - впечатлѣніе остается все то же, и виноватъ тутъ самъ поэтъ, сумѣвшій придать этой безобразной фигурѣ неотразимую прелесть.

Процессъ отчужденія отъ Фальстафа есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ очищенія молодого принца и подготовки его къ великому призванію. Съ этой точки зрѣнія

129

Фальстафада представляется необходимымъ элементомъ нашей драмы. Цѣлямъ всесторонней характеристики Генриха служатъ и всѣ остальные дѣйствующія лица, и на первомъ планѣ – Генрихъ Перси, его соперникъ по храбрости, блестящій, мужественный, но по уму – недалекій. Всѣ его любятъ за то, что онъ, герой, при одномъ имени котораго всѣ враги дрожатъ, беспомощенъ какъ ребенокъ, какъ только дѣло коснется чего иного, чѣмъ войны и боя. Аристократъ до мозга костей, онъ ставитъ честь выше всего, честь рыцарскую, довольно своеобразно и узко понимаемую. Спокойная разсудительность ему совершенно чужда; онъ либо молчитъ и бездѣйствуетъ, либо увлекается, да такъ, что никто и ничто уже не можетъ его удержать. Это человѣкъ импульса, олицетвореніе извѣстнаго темперамента, безъ участія въ немъ разсудка. Въ концѣ концовъ онъ губитъ себя и дѣло своихъ друзей, столкнувшись съ человѣкомъ не менѣе храбрымъ и сильнымъ, но болѣе умнымъ, чѣмъ онъ, съ принцемъ Генрихомъ. При всей цѣльности и даже при всемъ величїи этого типа, онъ въ своихъ увлеченїяхъ доходитъ, самъ того не замѣчая, до той черты, за которой уже начинается смѣшное. Очень мѣткую, хотя и каррикатурную характеристику его даетъ принцъ Генрихъ (1-ая часть, II, 4): "Перси какъ ни въ чемъ не бывало убиваетъ къ завтраку 6-7 дюжинъ шотландцевъ, умываетъ руки и говоритъ женѣ: "экая скучная жизнь! Надо придумать себѣ работу". "Сердечный мой, отвѣчаетъ она, сколькихъ-же ты сегодня убилъ?" "Напойте моего коня", говоритъ онъ, и черезъ часъ лишь отвѣчаетъ: "Штукъ четырнадцать. Сущіе пустяки!"

Къ характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ "Генриха IV" и къ Фальстафу мы еще вернемся въ предисловіи къ "Виндзорскимъ проказницамъ". Ср. также предисловіе къ "Генриху V".

Событія, легшія въ основу второй части "Генриха IV", обнимаютъ время отъ 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г. Что и здѣсь фактическая сторона играетъ второстепенную роль, явствуетъ уже изъ того, что она является до извѣстной степени повтореніемъ фабулы первой части. Мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ баронами, возставшими противъ короля, и все сводится къ подавленію ихъ бунта. Едва-ли Шекспиръ счелъ бы нужнымъ посвятить этимъ событіямъ новую драму, еслибъ ему не предстояла необходимость довести до конца развитіе принца Уэльскаго, будущаго Генриха V. Само дѣйствіе здѣсь еще менѣе интересно, чѣмъ въ первой части, такъ какъ среди враговъ короля нѣтъ уже могучихъ фигуръ Перси и графа Дугласа, нѣтъ и жалкаго, но интереснаго по типу Глендовера. Да и самъ король менѣе энергиченъ и дѣятеленъ, дѣйствіе подвигается медленнѣе и однообразнѣе. Наконецъ, Фальстафъ и его сподвижники спустились ниже и поэтъ намѣренъ, какъ мы видѣли, сгущаетъ темныя краски. Очевидно, что и въ глазахъ Шекспира эта вторая часть самостоятельнаго значенія не имѣла. Она служитъ

лишь переходомъ отъ первой части къ "Генриху V", которымъ завершается трилогія.

Въ виду этой служебной цѣли, Шекспиръ намѣренно сократилъ дѣйствіе, сильно сдвинувъ событія. Старикъ Нортмберлэндъ, отецъ убитого Перси, не поднялъ возстанія немедленно послѣ битвы при Шрюсбери, въ несчастномъ исходѣ которой онъ отчасти самъ былъ виноватъ. Наоборотъ, онъ безъ сопротивленія покорился побѣдителю-королю, и лишь черезъ два года онъ собрался съ духомъ, чтобы отомстить за смерть сына, и возвелъ на англійскій престолъ молодого Эдмунда, графа Марчскаго, который, будучи по бабушкѣ правнукомъ герцога Кларенскаго, второго сына Эдуарда III, имѣлъ, казалось, болѣе правъ на престолъ, чѣмъ династія Ланкастеровъ. Снова образовалась коалиція противъ короля, къ которой, кромѣ цѣлаго ряда феодаловъ, примкнулъ и архіепископъ Йоркскій. Заговоръ окончился плачевно: важнѣйшіе заговорщики, между прочими и архіепископъ, были вѣроломно схвачены и казнены. Старикъ Нортмберлэндъ спасся бегствомъ въ Шотландію, но и онъ палъ въ 1408 г. во время нападенія на англійскія пограничныя области. Принцъ Генрихъ въ этихъ дѣлахъ участія не принималъ: онъ былъ занятъ въ Уэльсѣ борьбой съ Глендоверомъ.

Король Генрихъ пережилъ свою побѣду надъ бунтовщиками еще на цѣлыхъ 5 лѣтъ, тогда какъ у Шекспира онъ умираетъ непосредственно послѣ побѣды.

Ө. Браунъ.

130

Король Генрихъ IV.

Дѣйствующія лица I части "Генриха IV".

Король Генрихъ IV.	}	сыновья короля.
Генрихъ, принцъ Уэльскій.		
Джонъ, принцъ Ланкастерскій.		
Графъ Вестморлэндъ.		
Сэръ Вальтеръ Блентъ.		
Томасъ Перси, графъ Ворчестеръ.		
Генрихъ Перси, графъ Нортмберлэндъ.		
Генрихъ Перси, по прозвищу Готспуръ, его сынъ.		
Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчъ.		
Скрупъ, архіепископъ Йоркскій.		
Арчибальдъ, графъ Дугласъ.		
Овенъ Глендоверъ.		
Сэръ Ричардъ Вернонъ.		
Сэръ Джонъ Фальстафъ.		
Сэръ Микаэль, другъ архіепископа Йоркскаго.		
Пойнсъ.		
Гэдсгиль.		

Пето.

Бардольфъ.

Лэди Перси, жена Готспура, сестра Мортимера.

Лэди Мортимеръ, дочь Глендова и жена Мортимера.

Мистриссъ Квикли, хозяйка таверны въ Истчипъ.

Лорды, офицеры, шерифъ, старшій трактирный слуга, младшій трактирный слуга, мальчики, извозчики, путешественники, свита.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

131

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, Вестморлэндъ, сэръ Вальтеръ Блентъ и другіе.

Король Генрихъ.

Истомлены, въ заботахъ поблѣднѣвъ,
Мы все-жъ нашли, что испуганному миру
Пора вздохнуть, чтобъ вскорѣ прозвучали
Прерывистые клики новыхъ войнъ,
Которыя въ странахъ начнутся дальнихъ.
Пусть жадный прахъ земли родной отнынѣ
Не обагрятъ больше устъ въ крови
Своихъ дѣтей. Пусть острый мечъ войны
Ея полей не бороздитъ глубоко,
Пусть тяжкія копыта вражьей рати
Ея цвѣтовъ не топчутъ. Тѣ бойцы,
Что, обративъ другъ къ другу взоръ враждебный,
Какъ метеоры въ бурныхъ небесахъ,
Родные всѣ по духу и по крови,
Еще недавно сталкивались въ шумѣ
Гражданскихъ сѣчь и внутреннихъ усобицъ, -
Пускай согласно, стройными рядами
Однимъ отнынѣ шествуютъ путемъ,
Роднымъ, друзьямъ, знакомымъ не на встрѣчу.
Клинокъ войны, какъ ножъ, что плохо спрятанъ
Въ ножны, пускай хозяина не ранитъ.
Итакъ, друзья, туда, гдѣ гробъ Христа, -
Подъ сѣнью-же Его креста честнаго
Призванье и обѣтъ влекутъ насъ биться, -
Хотимъ подвинуть рать изъ англичанъ.

Еще въ утробѣ матери ихъ руки
Сложились, чтобъ язычниковъ прогнать
Съ земли святой, къ которой прикасались
Стопы благословенныя Того,
Кто ради насъ, четырнадцать столѣтій
Тому назадъ, былъ пригвожденъ къ кресту.
Но эти мысли мы ужъ годъ лелѣемъ, -
Излишне повторять, что ихъ свершимъ.
Не съ тѣмъ сошлись мы. Но хотимъ услышать
Отъ васъ, кузенъ любезный Вестморлэндъ,
Какъ нашъ совѣтъ рѣшилъ вчерашней ночью,
Чтобъ дѣло, дорогое намъ, ускорить.
Вестморлэндъ.
Вопросъ объ ускореніи, государь,

132

Былъ обсуждаемъ горячо, расходовъ
Утверждены различныя статьи,
Какъ вдругъ, ужъ поздней ночью, изъ Валлиса
Съ недобрыми гонецъ вѣстями прибылъ.
Вотъ худшая: отважный Мортимеръ,
Ведя на бой мужей изъ Герфордшейра
Съ неистовымъ Глендоверомъ сражаться,
Попался въ руки грубыя валлійца.
До тысячи изрублено солдатъ,
И трупы ихъ столь скотски поруганью
Со стороны валлійскихъ женъ подверглись,
Увѣчьямъ столь безстыднымъ, что нельзя
О томъ повѣдать слово, не краснѣя.
Король Генрихъ.
И кажется, что вѣсть объ этой битвѣ
Заботы о Святой землѣ прервала?
Вестморлэндъ.

Да, добрый государь, въ связи съ другими.
Еще тревожнѣй вѣсть и злополучнѣй
Къ намъ съ сѣвера пришла и такъ гласить:
Сошлись въ день Воздвиженья креста
Подъ Гольмедономъ младшій Гарри Перси,
Блестящій Готспуръ, съ доблестнымъ шотландцемъ,
Прославленнымъ и храбрымъ Арчибальдомъ,
И завязался тяжкій бой кровавый.
Объ этомъ заключаютъ по пальбѣ
Орудій ихъ и признакамъ другимъ.

Гонецъ-же самъ, принесшій намъ извѣстье,
Вскочилъ въ разгаръ сраженья на коня
И ничего не знаетъ объ исходѣ.

Король Генрихъ.

Вотъ дорогой и дѣятельный другъ,
Сэръ Вальтеръ Блентъ. Онъ только что съ коня
На землю спрыгнулъ и еще покрытъ
Весь брызгами разнообразныхъ почвъ
Межъ Гольмедономъ и жилищемъ нашимъ.
Отраднѣе вѣсть его: разбитъ графъ Дугласъ.
Онъ видѣлъ на равнинѣ гольмедонской
Рядами легшихъ въ собственной крови
Шотландцевъ храбрыхъ десять тысячъ, двадцать
Двухъ рыцарей. А въ плѣнъ Готспуромъ взяты
Мордэкъ, графъ Файфскій, старшій сынъ Дугласа,
Разбитаго имъ тутъ же, также графы
Атоль и Муррей, Ангусъ и Ментейтъ.
Ужели не почетная добыча,
Не славная награда? Что, кузень?

Вестморлэндъ.

Да, принцъ бы могъ такой побѣдой хвастать.

Король Генрихъ.

Вотъ ты меня повергъ въ печаль, а вмѣстѣ
И согрѣшить заставилъ тѣмъ, что къ лорду
Нортумберлэнду зависть возбудилъ, -
Къ отцу такого доблестнаго сына,
Чье имя на устахъ всегда у славы,
Кто, возносясь, какъ стволъ стройнѣйшій въ роцѣ,
Сталъ баловнемъ и гордостью судьбы.
Межъ тѣмъ какъ я, свидѣтель славы чуждой,
Взираю, какъ безславіе и распутство
Чело пятнають Гарри моего.
О, еслибъ вѣрить, что, скитаясь ночью,
Еще въ пеленкахъ фея подмѣнила
Малютокъ нашихъ, моему названью
Давъ Перси, а его – Пантагенета.
Тогда-бы мнѣ его достался Гарри,
А мой – ему. Но прочь такія мысли.
Что скажете, кузень, вы о подобномъ
Высокомѣрьи Готспура? Всѣхъ плѣнныхъ,
Имъ взятыхъ въ битвѣ, хочеть удержать
Въ свою онъ пользу, мнѣ-же слово шлетъ,
Что только графа Файфскаго мнѣ выдастъ.

Вестморлэндъ.

Подъучень дядей Ворчестеромъ онъ,
Къ вамъ всячески враждебнымъ. Оттого
Топорщится и гребень молодой
Подъемлетъ противъ вашего онъ сана.

Король Генрихъ.

Но я къ нему послалъ, зовя къ отвѣту.
Итакъ, на срокъ откажемся отъ нашихъ
Священныхъ сборовъ въ Іерусалимъ.
Совѣтъ мы держимъ въ будущую среду
Въ Виндзоръ. Такъ оповѣстите лордовъ,
А сами возвращайтесь къ намъ скорѣй.
Сказать и сдѣлать многое осталось,
Къ чему не должно въ гнѣвъ приступить.

Вестморлэндъ.

Я все исполню, государь.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая комната во дворцѣ.

Входятъ Генрихъ, принцъ Уэльскій, и Фальстафъ.

Фальстафъ. Послушай, Галь, какое теперь время дня, братецъ?

Принцъ Генрихъ. У тебя мозги такъ заплыли жиромъ отъ питья стараго хереса, разстегиванія жилета послѣ ужина, и дрыханья по скамейкамъ послѣ обѣда, что ты

133

разучился спрашивать о томъ, что въ самомъ дѣлѣ хочешь знать. На кой чортъ тебѣ справляться о времени дня? Другое дѣло, если-бы часы были бокалами хереса, минуты каплунами, маятники языками сводень и циферблаты вывѣсками публичныхъ домовъ, а само солнце на небѣ красивой, горячей дѣвкой въ огненно-красномъ шелкѣ, - а то я не вижу причины, зачѣмъ бы тебѣ спрашивать о времени дня.

Фальстафъ. Печальную ты правду сказалъ, Галь. Мы, обиратели кошельковъ, живемъ по лунѣ и семизвѣздію, а не по Фебу, этому "прекрасному странствующему рыцарю". И я прошу тебя, голубчикъ, когда будешь королемъ, - да сохранить Господь твою милость, - я хотѣлъ сказать твое величество, потому что милости тебѣ не будетъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ, совсѣмъ не будетъ?

Фальстафъ. Вѣрно говорю, не будетъ – даже на молитву передъ завтракомъ изъ яицъ и масла.

Принцъ Генрихъ. Ну, такъ что-жъ ты хотѣлъ сказать? Валяй безъ околичностей.

Фальстафъ. Такъ вотъ, голубчикъ, когда ты будешь королемъ, пусть насъ, рыцарей ночи, не зовутъ дневными грабителями; пусть мы считаемся лѣсничими Діаны, кавалерами ночного мрака, любимцами луны; пусть говорятъ, что мы люди правые, потому, что нами, какъ и моремъ, править наша благородная и цѣломудренная повелительница – луна, подъ покровительствомъ которой мы грабимъ.

Принцъ Генрихъ. Хорошо сказано, и совершенно вѣрно, потому что у насъ, служителей луны, счастье имѣетъ свой приливъ и отливъ, какъ море. Нами, какъ и моремъ, управляетъ луна. И вотъ примѣръ: въ понедѣльникъ ночью золото приливаетъ послѣ отважнаго грабежа, а во вторникъ утромъ отливаетъ послѣ безпутнаго кутежа. Добыто оно грознымъ окликомъ "отдавай"; пропито съ криками "подавай". То счастье убываетъ ниже первой ступени лѣстницы, а то, гляди, и приливаетъ до верхняго края висѣлицы.

Фальстафъ. Вѣрно, братецъ, ей Богу. А неправда ли, моя трактирщица объядѣніе?

Принцъ Генрихъ. Сладка, какъ медъ, старый хвастунъ. А не правда ли, буйволовая куртка очень прочная штука?

Фальстафъ. Ну тебя, сумасшедшій. Что это за остроты и шутки? какое мнѣ, чортъ возьми, дѣло до буйволовой куртки?

Принцъ Генрихъ. А на кой дьяволъ мнѣ трактирщица?

Фальстафъ. Ты вѣдь ее не разъ звалъ, чтобы сводить счеты.

Принцъ Генрихъ. Развѣ я когда нибудь требовалъ, чтобы ты уплатилъ свою часть?

Фальстафъ. Нѣтъ, отдаю тебѣ справедливость, ты всегда тамъ за все платилъ.

Принцъ Генрихъ. И тамъ, и вездѣ, пока у меня были деньги; а когда не хватало, я пускалъ въ ходъ мой кредитъ.

Фальстафъ. Да, и такъ имъ пользовался, что изъ этого слѣдовало, что ты наслѣдникъ. Но прошу тебя, голубчикъ, скажи мнѣ, неужели въ Англіи будутъ еще висѣлицы, когда ты станешь королемъ, неужели ржавыя цѣпи дѣдушки Закона будутъ, какъ и теперь, сковывать храбрецовъ? Пожалуйста, когда будешь королемъ, не вѣшай ни одного вора.

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, это будешь дѣлать ты.

Фальстафъ. Я? Чудесно. Клянусь Богомъ, я буду славнымъ судьей.

Принцъ Генрихъ. Вотъ ты уже и невѣрно разсудилъ: я хотѣлъ сказать, что тебѣ будетъ предоставлено вѣшать воровъ, и что ты сдѣлаешься такимъ образомъ отличнымъ палачомъ.

Фальстафъ. Хорошо, братъ, хорошо; это мнѣ такъ же по душѣ, какъ служба при дворѣ, увѣряю тебя.

Принцъ Генрихъ. Тебя прельщаетъ плата?

Фальстафъ. Да, меня прельщаетъ платѣе – а у палача запасъ его не малый. Чортъ возьми, и я сегодня печаленъ, какъ старый котъ, или медвѣдь на цѣпи.

Принцъ Генрихъ. Или какъ старый левъ? или лютня влюбленнаго?

Фальстафъ. Да, или какъ сопѣніе линкольнширской волынки.

Принцъ Генрихъ. Можно еще сказать, какъ заяцъ, или какъ мрачный Мурскій ровъ.

Фальстафъ. Ты любишь самыя непріятныя сравненія; право, ты самый несравненный, самый негодный и самый милый молодой принцъ на свѣтѣ. Но, пожалуйста, Галь, не искушай меня болѣе суетными благами. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ намъ съ тобой купить доброе имя. Меня недавно на улицѣ одинъ старый членъ Совѣта бранилъ за вась, сэръ; но я не слушалъ его; а онъ говорилъ очень умно; я не обращалъ на

134

него вниманія – а онъ говорилъ очень мудро, и притомъ на улицѣ.

Принцъ Генрихъ. Такъ оно всегда бываетъ – вѣдь сказано, что мудрость кричитъ на улицѣ, и никто ее не слушаетъ.

Фальстафъ. Какая у тебя нечестивая страсть къ текстамъ; право, ты можешь совратить и святого. Ты прямо таки загубилъ мою душу, Галь, – да проститъ тебя Богъ. До моего знакомства съ тобой, Галь, я былъ невиненъ; а теперь я, говоря по правдѣ, немногимъ лучше самага большого нечестивца. Мнѣ необходимо измѣнить свой образъ жизни и я измѣню его, клянусь честью; пусть меня назовутъ мерзавцемъ, если не измѣню; я не хочу погубить душу ни изъ за какого королевскаго сына во всемъ мірѣ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ бы намъ завтра стащить кошелекъ съ деньгами, Джэкъ?

Фальстафъ. Гдѣ хочешь, братецъ, я буду заодно съ тобой; назови меня подлецомъ и наплюй мнѣ въ глаза, если я отрекусь отъ тебя.

Принцъ Генрихъ. Хорошо-же ты каешься – отъ молитвъ къ грабежу.

(Вдали показывается Пойнсъ).

Фальстафъ. Что-же дѣлать, Галь, таково мое призваніе: не грѣшно слѣдовать своему призванію. Ба, Пойнсъ! – Теперь мы узнаемъ, выслѣдилъ ли Гэдсгиль что нибудь. Да, еслибы спасеніе людей зависѣло отъ ихъ добродѣтелей, въ аду не нашлось-бы достаточно жаркаго мѣста для него. Онъ величайшій плутъ изъ всѣхъ, когда либо останавливавшихъ на дорогѣ честныхъ людей крикомъ: стой!

Принцъ Генрихъ. Здравствуй, Недъ.

Пойнсъ. Здравствуй, милый Галь. Ну, что подѣлываетъ синьоръ Раскаяніе? Какъ поживаетъ сэръ Джонъ Сладкій Хересь? Джэкъ, какъ ты столкнулся съ дьяволомъ относительно твоей души, которую ты ему продалъ въ послѣднюю Страстную пятницу за рюмку мaderas и кусокъ холоднаго каплуна?

Принцъ Генрихъ. Сэръ Джонъ сдержитъ слово: чортъ не будетъ обманутъ. Сэръ Джонъ никогда не нарушалъ вѣрности пословицамъ, а пословица говоритъ, что чортъ всегда получить свое.

Пойнсъ. Такъ ты погубишь свою душу тѣмъ, что сдержишь слово чорту.

Принцъ Генрихъ. А иначе онъ погубитъ свою душу тѣмъ, что обманетъ чорта.

Пойнсъ. Слушайте-же, братцы мои: завтра утромъ, въ четыре часа, нужно быть въ Гэдсгилъ. Тамъ проѣдутъ богомольцы въ Кентербѣри, съ богатыми дарами, и купцы, ѣдущіе въ Лондонъ съ набитыми кошельками. Я приготовилъ для всѣхъ васъ маски, а лошади у васъ самихъ есть. Гэдсгиль ночуетъ сегодня въ Рочестеръ. На завтра ужинъ заказанъ въ Истчипъ – вся эта затѣя такъ же безопасна, какъ сонъ послѣ обѣда. Если вы отправитесь со мной, я вамъ набью кошельки кронами; если нѣтъ – оставайтесь дома, и желаю вамъ быть повѣшенными.

Фальстафъ. Помни, Эдуардъ: если я замѣшкаюсь дома и не пойду съ вами, я васъ повѣшу за то, что вы пошли.

Пойнсъ. Неужели, мясная туша?

Фальстафъ. Галь, а ты съ нами?

Принцъ Генрихъ. Чтобы я сталъ грабителемъ? Чтобы я воровалъ? Клянусь честью, ни за что.

Фальстафъ. Гдѣ же твоя честность, твое мужество и чувство дружбы? Не знаю, есть ли въ тебѣ королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллинговъ королевскаго чекана.

Принцъ Генрихъ. Ну хорошо, буду сумасбродомъ разъ въ жизни.

Фальстафъ. Вотъ это хорошо сказано.

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, будь что будетъ, я остаюсь дома.

Фальстафъ. Клянусь честью, если такъ, то я сдѣлаюсь государственнымъ измѣнникомъ, когда ты вступишь на престолъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ хочешь.

Пойнсъ. Сэръ Джонъ, прошу тебя, оставь меня наединѣ съ принцемъ: я ему приведу такіе доводы въ пользу нашего предпріятія, что онъ согласится участвовать въ немъ.

Фальстафъ. Хорошо. Да ниспошлетъ на тебя Господь даръ убѣжденія, а ему откроетъ слухъ, чтобы твои слова подѣйствовали на него, и онъ могъ повѣрить, что истинный принцъ можетъ ради забавы сдѣлаться поддѣльнымъ воромъ; въ наше печальное время нужно чѣмъ нибудь поднять духъ. Прощайте: вы найдете меня въ Истчипъ.

Принцъ Генрихъ. Прощай, запоздалая весна. Прощай, бабье лѣто. *(Фальстафъ уходитъ).*

Пойнсъ. Послушай, милый дорогой Галь, поѣзжай съ нами завтра: я придумалъ шутку и одинъ не могу выполнить ее. Фальстафъ, Бардольфъ, Пето и Гэдсгиль ограбятъ тѣхъ людей, которыхъ мы уже высмотрѣли: насъ съ тобой при этомъ не будетъ; а когда они захватятъ добычу,

то я даю голову на отсѣченіе, что мы отнимемъ ее у нихъ.

Принцъ Генрихъ. Но какъ же мы отдѣлимся отъ нихъ?

Пойнсъ. Мы выйдемъ или раньше, или позже, назначимъ мѣсто встрѣчи, куда, конечно, можемъ не явиться; они рѣшатъ сдѣлать нападеніе безъ насъ, и какъ только покончатъ съ дѣломъ, мы бросимся на нихъ.

Принцъ Генрихъ. Да, но они навѣрное узнаютъ насъ по нашимъ лошадямъ, по платью и по всякимъ другимъ примѣтамъ.

Пойнсъ. Ничуть. Нашихъ лошадей они не увидятъ, потому что я привяжу ихъ въ лѣсу; маски мы перемѣнимъ, какъ только уйдемъ отъ нихъ, и я нарочно заготовилъ клеенчатые плащи, подъ которыми не видно будетъ нашего знакомаго имъ платья.

Принцъ Генрихъ. Да, но я боюсь, что намъ ихъ не одолѣть.

Пойнсъ. Двое изъ нихъ самые настоящіе трусы, и сейчасъ же покажутъ намъ спины; что касается до третьяго, то я готовъ никогда больше не носить оружія, если онъ будетъ противиться дольше чѣмъ слѣдуетъ. Вся потѣха будетъ заключаться въ невообразимомъ враньѣ этого жирнаго плута, когда мы встрѣтимся за ужиномъ. Онъ будетъ рассказывать, что дрался одинъ противъ по крайней мѣрѣ тридцати, будетъ говорить объ опасностяхъ, которымъ подвергался, о нанесенныхъ и парированныхъ ударахъ и въ изобличеніи его и будетъ состоять потѣха.

Принцъ Генрихъ. Хорошо, я согласенъ; приготовь все нужное, и мы встрѣтимся завтра вечеромъ въ Истчипѣ; тамъ я ужинаю. Прощай.

Пойнсъ. До свиданья, принцъ. (*Уходитъ*).

Принцъ Генрихъ.

Я всѣхъ васъ знаю, но хочу на время
Потворствовать затѣямъ вашимъ празднымъ,
И въ этомъ стану солнцу подражать.
Оно злоторнымъ тучамъ позволяетъ
Отъ міра закрывать свою красу,
Чтобъ послѣ, становясь самимъ собою,
Прорвавши дымъ уродливыхъ тумановъ,
Который задушить его грозилъ,
Къ себѣ тѣмъ больше вызвать удивленья,
Чѣмъ дольше міръ его лишень былъ свѣта.
Будь цѣлый годъ изъ праздниковъ составлень,
Досугъ бы такъ же скучень былъ, какъ трудъ.
Но тѣмъ желанны праздники, что рѣдки,
Случайная-же радость всѣхъ сильнѣй.
Такъ, отъ разгульной жизни отрѣшившись
И уплативъ, чего не обѣщаль,
Тѣмъ выше буду всѣми я поставлень,
Чѣмъ больше всѣхъ надежды обману.
Какъ блестящій металлъ на темномъ фонѣ,
Мое перерожденіе затмитъ
Своимъ сіяньемъ прежнія ошибки
И взоры блескомъ привлечетъ сильнѣй,

Чѣмъ если-бѣ мишура его не отгѣняла.
Съ искусствомъ подведу своимъ ошибкамъ счетъ
И вдругъ ихъ испущю, когда никто не ждетъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Другая комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, Нортomberландъ, Ворчестеръ, Готспуръ, сэръ
Вальтеръ Блентъ и другіе.

Король Генрихъ.

Умѣренной, холодной черезчуръ,
Вскипѣть отъ оскорбленій неспособной
Была донинѣ кровь моя. И видя
Меня такимъ, вы топчете ногами
Мое терпѣнье. Знайте-жъ, что рѣшивъ
Самимъ собою стать, - могучимъ, страшнымъ, -
Я измѣню свой нравъ. Онъ былъ къ вамъ нѣженъ,
Какъ юный пухъ, и ласковъ, какъ елей,
И право потерялъ на уваженъе,
Что только къ гордымъ гордые питають.

Ворчестеръ.

Нашъ домъ, о государь, не заслужилъ
Чтобъ на него поднялся бичъ величья,
Величья, что своими-же руками
Мы сдѣлали столь пышнымъ.

Нортomberландъ.

Лордъ мой добрый...

Король Генрихъ.

Прочь, Ворчестеръ, отсюда, ибо вижу
Въ твоихъ глазахъ угрозу и мятежъ.
Сэръ! Слишкомъ дерзко ваше обращенье.
Величье королевское не терпитъ
Угрюмой тучи на лицѣ слуги.
Даемъ вамъ разрѣшенъе насъ покинуть.
Коль вашъ совѣтъ иль помощь будутъ нужны,

136

Васъ призовемъ. (*Ворчестеръ уходитъ*).
(Къ Нортomberланду). Вы говорить хотѣли?

Нортomberландъ.

Да, государь. Отказъ тѣхъ выдать плѣнныхъ,
Потребованныхъ именемъ-же вашимъ,
Которыхъ Гарри взялъ подъ Гольмедономъ,

Не такъ былъ, говоритъ онъ, сдѣланъ рѣзко,
Какъ вашему величеству сказали.

Лишь только зависть или заблужденье
Виновны въ томъ проступкѣ, - не мой сынъ.

Готспуръ.

Я въ плѣнныхъ, государь, не отказалъ вамъ.
Но, помнится, по окончаньи битвы,
Когда, томимый жаждой отъ волненья
И напряженья крайняго, усталый,
Съ трудомъ дыша, на мечъ я опирался,
Какой-то подошелъ тутъ лордъ опрятный,
Щеголеватый, свѣжій, какъ женихъ.
Сверкалъ недавно бритый подбородокъ,
И былъ похожъ на жниво въ праздникъ жатвы.
Какъ продавецъ нарядовъ надушенный,
Коробочку съ душистымъ порошкомъ
Большимъ и указательнымъ перстами
Держалъ онъ, часто къ носу поднося
И отнимая прочь. И носъ во гнѣвъ
Сопѣлъ, когда коробка приближалась,
А самъ онъ улыбался и болталъ.
Когда-жъ солдаты трупы проносили,
Онъ ихъ бранилъ невѣжами за то,
Что смѣютъ проходить съ нечистой ношей
Межъ вѣтромъ и его высокородьемъ.
Онъ въ женственныхъ и праздничныхъ словахъ
Мнѣ предлагалъ вопросы, между прочимъ
Для вашего величества просилъ
Мной взятыхъ плѣнныхъ. И терзаемъ болью
Холодныхъ ранъ и этимъ попугаемъ,
Отъ ярости терпѣнье потерявъ,
Небрежно я отвѣтилъ, что́ - не помню:
Что онъ получить плѣнныхъ или нѣтъ.
Но я былъ близокъ къ изступленью, видя
Его столь чистымъ, пахнущимъ столь сладко,
Болтающимъ, какъ фрейлина, о пушкахъ,
О барабанахъ, ранахъ (сжался, Боже!).
Онъ сообщилъ, что нѣтъ вѣрнѣй лѣкарства,
Чѣмъ спармацетъ при внутреннихъ ушибахъ,
Потомъ онъ сталъ жалѣть, - и вправду жаль, -
Зачѣмъ изъ безобидныхъ нѣдръ земли
Выкапываютъ мерзкую селитру,
Сгубившую немало статныхъ парней
Столь гнусно. А не будь презрѣнныхъ пушекъ,

Онъ, можетъ быть, пошелъ бы самъ въ солдаты.
На этотъ вздоръ безсвязный, государь,
Я, какъ сказалъ, уклончиво отвѣтилъ.
И васъ молю, не дайте вы разсказу
Его, какъ обвиненью, проскользнуть
Межъ вашимъ саномъ и моей любовью.

Блентъ.

О, добрый государь мой, если дѣло
Все обсудить, то сказанное Гарри
Въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое время
Лицу такому, съ прочимъ донесеньемъ
Должно по справедливости считаться
Умершимъ и ужъ больше не воскреснуть
Ему во вредъ или въ помѣху, лишь-бы
Отъ прежнихъ словъ онъ нынѣ отказался.

Король Генрихъ.

Однако, онъ согласенъ выдать плѣнныхъ
Лишь только съ оговоркой да съ условьемъ,
Чтобъ выкупъ мы немедленно внесли
Изъ нашихъ средствъ за шурина его,
За Мортимера глупаго, кто предалъ
Умышленно, - клянуся въ томъ душой, -
Солдатъ, которыхъ самъ онъ велъ сражаться
Съ кудесникомъ, съ проклятымъ Глендоверомъ, -
На чьей, какъ слышно, дочери недавно
Графъ Марчъ женился. Неужель должны мы
Опустошить казну, чтобы вернуть
Предателя? Чтобъ выкупить измѣну?
За труса хлопотать, кто самъ себя
Сгубилъ, отдавшись въ плѣнъ? Нѣтъ, пусть исчахнеть
Онъ на горахъ бесплодныхъ. Человѣка
Того во вѣки другомъ не сочту я,
Языкъ чей повернется попросить,
Чтобъ я хоть пенни внесъ за Мортимера
Крамольника.

Готспуръ.

Крамольникъ Мортимеръ!

Коль онъ теперь не съ вами, государь,
Случайности войны тому виною.
Объ этой правдѣ языкомъ единымъ
Свидѣтельствуютъ раны всѣ его,
Подобно ртаму зіяющія раны,
Полученныя въ доблестномъ бою
Тамъ на красивыхъ берегахъ Северна,

Осокою поросшихъ, гдѣ другъ съ другомъ
Въ единоборствѣ чуть не цѣлый часъ

137

Онъ простоялъ, ударами мѣняясь
Съ великимъ Глендоверомъ. Трижды оба,
Съ взаимнаго согласья, отдыхали,
Изъ быстрыхъ струй Северна трижды пили.
И, устрася ихъ взоровъ кровожадныхъ,
Потокъ бѣжалъ межъ камышей дрожащихъ
Подъ обогреной кровью тѣхъ бойцовъ
Нависшій берегъ. Подлое коварство
Свои дѣла не наряжаетъ въ раны
Смертельныя. Такъ много ихъ принять
Не могъ бы благородный Мортимеръ
Умышленно. Пускай же не клеймятъ
Измѣнникомъ его.

Король Генрихъ.

Ты лжешь, о Перси,

Лжешь на него. Онъ никогда не бился
Съ Глендоверомъ. Я говорю тебѣ:
Онъ дьявола не съ большею охотой
Наединѣ противникомъ бы встрѣтилъ,
Чѣмъ Овена Глендовера. Стыдись.
Но знайте: впредь прошу о Мортимерѣ
Не говорить. Скорѣй пришлите плѣнныхъ,
Иль я вамъ такъ напомню о себѣ,
Что будетъ вамъ не по-сердцу. Милордъ
Нортomberлэндъ, теперь мы отпускаемъ
Васъ вмѣстѣ съ сыномъ. Плѣнныхъ намъ пришлите,
Не то о нихъ услышите.
(Уходятъ король Генрихъ, Блентъ и свита).

Готспуръ.

И если-бъ

Самъ чортъ ревушій требовать ихъ сталъ, -
Не выдамъ ихъ! Пойду за королемъ
И такъ скажу, чтобъ сердце облегчить,
Хотя-бъ пришлось мнѣ жизнью поплатиться.

Нортomberлэндъ.

Что? Желчью опьянень? Постой. Вашъ дядя
Идетъ.

Готспуръ.

Не говорить о Мортимерѣ?

Нѣтъ, чортъ возьми, я буду говорить.
И пусть моей душѣ грозитъ гибель,
Коль съ нимъ не стану вмѣстѣ. За него
Я жилы всѣ готовъ свои открыть
И дорогую кровь за каплей каплю
Пролить въ песокъ, лишь только-бъ Мортимера,
Затоптаннаго въ грязь, мнѣ вознести
На ту-же высоту, гдѣ блещетъ этотъ
Забывчивый король, неблагодарный,
Зловредный, какъ отравы, Болингброкъ.

Нортomberландъ (*къ Ворчестеру*).

Братъ! Обезумѣлъ изъ-за короля
Племянникъ вашъ.

Ворчестеръ.

Кто по моемъ уходѣ

Раздулъ въ немъ это пламя?

Готспуръ.

Онъ не въ шутку

Желаешь получить моихъ всѣхъ плѣнныхъ.
Когда-же я потребовалъ опять,
Чтобъ выкупленъ былъ братъ моей жены,
Вдругъ по щекамъ его разлилась блѣдность,
И на меня взглянулъ онъ взоромъ смерти,
Дрожалъ, услышавъ имя Мортимера.

Ворчестеръ.

Я не виню его. Не Мортимера-ль
Ричардъ покойный объявилъ ближайшимъ
По крови?

Нортomberландъ.

Да, я слышалъ объявленье.

То было въ дни, когда король несчастный, -
Прости намъ, Боже, всѣ предъ нимъ вины, -
Съ войною на Ирландію пошелъ,
Его-жъ назадъ заставили вернуться,
Чтобы съ престола свергнуть и убить.

Ворчестеръ.

И въ этой смерти насъ, покрывъ безчестьемъ,
Винятъ уста широкия молвы.

Готспуръ.

Постойте. Вправду-ль брата моего
Эдмунда Мортимера объявилъ
Король Ричардъ наслѣдникомъ престола?

Нортomberландъ.

Его. Я слышалъ самъ.

Готспуръ.

Ну, если такъ,

Могу-ли короля винить за то,
Что пожелалъ кузену онъ исчахнуть
Средь горъ безплодныхъ? Но неужто-жъ вы,
На этого забывчиваго мужа
Надѣвшиѣ вѣнецъ, чтобъ за него
Самимъ покрыться гнуснымъ подозрѣньемъ
Въ подкупленномъ убійствѣ, - о, неужто-жъ
Вы на себя проклятья навлечете
Лишь въ качествѣ пособниковъ его,
Второстепенныхъ, низменныхъ орудій, -
Веревокъ, лѣстницы иль палача?
Простите, что я такъ спускаюсь низко,
Чтобъ указать на ваше положенье
И роль при этомъ хитромъ королѣ.
О, стыдъ! Ужели скажутъ въ наши дни
И въ лѣтопись внесутъ для дней грядущихъ,
Что люди рода вашего и сана
Себя связали съ дѣломъ непристойнымъ

138

(Какъ вы, прости вамъ Богъ, и поступили),
Исторгнувъ розу нѣжную – Ричарда,
И посадивъ терновникъ – Болингброка?
Ужель – къ стыду тягчайшему – прибавятъ,
Что васъ презрѣлъ, прогналъ, отринулъ прочь
Тотъ, для кого вы этотъ стыдъ пріяли?
Но нѣтъ. Еще не поздно вамъ вернуть
Утраченную честь и вновь подняться
Во мнѣнии добромъ свѣта. Отомстите
За все пренебреженье, за обиды
Вы этому спѣсивцу королю,
Кто день и ночь о томъ лишь помышляетъ,
Какъ бы за всѣ услуги вамъ воздать
Кровавою расплатой вашей смерти.
Еще скажу...

Ворчестеръ.

Молчи, кузень. Ни слова.

Раскрыть пора таинственную книгу
Предъ быстрымъ взоромъ гнѣва твоего
И объ опасномъ дѣлѣ и глубокомъ
Тебѣ прочесть, - рискованномъ и трудномъ,

Какъ переходъ черезъ потокъ гремящій
По древку шаткому копья.

Готспуръ.

А если

Въ потокъ свалился, - то покойной ночи!
Тонуть иль плыть. Когда опасность мчится
Съ восхода на закатъ, ей честь дорогу
Пересѣкаетъ съ сѣвера на югъ.
Пусть сцѣплятся! Волнуетъ кровь сильнѣе
На льва охота, чѣмъ гоньба за зайцемъ.

Нортомберлендъ.

Одна лишь мысль о подвигѣ опасномъ
Его за грань терпѣнья унесла.

Готспуръ.

Не трудно-бъ подскочить, - клянусь въ томъ небомъ, -
Чтобъ свѣтлый образъ чести съ блѣдноликой
Сорвать луны, не трудно бы нырнуть
Въ пучину глубочайшую, гдѣ лотъ
Еще не трогалъ дна, чтобы за кудри
Извлечь на берегъ тонущую честь,
Лишь только-бъ тотъ, кто спасъ ее, былъ вправѣ
Присвоить безъ соперниковъ себѣ
Всѣ почести ея. Но половинный
Съ товарищемъ дѣлежъ я презираю.

Ворчестеръ.

Онъ цѣлый міръ здѣсь образовъ увидѣлъ,
Но то, что долженъ видѣть, проглядѣлъ.
Кузень добрейшій, мигъ одинъ вниманья.

Готспуръ.

Прошу пощады.

Ворчестеръ.

Взятыхъ вами въ плѣнъ

Шотландцевъ благородныхъ...

Готспуръ.

Всѣхъ оставляю.

Ни одного шотландца, - Богъ свидѣтель, -
Ему не видѣть. Если-бъ отъ шотландцевъ
Зависѣло души его спасенье,
Онъ все-жъ ихъ не получить. При себѣ
Оставляю всѣхъ, клянусь своей рукой.

Ворчестеръ.

Вы вновь помчались, словъ моихъ не слыша.
Тѣхъ плѣнныхъ удержите при себѣ.

Готспуръ.

И удержу. То рѣшено. Сказалъ онъ,
Что выкупить не хочетъ Мортимера,
Мнѣ имя Мортимера запретилъ
Произносить. Приду-жъ къ нему, какъ спитъ онъ,
И закричу надъ ухомъ: Мортимеръ!
Скворца я научу твердить одно
Лишь слово: Мортимеръ! и королю
Въ даръ поднесу, да берeditъ въ немъ злобу.

Ворчестеръ.

Одно, кузень, лишь выслушайте слово.

Готспуръ.

Торжественно отнынѣ отрекаюсь
Отъ всѣхъ стремленій, кромѣ одного:
Злить вѣчно Болингброка и щипать.
И этотъ безобразникъ принцъ Уэльскій
Отравленъ былъ бы мною въ кружкѣ эля,
Но, кажется, отецъ его не любитъ
И будетъ радъ, коль съ нимъ бѣда случится.

Ворчестеръ.

Прощай, племянникъ. Я вернусь къ бесѣдѣ,
Когда ты будешь слушать расположенъ.

Нортomberландъ.

Зачѣмъ ты, какъ ужаленный осой,
Иль какъ безумецъ буйный, иль какъ баба,
Свой слухъ къ своей лишь рѣчи приковаль?

Готспуръ.

Мнѣ, видите-ли, каждый разъ, какъ слышу
О гнусномъ интриганѣ Болингброкѣ,
Сдается, будто розгой иль крапивой
Избить я иль искусанъ муравьями.
Во дни Ричарда, - какъ зовутъ то мѣсто? –
Чума тамъ поселись, - то въ Глостерширѣ,

139

Гдѣ дядя жилъ его, безумный герцогъ
Йоркскій, - тамъ я въ первый разъ колѣни
Согнулъ предъ этимъ королемъ улыбокъ,
Предъ этимъ Болингброкомъ, въ день, какъ вы
Вернулись вмѣстѣ съ нимъ изъ Равенспорта.

Нортomberландъ.

То въ замкѣ Беркли.

Готспуръ.

Совершенно вѣрно.

Какихъ лишь словъ засахаренныхъ, нѣжныхъ
Мнѣ не поднесъ сей льстивый пѣсь борзой.

"Когда, молъ, счастье юное мое
Взрастетъ съ годами" и "кузень любезный"
И "милый Гарри Перси". Чортъ побралъ-бы
Обманщиковъ такихъ – прости мнѣ, Боже!
Я кончилъ. Говорите, добрый дядя.

Ворчестеръ.

Коль нѣтъ, мы подождемъ.

Готспуръ.

Я кончилъ вправду.

Ворчестеръ.

Итакъ, вернусь къ шотландцамъ вашимъ плѣннымъ.
Безъ выкупа всѣхъ тотчасъ отпустите,
Чтобъ сынъ Дугласа, вашимъ ставъ орудьемъ,
Набрать войска въ Шотландіи помочь вамъ.
Есть много основаній полагать –
Я изложу ихъ письменно – что дѣло
Удастся намъ легко. (*Къ Нортomberленду*).

А вы, милордъ,

Пока вашъ сынъ Шотландіей займется,
Вы тайно попытайтесь вкрасться въ душу
Къ прелату благородному, къ тому
Архіепископу, кого всѣ любятъ.

Готспуръ.

Къ Йоркскому, не правда-ль?

Ворчестеръ.

Да, къ нему.

Онъ гнѣвъ таитъ за брата своего,
Казненнаго въ Бристолѣ лорда Скрупа.
Я это говорю не въ видѣ мнѣнья
О томъ, что лишь возможно. Все, я знаю,
Обдумано, условлено подробно,
Предвидѣно и мановенья ждетъ
Лишь случая, чтобы на свѣтъ родиться.

Готспуръ.

Я чую дѣло. Жизнію клянусь,
Оно удастся.

Нортomberлендъ.

Дичи не поднявъ,

Уже спускаешь свору.

Готспуръ.

Заговоръ,

Я вижу, неудачнымъ быть не можетъ,

Когда войска Шотландіи и Йорка
Пристанутъ къ Мортимеру.

Ворчестеръ.

Такъ и будетъ.

Готспуръ.

По истинѣ, загѣяно отлично.

Ворчестеръ.

Причины не пустыя заставляютъ
Теперь спѣшить. Чтобъ головы снести намъ,
Должно возстанье голову поднять.
Какъ мы себя спокойно ни держали-бъ,
Король все-жъ будетъ помнить, что у насъ
Въ долгу онъ и считать, что мы считаемъ
Себя не получившими уплаты,
Пока не улучить онъ часъ, чтобъ съ нами
Всѣ счеты свести. Уже онъ, примѣчайте,
Сталъ отвращать отъ насъ привѣтный взоръ.

Готспуръ.

Да, вѣрно, вѣрно, только месть за нами.

Ворчестеръ.

Кузень, прощайте. Не стремитесь дальше
Границъ, что я вамъ въ письмахъ укажу.
Когда созрѣетъ время, - ждать недолго, -
Къ Глендоверу украдкой проберусь
И къ лорду Мортимеру. Тамъ устрою,
Чтобъ вы съ Дугласомъ и войсками всѣми
Сошлись благополучно. И тогда
Въ свои возьмемъ окрѣпшія мы руки
То счастье, что теперь такъ держимъ слабо.

Нортонберлендъ.

Прощайте, братъ. Надѣюсь на успѣхъ.

Готспуръ.

Прощайте, дядя. Играмъ нашимъ браннымъ
Земля пусть вторитъ стономъ непрестаннымъ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Рочестеръ. Дворъ гостиницы.

Входитъ извозчикъ съ фонаремъ въ рукахъ.

1-ый извозчикъ. Ого! Я дамъ себя повѣсить, если теперь не четыре часа. Медвѣдица уже стоитъ надъ новой трубой, а наша лошадь еще не навьючена. Эй, конюхъ!

Конюхъ *(за сценой)*. Иду, иду.

1-ый извозчикъ. Пожалуйста, Томъ, поправь сѣдло у лошади и подложи подъ луку пакли, а то она, бѣдная, ужасно какъ натерла себѣ загривокъ.

(Входитъ второй извозчикъ).

2-ой извозчикъ. Горохъ и бобы здѣсь совсѣмъ подмоченные, чтобъ ихъ чортъ побралъ, и того и гляди у бѣдной скотины черви заведутся: все въ этомъ домѣ пошло вверхъ дномъ со смерти конюха Робина.

1-ый извозчикъ. Бѣдняга! Онъ загрустилъ съ тѣхъ поръ, какъ вздорожалъ овесъ. Это свело его въ могилу.

2-ой извозчикъ. Ни въ одномъ домѣ на всемъ лондонскомъ трактѣ нѣтъ такого количества блохъ: я отъ нихъ весь въ пятнахъ, что твой линь.

1-ый извозчикъ. Что твой линь! Клянусь обѣдней, ни одного короля въ христіанскомъ мірѣ нельзя было бы старательнѣе искушать, чѣмъ меня сегодня послѣ первыхъ пѣтуховъ.

2-ой извозчикъ. Ну да, намъ не поставили горшка, и пришлось облегчаться въ каминъ, а отъ мочи блохи плодятся, какъ голыцы.

1-ый извозчикъ. Эй, конюхъ, иди сюда, висѣльникъ, иди сюда!

2-ой извозчикъ. Мнѣ нужно доставить окорокъ ветчины и два тюка инбиря въ самый Чэрингъ Кроссъ.

141

1-ый извозчикъ. Проклятіе! Мои индюшки совсѣмъ околѣли съ голода въ корзинѣ. Эй, конюхъ! Напади на тебя чума! Что, у тебя глазъ нѣтъ во лбу? Оглохъ ты, что-ли? Будь я подлецъ, если разбить тебѣ башку не такое же хорошее дѣло, какъ выпить. Иди сюда, висѣльникъ! Гдѣ твоя совѣсть?

(Входитъ Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Здравствуйте, братцы. Который часъ?

1-ый извозчикъ. Кажется, два часа.

Гэдсгиль. Одолжи мнѣ пожалуйста свой фонарь, мнѣ нужно въ конюшню – на мерина взглянуть.

1-ый извозчикъ. Эй, полегче. Я знаю штуки похитрѣе, которыя двухъ такихъ стоятъ.

Гэдсгиль *(другому извозчику)*. Такъ одолжи мнѣ хоть ты.

2-ой извозчикъ. Чорта съ два. Одолжить тебѣ фонарь...какъ бы не такъ! я раньше погляжу, какъ тебя повѣсятъ.

Гэдсгиль. Скажи, къ какому часу думаешь поспѣть въ Лондонъ?

2-ой извозчикъ. Достаточно рано, чтобы лечь спать еще при свѣчѣ, ручаюсь тебѣ. Идемъ, сосѣдъ Муксъ, пора будить господъ. Они хотятъ ѣхать въ компаніи – вѣдь у нихъ много поклажи. *(Извозчики уходятъ)*.

Гэдсгиль. Эй, кто тамъ? Человѣкъ!

Слуга (за сценой). Я тутъ какъ тутъ – какъ сказалъ воръ.

Гэдсгиль. Или какъ сказалъ трактирный слуга – это одно и тоже. Разницы между нимъ и тобой не больше, чѣмъ между подстрекателемъ и исполнителемъ: ты показываешь намъ, какъ надо грабить.

(Входитъ слуга).

Слуга. Съ добрымъ утромъ, мистеръ Гэдсгиль. Все, что я вамъ вчера вечеромъ сказалъ, подтверждается: одинъ изъ путешественниковъ богатый кентскій землевладѣлецъ; онъ везетъ съ собой триста марокъ золотомъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ вчера за ужиномъ говорилъ объ этомъ одному изъ попутчиковъ. А тотъ нѣчто вродѣ сборщика податей – у него тоже много поклажи – но что онъ везетъ, неизвѣстно. Они уже встали и потребовали себѣ яицъ и масла – сейчасъ двинутся въ путь.

Гэдсгиль. Не миновать имъ встрѣчи съ прислужниками Старого Ника – даю тебѣ голову на отсѣченіе.

Слуга. Не надо мнѣ твоей головы, побереги ее для палача, вѣдь я знаю, ты вѣрный слуга Старого Ника – насколько можетъ быть вѣрнымъ плутъ и мошенникъ.

Гэдсгиль. Что ты мнѣ мелешь про палача? Если меня повѣсятъ, то потребуется пара крѣпкихъ висѣлицъ. Вѣдь со мной въ компаніи должны будутъ вздернуть и старика сэра Джона, а онъ, какъ тебѣ извѣстно, не заморышь. Да что говорить! Заодно съ нами такіе троянцы, о какихъ тебѣ и не снилось; они ради развлечения оказываютъ честь нашему ремеслу своимъ участіемъ, и поэтому, если бы насъ накрыли, они все уладятъ, заботясь о собственной шкурѣ. Мои союзники не какіе нибудь проходимцы, не бродяги, которые выходятъ съ дубинами грабить на шесть пенсовъ, не сумасбродные красноносые пьянчуги, а люди знатные и степенные, бургомистры и богачи; люди, которые умѣютъ постоять за себя, больше дерутся, чѣмъ говорятъ, больше говорятъ, чѣмъ пьютъ, больше пьютъ, чѣмъ молятся. Нѣтъ, вру – они постоянно молятся своей святой заступницѣ – чужой мошнѣ; или вѣрнѣе не молятся ей, а заставляютъ ее самое взмолиться, обирая ее; они помыкаютъ ею, они на ней выѣзжаютъ и топчутъ ее, какъ старые сапоги.

Слуга. Какъ? чужая мошна ихъ сапоги? а выдержать ли эти сапоги грязь, въ которой они топчутся?

Гэдсгиль. Выдержать. Правосудіе ихъ смазываетъ. Мы грабимъ съ полной безопасностью – какъ за каменной стѣной. При насъ такое зелье – папоротниковый цвѣтъ, и мы ходимъ невидимками.

Слуга. Ну, а я полагаю, что если васъ не видно, то этимъ вы больше обязаны ночной темнотѣ, чѣмъ папоротникову цвѣту.

Гэдсгиль. Дай мнѣ руку. Ты получишь свою долю въ добычѣ, клянусь тебѣ, какъ честный человѣкъ.

Слуга. Нѣтъ, поклянись лучше, какъ мошенникъ и воръ.

Гэдсгиль. Да ну тебя. Номо – общее названіе для всѣхъ людей. Вели конюху вывести моего мерина изъ конюшни. Прощай, грязный плутъ.

СЦЕНА II.

Дорога близъ Гэдстиля.

Входятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ; Бардольфъ и Пето вдали.

Пойнсъ. Скорѣе, спрячемся! Я увелъ лошадь Фальстафа, и его коробить отъ злости, какъ новый бархатъ.

Принцъ Генрихъ. Спрячемся.

(Входитъ Фальстафъ).

Фальстафъ. Пойнсъ, Пойнсъ, чтобъ тебя на висѣлицу вздернули! Пойнсъ!

Принцъ Генрихъ. Молчи, ожирѣвшія почки. Что это ты за шумъ поднялъ?

Фальстафъ. Гдѣ Пойнсъ, Галь?

Принцъ Генрихъ. Онъ поднялся туда на пригорокъ – пойду приведу его.

(Дѣлаетъ видъ, что ищетъ Пойнса).

Фальстафъ. Чистое проклятіе отправляться грабить въ компаніи такого вора. Негодай увелъ мою лошадь и чортъ его знаетъ, гдѣ привязалъ ее. Сдѣлай я еще пѣшкомъ четыре мѣсячныхъ фута – и я испустилъ бы духъ. Право, я еще могу умереть порядочнымъ человѣкомъ, если меня не повѣсятъ за убійство этого бездѣльника. Я ежечасно отрекаюсь отъ сообщничества съ нимъ вотъ уже двадцать два года, и точно заколдованный не отстаю отъ него. Пусть меня повѣсятъ, если этотъ негодяй не приворожилъ меня къ себѣ какимъ-нибудь зельемъ. Иначе быть не можетъ – мнѣ дали приворотнаго зелья. Пойнсъ! Галь! Чума на васъ обоихъ. Бардольфъ! Пето! Пусть я умру съ голода, если я хоть разъ еще пойду на грабежъ. Будь я презрѣннѣйшимъ холопомъ, когда либо жевавшимъ пищу, если не лучше стать опять честнымъ человѣкомъ и уйти отъ этихъ негодяевъ. Восемь ярдовъ по неровной почвѣ для меня

143

то же самое, что для другихъ пройти семьдесятъ верстъ и эти безсердечные подлецы это хорошо знаютъ. Проклятіе, когда воры нечестно поступаютъ другъ съ другомъ. *(Слышенъ свистъ).* Фью-ю! Чума васъ всѣхъ срази! Приведите мнѣ мою лошадь, бездѣльники. Лошадь мнѣ, висѣльники!

Принцъ Генрихъ. Замолчи, жирное брюхо. Ложись на землю. Приложи ухо къ землѣ и прислушайся, не ѣдутъ ли путники.

Фальстафъ. А есть у тебя рычаги, чтобы потомъ поднять меня? Чортъ побери! Я еще разъ не потащу такъ далеко свое тѣло за всѣ деньги въ казнѣ твоего отца. Затѣмъ это вы, негодяи, такъ меня подвели?

Принцъ Генрихъ. Врешь, никто тебя не подводилъ – нѣтъ у тебя ни подводы, ни лошади.

Фальстафъ. Прошу тебя, добрый принцъ Галь, помоги мнѣ найти мою лошадь, милый сынъ нашего короля.

Принцъ Генрихъ. Убирайся, бездѣльникъ! Что я тебѣ конюхъ дался?

Фальстафъ. Такъ иди повѣсься на своей собственной подвязкѣ, которая тебѣ дана, какъ наслѣднику престола. Если меня накроютъ, вы за это поплатитесь. Если про васъ не сочинятъ пѣсни на самые гнусные мотивы, пусть я отравлюсь стаканомъ хереса. Когда шутка такъ далеко заходить, да еще пѣшкомъ, я ее терпѣть не могу.

(Входитъ Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Стой.

Фальстафъ. Я и такъ стою, хотя противъ желанія.

Пойнсъ. А, это нашъ развѣдчикъ. Узнаю его по голосу.

(Входитъ Бардольфъ).

Бардольфъ. Что слышно?

Гэдсгиль. Становитесь на мѣста, надѣвайте маски. Съ горы везутъ королевскія деньги въ королевскую казну.

Фальстафъ. Врешь, плутъ, ихъ везутъ въ королевскій кабакъ.

Гэдсгиль. Ихъ хватить на то, чтобы всѣхъ насъ вывести въ люди.

Фальстафъ. Вѣрнѣе привести къ висѣлицѣ.

Принцъ Генрихъ. Вы четверо нападете на нихъ на узкой тропинкѣ; Недъ Пойнсъ и я будемъ стоять внизу. Если они улизнутъ отъ васъ, то попадутся прямо намъ въ руки.

Пето. Сколько ихъ?

Гэдсгиль. Восемь или десять человѣкъ.

Фальстафъ. Чортъ возьми, а не ограбятъ ли они насъ?

Принцъ Генрихъ. Что, трусилъ, сэръ Джонъ Толстое Пузо?

Фальстафъ. Я, конечно, не такой сухарь, какъ твой дѣдъ, Джонъ Гантъ, но я не трусь, Галь.

Принцъ Генрихъ. Это видно будетъ на дѣлѣ.

Пойнсъ. Эй, Джэкъ, твоя лошадь стоитъ за заборомъ, когда она тебѣ понадобится, ты ее тамъ найдешь. Прощай, и держись крѣпко.

Фальстафъ. Теперь ужъ я не могу приколотить его, хотя бы мнѣ грозила висѣлица.

Принцъ Генрихъ (*тихо Пойнсу*). Гдѣ же наши плащи, Недъ?

Пойнсъ. Здѣсь поблизости. Спрячемся.

(Уходятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ).

Фальстафъ. А теперь, кому счастье улыбнется, тотъ добычу и возьметъ. Всѣ по мѣстамъ.

(Входятъ путешественники).

1-ый путешественникъ. Идемъ, сосѣдъ. Мальчикъ спустится съ нашими лошадьми съ горы, а мы пройдемся пѣшкомъ, чтобы размять ноги.

Воры. Стой!

Путешественники. Господи Иисусе!

Фальстафъ. Бейте, валите ихъ; перерѣжьте бездѣльникамъ горло. А, ублюдки гусеницъ, упитанные ветчиной, мерзавцы! Они ненавидятъ насъ, молодежь. Валите ихъ на землю, общипайте ихъ.

Путешественники. Мы погибли, разорены въ конецъ – мы и наши семьи.

Фальстафъ. Повѣситъ бы васъ, толстопузыхъ негодяевъ. Разорены? Нѣтъ, жирные скряги, жаль, что не все ваше добро съ вами. Шевелитесь, окорока, шевелитесь! И намъ, молодымъ людямъ, жить надо, негодяи. Можетъ быть, вы къ тому же присяжные судьи, - такъ мы же васъ разсудимъ.

(Уходятъ Фальстафъ и другіе, уводя съ собой путешественниковъ).

(Входятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ).

Принцъ Генрихъ. Грабители связали честныхъ людей. А если бы мы съ тобой могли теперь обобратъ воровъ и весело отправиться въ Лондонъ, было бы о чемъ толковать цѣлую недѣлю, надъ чѣмъ

144

хохотать цѣлый мѣсяцъ и что запомнить, какъ хорошую шутку, навсегда.

Пойнсъ. Спрячемся, я слышу ихъ шаги.

(Возвращаются воры).

Фальстафъ. Идемъ, голубчики. Давайте дѣлать добычу, а потомъ на лошадей, пока не занялся день. Если принцъ и Пойнсъ не два величайшихъ труса – то нѣтъ справедливости на свѣтѣ. Пойнсъ этотъ не храбрѣ дикой утки.

Принцъ Генрихъ. Деньги давайте!

(Бросается на нихъ).

Пойнсъ. Негодяи!

(Въ то время какъ они занялись дѣлежомъ, принцъ и Пойнсъ кидаются на нихъ.

Всѣ они бѣгутъ, и Фальстафъ, послѣ двухъ-трехъ ударовъ, тоже убѣгаетъ, бросая добычу).

Принцъ Генрихъ.

Легко досталось. Живо на коней.

Воришки разбѣжались, перетрусивъ

Такъ сильно, что не смѣютъ повстрѣчаться,

Подозрѣвая стражника другъ въ другъ.

Впередъ, мой добрый Недъ. Теперь Фальстафъ

Бѣжитъ, потѣя до смерти, и землю

Сухую утучняетъ вдоль дороги.

Не будь онъ такъ смѣшонъ, онъ былъ бы жалокъ.

Пойнсъ.

Какъ громко негодяй ревѣлъ!

СЦЕНА III.

Барквортъ. Комната въ замкѣ.

Входитъ Готспуръ, читая письмо.

- "Что касается меня, милордъ, то изъ любви, которую питаю къ вашему дому, я былъ бы счастливъ, если бы могъ примкнуть къ вамъ". Онъ былъ бы счастливъ – такъ почему же его нѣтъ здѣсь? Изъ любви, которую онъ питаетъ къ нашему дому – онъ однако доказываетъ своимъ письмомъ, что его собственный сарай ему дороже нашего дома. Посмотримъ, что онъ пишетъ дальше. "Ваше предпріятіе

очень опасное"; конечно, опасное: опасно также простудиться, спать, пить; но я могу васъ увѣрить, милордъ дуракъ, что среди этой крапивы, которую называютъ опасностью, мы сорвемъ цвѣтокъ, называемый безопасностью. "Предпріятіе, которое вы затѣяли, опасно; друзья, которыхъ вы называете, ненадежны; время неподходящее, и весь вашъ заговоръ слишкомъ легковѣсенъ для борьбы съ такимъ сильнымъ непріателемъ". Такъ вы думаете? А я вамъ на это скажу, что вы пустоголовый трусъ и что вы лжете. Что за дуракъ! Клянусь Господомъ, нашъ заговоръ не хуже всякаго другого. Наши друзья вѣрны и надежны; хорошій заговоръ, хорошіе друзья и очень надежные; великолѣпный заговоръ, очень хорошіе друзья. Что за холодный, какъ ледъ, негодай! Архіепископъ Іоркскій одобряетъ и заговоръ, и весь ходъ дѣла. Чортъ побери! Если бы онъ мнѣ теперь попался, я бы пришибъ его вѣромъ его жены. Развѣ въ этомъ предпріятіи не участвуютъ мой отецъ, мой дядя и я? Лордъ Эдмундъ Мортимеръ, архіепископъ Іоркскій и Оуэнъ Глендоверъ? Да еще и Дугласъ? Развѣ не получилъ я отъ всѣхъ письма, съ условіемъ встрѣтиться со всѣми войсками девятаго числа слѣдующаго мѣсяца, и развѣ нѣкоторые изъ нихъ уже не выступили въ походъ? Что за язычникъ! Нечестивецъ! Окажется еще, что въ своей искренней трусости и ограниченности онъ отправится къ королю и откроетъ ему всѣ наши замыслы. О, я готовъ надавать себѣ пощечинъ за то, что предложилъ такому молокососу участіе въ столь почетномъ предпріятіи. Чортъ съ нимъ! Пусть расскажетъ королю. Мы готовы. Я отправлюсь сегодня въ ночь.

Входитъ лэди Перси.

Здравствуй, Кэтъ! я долженъ покинуть васъ черезъ два часа.

Лэди Перси.

Зачѣмъ, супругъ мой добрый, ты всегда
Уединенья ищешь? За какую
Вину отлучена я двѣ недѣли
Отъ ложа Гарри моего? Скажи,
Мой милый, отчего ты отворотился
Отъ пищи, смѣха, золотого сна?
Зачѣмъ глаза ты въ землю опускаешь
И вздрагиваешь часто, оставаясь
Одинъ? Что молодую кровь согнало
Со щекъ твоихъ? Зачѣмъ мое блаженство
И право на тебя ты уступилъ
Угрюмымъ думамъ и проклятой грусти?
Твой чуткій сонъ я часто сторожила
И слышала, какъ ты шепталъ о битвахъ
Желѣзныхъ, правилъ скачущимъ конемъ,
Кого-то ободрялъ: "смѣлѣе въ битву",

О вылазкахъ твердилъ и отступленьяхъ,

О рвахъ, о частоколахъ, о палаткахъ,
О брустверахъ, окопахъ пограничныхъ,
О базилискахъ, пушкахъ, кулевринахъ,
Солдатахъ мертвыхъ, выкупленныхъ плѣнныхъ
И всѣхъ другихъ подробностяхъ войны.
Твой духъ во снѣ такъ поглощенъ былъ битвой,
Такъ возбужденъ, что у тебя на лбу
Потъ бисеромъ стоялъ, какъ пузырьки
На только что встревоженномъ потоцѣ.
И странное являлось на лицѣ
Волненье, какъ у тѣхъ, кто вдругъ дыханье
Въ поспѣшности великой затаилъ
Что эти всѣ примѣты знаменуютъ?
Супругъ мой труднымъ дѣломъ озабоченъ.
Я знать хочу, иль онъ меня не любить.

Готспуръ.

Эй, кто тамъ? (*Входитъ слуга*).

Что, ушелъ съ пакетомъ Вильямъ?

Слуга.

Такъ точно, съ часъ тому назадъ.

Готспуръ.

А Бутлеръ

Привелъ-ли отъ шерифа лошадей?

Слуга.

Одну, милордъ, онъ только что привелъ.

Готспуръ.

Какую? Чалой масти? Корноушку?

Слуга.

Ее, милордъ.

Готспуръ.

Конь чалый – вотъ мой тронъ².

Немедленно сажусь. О, Espérance!³

Скажи, чтобъ Бутлеръ въ садъ его привелъ.

(*Слуга уходитъ*).

Лэди Перси.

О, выслушай, супругъ мой!

Готспуръ.

Что, супруга?

Лэди Перси.

Какъ отъ меня уѣдешь ты?

Готспуръ.

Верхомъ,

Дружокъ, верхомъ.

Лэди Перси.

Ты – глупая мартышка.

Хорекъ такимъ причудамъ не подвержень,
Какъ ты. Безъ шутокъ, Гарри. Знать хочу я
Твои дѣла, я такъ хочу. Боюсь,
Что братъ мой Мортимеръ, возстановляя
Свои права, твоей просилъ поддержки
Въ томъ предпріятіи. Если-жъ ты пойдешь...

Готспуръ.

Такъ далеко пѣшкомъ? Устану, другъ мой.

Лэди Перси.

Ну, полно, полно, попугай мой. Прямо
Отвѣтъ на мой вопросъ. Безъ шутокъ, Гарри,
Сломаю твой мизинецъ, если правды
Не скажешь мнѣ.

Готспуръ.

Прочь, баловница, прочь.

Любовь? Я не люблю. Мнѣ до тебя
Нѣтъ дѣла, Кэтъ. Играть не время въ куклы
Иль губные устраивать турниры.
Носовъ разбитыхъ нужно намъ побольше,
Дырявыхъ череповъ. Вотъ нынче наша
Ходячая монета. Эй, коня!
Что ты сказала, Кэтъ? Что нужно?

Лэди Перси.

Такъ ты меня не любишь? Вправду, нѣтъ?
Ну, хорошо. Но если ты не любишь,
И я любить не стану. Такъ не любишь?
Скажи хоть: это шутка или правда?

Готспуръ.

Идемъ, коль хочешь видѣть, какъ поѣду.
Чуть на коня вскочу, я поклянусь,
Что я тебя люблю и безпредѣльно.
Но слушай, Кэтъ. Отнынѣ не должна
Ты спрашивать, куда я отправляюсь
Или зачѣмъ. Спѣшу, куда мнѣ нужно.
А въ заключенье, дорогая Кэтъ:
Я вечеромъ сегодня васъ покину.
Я знаю, ты умна, но не умнѣе
Супруги Гарри Перси, - постоянна,
Но все-же женщина, а что до тайнъ,
Нѣтъ лэди болѣ скрытной. Оттого-то
Охотно вѣрю, что не передашь
Всего того, чего еще не знаешь.
Такъ велико, о дорогая Кэтъ,

Мое къ тебѣ довѣрье.

Лэди Перси.
Неужели

Такъ велико?

Готспуръ.
Не больше, ни на дюймъ.

147

Но слушай, Кэтъ. Куда теперь я ѣду,
Поѣдешь ты. Сегодня я, ты – завтра.
Довольна ты?

Лэди Перси.
Довольна поневолѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Истчипъ. Комната въ тавернѣ «Кабанья голова».

Входятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ.

Принцъ Генрихъ. Недъ, прошу тебя, выйди изъ этой грязной комнаты, и посмѣйся вмѣстѣ со мной.

Пойнсъ. Гдѣ ты былъ, Галь?

Принцъ Генрихъ. Съ тремя или четырьмя болванами, среди трехъ или четырехъ дюжинъ бочекъ. Я спустился на самую низшую ступень плебейства. Да, голубчикъ, я побратался со всѣми трактирными мальчишками, и могу ихъ всѣхъ назвать тебѣ по именамъ – Томъ, Дикъ и Фрэнсисъ. Они клянутся спасеніемъ своей души, что хотя я еще только принцъ Уэльскій, но уже король по учтивости, и открыто говорятъ мнѣ, что я не спѣсивецъ, какъ Фальстафъ, а настоящій коринѣянинъ – весельчакъ добрый малый (клянусь Богомъ, такъ они меня называютъ) – и что когда я буду англійскимъ королемъ, то всѣ истчипскіе молодцы будутъ готовы служить мнѣ. Напиваться значитъ по ихнему "нарумяниться", а если хочешь во время питья перевести духъ, они кричатъ: "живѣй, живѣй, осуши до дна!" Словомъ, въ какіе нибудь четверть часа я сдѣлалъ такіе успѣхи, что всю жизнь могу пить съ любымъ мѣдникомъ, говоря

148

съ нимъ на его языкѣ. Увѣряю тебя, Недъ, ты потерялъ случай отличиться, не побывавъ со мной въ этомъ дѣлѣ. Но, сладкій другъ мой Недъ, - а чтобы еще больше подсластить твое имя, даю тебѣ этотъ кусокъ сахара на пени, его только что сунулъ мнѣ въ руку одинъ изъ трактирныхъ мальчишекъ, который во всю свою жизнь не говорилъ другихъ словъ по англійски, какъ: "восемь шиллинговъ, шесть пенсовъ" и "милости просимъ!", всегда добавляя тонкимъ голосомъ: "сейчасъ, сейчасъ, сэръ! Бутылку сладкаго вина въ комнату съ полумѣсяцемъ" или что

нибудь въ этомъ родѣ. Такъ послушай, Недъ, чтобы скоротать время до прихода Фальстафа, пойдѣ ты въ сосѣдную комнату, а я буду спрашивать мальчишку, зачѣмъ онъ мнѣ далъ сахаръ; ты же поминутно кричи "Фрэнсисъ!", такъ чтобы онъ не могъ отвѣчать мнѣ ничего другого, кромѣ словечка "сейчасъ". Ступай, и я тебѣ покажу, какъ это устроить.

Пойнсъ. Фрэнсисъ!

Принцъ Генрихъ. Вотъ такъ, отлично!

Пойнсъ. Фрэнсисъ! (*Уходитъ*).

Входитъ Фрэнсисъ.

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!... Ступай внизъ въ комнату Гранатоваго яблока, Ральфъ.

Принцъ Генрихъ. Ступай сюда, Фрэнсисъ.

Фрэнсисъ. Милордъ.

Принцъ Генрихъ. Долго-ли еще тебѣ служить здѣсь, Фрэнсисъ?

Фрэнсисъ. Да, еще пять лѣтъ осталось, столько же какъ...

Пойнсъ (*за сценой*). Фрэнсисъ!

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!

Принцъ Генрихъ. Пять лѣтъ! Долгонько же тебѣ еще придется гремѣть посудой, чортъ возьми! Но скажи, Фрэнсисъ, хватило бы у тебя храбрости разыграть труса относительно твоего контракта съ хозяиномъ и показать ему пятки, удравъ отсюда?

Фрэнсисъ. О, Господи, сэръ! Я готовъ поклясться на всѣхъ библіяхъ въ Англіи, что у меня хватитъ смѣлости...

Пойнсъ (*за сценой*). Фрэнсисъ!

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!

Принцъ Генрихъ. Сколько тебѣ лѣтъ, Фрэнсисъ?

Фрэнсисъ. Дайте подумать – въ Михайловъ день мнѣ исполнится...

Пойнсъ (*за сценой*). Фрэнсисъ!

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сэръ! Пожалуйста, милордъ, подождите, я сейчасъ вернусь.

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, скажи мнѣ еще, Фрэнсисъ – сахару, который ты мнѣ далъ, было на одинъ пенсъ, неправда-ли?

Фрэнсисъ. Ахъ, сэръ, я хотѣлъ бы получить за него два пенса.

Принцъ Генрихъ. Я тебѣ дамъ за него тысячу фунтовъ: попроси ихъ у меня, когда захочешь, и ты получишь ихъ.

Пойнсъ (*за сценой*). Фрэнсисъ!

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ!

Принцъ Генрихъ. Сейчасъ, Фрэнсисъ? Нѣтъ... Но если хочешь завтра, Фрэнсисъ, или въ четвергъ, или же, Фрэнсисъ, когда хочешь. Но, Фрэнсисъ...

Фрэнсисъ. Милордъ?

Принцъ Генрихъ. согласишься ли ты ограбить этого человѣка въ кожаной курткѣ съ хрустальными пуговицами, со стриженной головой, съ агатовымъ перстнемъ на пальцѣ, въ темныхъ шерстяныхъ чулкахъ съ подвязками, съ вкрадчивымъ голосомъ и испанской сумкой...

Фрэнсисъ. О комъ это вы говорите, сэръ?

Принцъ Генрихъ. Ну, да я вижу, что тебѣ пристало только пить сладкое вино. Смотри, Фрэнсисъ, чтобы твоя бѣлая куртка не запачкалась. Въ Берберіи, сэръ, этого бы не случилось.

Фрэнсисъ. Чего не случилось бы, сэръ?

Пойнсъ (за сценой). Фрэнсисъ!

Принцъ Генрихъ. Да иди же, бездѣльникъ. Не слышишь ты что-ли, что тебя зовутъ? (Они начинаютъ оба звать его. Фрэнсисъ стоитъ растерянный и не знаетъ, куда идти).

(Входитъ старшій трактирный слуга).

Слуга. Что это такое? Ты тутъ стоишь и не слышишь, что-ли, что тебя зовутъ? Поди туда къ гостямъ. (Фрэнсисъ уходитъ). Милордъ, старый сэръ Джонъ съ полдюжиной другихъ господъ стоятъ у воротъ. Прикажете ихъ впустить?

Принцъ Генрихъ. Пусть они немного подождутъ, а потомъпусти. (Уходитъ слуга). Пойнсъ!

(Входитъ Пойнсъ).

Пойнсъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!

Принцъ Генрихъ. Послушай, Фальстафъ и остальные воры у дверей. Ну чтожъ, выйдетъ потѣха?

Пойнсъ. Еще бы, Галь, намъ будетъ весело, какъ сверчкамъ. Ловко однако ты одурачилъ мальчишку. Что же будетъ дальше?

150

Принцъ Генрихъ. Я теперь готовъ на всѣ шалости, которыя когда-либо продѣлывались со временъ старика Адама до этой юной полуночи. (Входитъ Фрэнсисъ съ виномъ). Который часъ, Фрэнсисъ?

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ! (Уходитъ).

Принцъ Генрихъ. И этотъ мальчишка, который знаетъ меньше словъ чѣмъ попугай, рожденъ отъ женщины! Все его занятіе исчерпывается бѣганіемъ по лѣстницамъ вверхъ и внизъ, а все его краснорѣчіе итогомъ трактирнаго счета. - Да, а я все таки еще не въ такомъ настроеніи, какъ Перси Готспуръ; онъ убиваетъ какихънибудь шесть или семь дюжинъ шотландцевъ передъ завтракомъ, умываетъ руки и говоритъ женѣ: - "Надоѣла мнѣ эта спокойная жизнь, мнѣ нужна работа". - "О, милый Гарри", спрашиваетъ она, "сколько человѣкъ ты убилъ сегодня?" - "Напоите моего чалаго", говоритъ онъ и отвѣчаетъ черезъ часъ: "Штукъ четырнадцать, пустяки, пустяки!" Пожалуйста, позови Фальстафа. Я буду играть Перси, а эта жирная туша - лэди Мортимеръ, супругу его. "Rivo!" какъ восклицаютъ пьяницы. Позови-же этотъ окорокъ, позови кусокъ сала!

Входятъ Фальстафъ, Гэдсгиль, Бардольфъ и Пето.

Пойнсъ. Здравствуй, Джэкъ. Гдѣ ты былъ?

Фальстафъ. Чума на всѣхъ трусовъ, говорю я, чума и проклятіе, говорю я, и прибавляю "аминь". - Эй, малый, дай мнѣ стаканъ хереса. - Чѣмъ вести дольше такую жизнь, я лучше готовъ вязать чулки, штопать ихъ и чинить пятки. Чума на

всѣхъ трусовъ! Дай же мнѣ стаканъ хереса, бездѣльникъ. – Неужели на землѣ нѣтъ болѣе добродѣтели? (*Пьетъ*).

Принцъ Генрихъ. Видалъ-ли ты когда нибудь, какъ богъ солнца (этотъ сострадательный Титанъ) цѣлуетъ тарелку съ масломъ, которое таетъ отъ его ласки? Если не видалъ – то взгляни вотъ на эту тушу.

Фальстафъ. Ахъ ты, мерзавецъ! Въ хересь подмѣшана известь. Да чего и ждать кромѣ плутовства отъ мошенниковъ. Но трусь еще хуже, чѣмъ стаканъ хереса съ примѣсью извести. Ступай своей дорогой, старый Джекъ! Умри, когда хочешь. Пусть меня назовутъ выпотрошенной селедкой, если неправда, что мужество, истинное мужество исчезло съ лица земли. Во всей Англіи не осталось болѣе трехъ не повѣшенныхъ порядочныхъ людей, и одинъ изъ нихъ разжирѣлъ и начинаетъ стариться – да помируетъ насъ Богъ! Нѣтъ, говорю я, свѣтъ сталъ никуда не годенъ. Хотѣлъ бы я быть ткачемъ – распѣвать псалмы и все такое. Чума на всѣхъ трусовъ, повторяю я.

Принцъ Генрихъ. Что ты такъ ворчишь, мѣшокъ, набитый шерстью?

Фальстафъ. И это сынъ короля! Пусть у меня на лицѣ не останется ни одного волоска, если я не выгоню тебя изъ твоего королевства деревянной шпагой, и не погоню передъ тобой всѣхъ твоихъ подданныхъ, какъ стадо дикихъ гусей. И ты – принцъ Уэльскій!

Принцъ Генрихъ. Это еще что такое, поганый брюханъ?

Фальстафъ. Развѣ ты не трусь? Отвѣчай... Да и Пойнсъ также.

Пойнсъ. Ахъ ты, жирное пузо, я тебя заколю, если еще разъ назовешь меня трусомъ.

Фальстафъ. Развѣ я называлъ тебя трусомъ? Будь ты раньше проклятъ, чѣмъ я назову тебя трусомъ. Но я бы далъ тысячу фунтовъ, чтобы умѣть бѣжать такъ быстро, какъ ты. У васъ прямые плечи, такъ вы и не боитесь показать свои спины – но развѣ это значитъ быть опорой друзьямъ? Къ чорту такую опору! Настоящіе друзья не показываютъ тыла, а прямо въ глаза смотрятъ. Дайте мнѣ стаканъ хереса. Будь я подлецъ, если у меня хоть капля была во рту.

Принцъ Генрихъ. Ахъ, негодяй – у тебя еще губы не обсохли отъ послѣдняго стакана.

Фальстафъ. Не все ли равно. (*Пьетъ*). Проклятіе всѣмъ трусамъ! говорю я.

Принцъ Генрихъ. Въ чемъ дѣло?

Фальстафъ. Въ чемъ дѣло? Въ томъ, что вотъ мы четверо сегодня утромъ добыли тысячу фунтовъ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ жъ деньги, Джекъ?

Фальстафъ. Гдѣ? Ихъ у насъ отняли. На насъ несчастныхъ четырехъ напало сто.

Принцъ Генрихъ. Какъ, неужели сто?

Фальстафъ. Будь я подлецъ, если я не сражался съ цѣлой дюжиной ихъ два часа подъ рядъ. Я спасся какимъ то чудомъ. Мой камзолъ продыравленъ въ восьми мѣстахъ, штаны въ четырехъ, щитъ мой весь изрубленъ, мечъ иззубренъ какъ пила: ecce signum. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ

взрослымъ мужчиной, я лучше не дрался – но все напрасно. Чума на всѣхъ трусовъ! Пусть вотъ они расскажутъ: если они чтонибудь прибавятъ къ правдѣ, или убавятъ изъ нея – значить они подлецы, исчадія тьмы.

Принцъ Генрихъ. Расскажите, господа, какъ было дѣло.

Гэдсгиль. Мы, четверо, напали человѣкъ на двѣнадцать.

Фальстафъ. Шестнадцать по крайней мѣрѣ, милордъ.

Гэдсгиль. И связали ихъ.

Пето. Нѣтъ, нѣтъ, мы ихъ не связали.

Фальстафъ. Ахъ ты, бездѣльникъ, конечно связали каждого въ отдѣльности: будь я еврей, жидъ-еврей, если это не такъ.

Гэдсгиль. Когда мы стали дѣлить добычу, на насъ напали еще шесть или семь человѣкъ...

Фальстафъ. Они развязали первыхъ; а тутъ подоспѣли и другіе.

Принцъ Генрихъ. Какъ, и вы со всѣми бились?

Фальстафъ. Со всѣми? Я не знаю, что ты называешь всѣми; но если я не дрался съ пятьюдесятью изъ нихъ, ты можешь меня назвать пучкомъ рѣдьки. Если на бѣднаго, стараго Джэка не напало пятьдесятъ два или пятьдесятъ три человѣка – то я послѣ этого не двуногая тварь.

Принцъ Генрихъ. Господи помилуй! Надѣюсь, ты никого не убилъ изъ нихъ.

Фальстафъ. Ну, братъ, объ этомъ поздно молиться. Двухъ я зарубилъ, съ двумя навѣрное всѣ счеты покончены – съ двумя негодьями въ клеенчатыхъ плащахъ. Говорю тебѣ, Галь – если я солгалъ, плюнь мнѣ въ лицо, назови меня клячей. Ты вѣдь знаешь мой обычный фехтовальный пріемъ; вотъ такъ я сталъ, такъ держалъ шпагу. Четверо негодяевъ въ клеенчатыхъ плащахъ кинулись на меня...

Принцъ Генрихъ. Какъ четверо? вѣдь ты только что сказалъ, что двое?

Фальстафъ. Четверо, Галь, я тебѣ сказалъ четверо.

Пойнсъ. Да, да, онъ сказалъ четверо.

Фальстафъ. Эти четверо выстроились рядомъ и сразу направили на меня свои шпаги. Я, не долго раздумывая, подставилъ щитъ и всѣ семь клинковъ воткнулись въ него.

Принцъ Генрихъ. Семь? Вѣдь ихъ было только-что четверо?

Фальстафъ. Въ клеенчатыхъ плащахъ?

Пойнсъ. Да, четверо въ клеенчатыхъ плащахъ.

Фальстафъ. Семеро, клянусь рукоятію этой шпаги; будь я бездѣльникъ, если это не такъ.

Принцъ Генрихъ. Пожалуйста, не мѣшай ему, число ихъ скоро еще возрастетъ.

Фальстафъ. Ты слушаешь, Галь?

Принцъ Генрихъ. Слушаю и отмѣчаю, Джэкъ.

Фальстафъ. То то-же – стоитъ послушать. Такъ вотъ, эти девять человѣкъ въ клеенчатыхъ плащахъ, какъ я тебѣ сказалъ...

Принцъ Генрихъ. Ну вотъ, уже двумя больше стало.

Фальстафъ. Такъ какъ острія ихъ шпагъ отломились...

Пойнсъ. То штаны съ нихъ свалились?

Фальстафъ. То они стали отступать; но я бросился за ними, и въ одно мгновеніе ока уложилъ семерыхъ изъ одиннадцати.

Принцъ Генрихъ. Какой ужасъ! Одиннадцать человѣкъ въ клеенчатыхъ плащахъ выросло изъ двухъ.

Фальстафъ. Но тутъ чортъ вмѣшался въ дѣло – на меня наскочили сзади трое проклятыхъ негодяевъ въ зеленыхъ курткахъ изъ кендальскаго сукна, и стали колотить меня, а было такъ темно, Галь, что не видать было собственной руки.

Принцъ Генрихъ. Эти выдумки похожи на своего родителя – огромныя, точно горы, явныя, осязательныя. Ахъ, ты грязный обжора, безмозглый чурбанъ, грязный комъ сала, потаскушкино отродь..

Фальстафъ. Что съ тобой? Ты съ ума сошелъ? Что правда, то правда, вѣдь!

Принцъ Генрихъ. Какъ ты могъ знать, что эти люди были въ зеленыхъ курткахъ изъ кендальскаго сукна, если было такъ темно, что ты не могъ видѣть своей руки? Объясни намъ это. Ну, что ты скажешь?

Пойнсъ. Объясни, Джэкъ, объясни!

Фальстафъ. Какъ, по принужденію? Нѣтъ, если бы меня на дыбу вздернули, или чѣмъ угодно пытали, я бы ничего не сказалъ по принужденію. Давать вамъ объясненія по принужденію! Если-бъ у меня было столько-же объясненій, сколько бываетъ ежевики лѣтомъ, то я бы никому ничего не объяснилъ по принужденію.

Принцъ Генрихъ. Не хочу я больше имѣть этого грѣха на душѣ: этотъ налитой кровью трусъ, этотъ лежебока, этотъ ломатель лошадиныхъ хребтовъ, эта огромная гора мяса...

Фальстафъ. Отстань, заморышъ, шкурка отъ утря, сушеный коровій языкъ, хвостъ бычачій, треска – о, если бы я могъ, не переводя духъ, назвать все, на что ты похожъ – портняжный аршинъ, пустые ножны, колчанъ, дрянная шпага!

Принцъ Генрихъ. Отдышись немного, а тамъ опять начни; а когда ты устанешь отъ своихъ скверныхъ сравненій, выслушай только вотъ это...

Пойнсъ. Слушай, Джэкъ, внимательно.

Принцъ Генрихъ. Мы двое видѣли, какъ вы напали вчетверомъ на четверыхъ, связали ихъ и забрали ихъ имущество. Ты только замѣть, какъ простая правда сразу васъ обличить. Затѣмъ мы вдвоемъ напали на васъ четырехъ и въ одну минуту прогнали васъ отъ добычи, которая теперь у насъ; мы можемъ показать ее – она здѣсь же въ домѣ. А ты, Фальстафъ, быстрехонько и проворно понесъ свое брюхо, и такъ ревѣлъ, моля о пощадѣ, такъ бѣжалъ и ревѣлъ, какъ настоящій теленокъ. Какая подлость иззубрить свою шпагу, и увѣрять, что это произошло въ бою! Что же ты можешь придумать, какую хитрость, какую уловку, чтобы прикрыть свой явный и очевидный позоръ?

Пойнсъ. Говори, Джэкъ, посмотримъ, какъ ты выпутаешься!

Фальстафъ. Клянусь небомъ, я узналъ васъ – узналъ, какъ родной отецъ. Послушайте-же, господа. Развѣ я смѣлъ убить наслѣднаго принца? Неужели бы я сталъ сражаться съ настоящимъ принцемъ? Вѣдь ты знаешь, я храбръ, какъ Геркулесь – но все дѣло въ инстинктѣ: левъ не тронетъ истиннаго принца. Инстинктъ великое дѣло, я вель себя трусомъ – слѣдуя инстинкту. Я отнынѣ буду еще лучшаго мнѣнія и о себѣ и о тебѣ – о себѣ, какъ о храбромъ львѣ, о тебѣ, какъ о храбромъ принцѣ. Но, братцы, я чертовски радъ, что деньги у васъ. Хозяйка, двери на запоръ: сегодня будемъ кутить, а молиться завтра. Храбрые ребята, молодцы, золотыя сердца – вы заслуживаете всяческихъ похвалъ за доброе товарищество. Ну что-жъ, будемъ веселиться? Не сыграть ли намъ комедію экспромтомъ?

Принцъ Генрихъ. Согласенъ – и содержаніемъ ея будетъ твое бѣгство.

154

Фальстафъ. Нѣтъ, ужъ объ этомъ ни слова, Галь, если ты меня любишь.

(Входитъ хозяйка).

Хозяйка. Господи Иисусе! милордъ принцъ...

Принцъ Генрихъ. Что тебѣ, милэди хозяйка? Что скажешь мнѣ?

Хозяйка. Ахъ, милордъ, тамъ у дверей какой-то придворный, который хочетъ васъ видѣть – онъ говоритъ, что пришелъ отъ вашего отца.

Принцъ Генрихъ. Дай ему крону, если онъ отъ короля, и отошли его обратно къ моей матушкѣ.

Фальстафъ. Каковъ онъ изъ себя?

Хозяйка. Старый человѣкъ.

Фальстафъ. Зачѣмъ почтенная старость въ этотъ полуночный часъ не въ постели? Не пойти-ли мнѣ переговорить съ нимъ?

Принцъ Генрихъ. Пожалуйста, Джэкъ.

Фальстафъ. Я съумѣю его спровадить. *(Уходитъ).*

Принцъ Генрихъ. Да, господа, вы славно сражались – и ты, Пето, и ты, Бардольфъ. Вы тоже львы и убѣжали только по инстинкту, чтобы не тронуть истиннаго принца. Стыдитесь!

Бардольфъ. Клянусь Богомъ, я тогда побѣждалъ, когда увидѣлъ, что другіе бѣгутъ.

Принцъ Генрихъ. А теперь, скажите по правдѣ – какъ случилось, что шпага Фальстафа такъ иззубрена?

Пето. Онъ иззубрилъ ее своимъ кинжаломъ, и сказалъ, что если бы даже ему пришлось божиться до тѣхъ поръ, пока онъ не выгонитъ правду изъ Англіи – онъ заставитъ васъ повѣрить, что это случилось въ сраженіи; и насъ онъ уговорилъ слѣдовать его примѣру.

Бардольфъ. Да, и уговорилъ насъ расцарапать себѣ носы колючей травой до крови, испачкать платье кровью и потомъ божиться, что это кровь честныхъ

людей. Со мной случилось то, чего не бывало послѣднія семь лѣтъ – я краснѣлъ, слушая его чудовищное лганье.

Принцъ Генрихъ. Негодай, ты восемнадцать лѣтъ тому назадъ укралъ стаканъ хереса, и былъ схваченъ съ поличнымъ, - съ тѣхъ поръ, ты постоянно краснѣешь будто невзначай. – Въ твоёмъ распоряженіи былъ огонь и мечъ, - а ты все-таки убѣждалъ. Это какой же инстинктъ тобой руководилъ?

Бардольфъ. Милордъ, видите вы эти метеоры? Видите-ли эти вулканическія изверженія?

Принцъ Генрихъ. Вижу.

Бардольфъ. Какъ вы думаете, что они предвѣщаютъ?

Принцъ Генрихъ. Пьянство и пустые кошельки.

Бардольфъ. Нѣтъ, милордъ, если ихъ вѣрно толковать, - то гнѣвный нравъ.

Принцъ Генрихъ. А вѣрнѣ всего петлю. (*Входитъ Фальстафъ*). А, вотъ и тощій Джэкъ, вотъ онъ – скелетъ. Ну, что, ватное чучело? Сколько лѣтъ, Джэкъ, ты не видѣлъ своихъ собственныхъ колѣнъ?

Фальстафъ. Моихъ собственныхъ колѣнъ? Когда я былъ твоихъ лѣтъ, Галь, я былъ въ обхватъ не толще орлиной лапы; я бы могъ пролѣзть сквозь перстень съ большого пальца любого альдермэна. Чортъ бы побралъ печаль и вздохи! отъ нихъ человѣкъ раздувается, какъ пузырь. Скверныя вѣсти, Галь. Тутъ былъ сэръ Джонъ Брэсси съ порученіемъ твоего отца: тебя требуютъ ко двору завтра утромъ. Этотъ сѣверный сумасбродъ, Перси, и тотъ валліецъ, который отколотилъ Амемона, наставилъ рога Люциферу, и заставилъ дьявола присягнуть ему въ вѣрности на крестъ валлійской алебарды – этотъ, чортъ его побери, какъ его зовутъ?

Пойнсъ. Глендоверъ?

Фальстафъ. Овенъ Глендоверъ, онъ самый – и его зять Мортимеръ, и старый Нортomberландъ, и отважный шотландецъ изъ шотландцевъ Дугласъ, - тотъ, который вѣзжаетъ верхомъ на отвѣсную гору.

Принцъ Генрихъ. Тотъ, который мчится во всю прыть, и на скаку стрѣляетъ изъ пистолета въ воробья?

Фальстафъ. Именно онъ, ты попалъ въ самую точку.

Принцъ Генрихъ. Лучше, чѣмъ онъ въ воробья.

Фальстафъ. Ну, этотъ плутъ не изъ трусливыхъ; онъ не убѣжитъ.

Принцъ Генрихъ. Что-же ты, плутъ эдакій, хвалилъ его за проворство?

Фальстафъ. Верхомъ – кукушка, а пѣшкомъ онъ не отступитъ ни на шагъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, а по инстинкту, Джэкъ?

Фальстафъ. По инстинкту, можетъ быть. Ну такъ вотъ, и онъ тамъ и еще какой-то Мордэкъ, и тысяча другихъ шотландскихъ синихъ шапокъ. Ворчестеръ удралъ ночью; у отца твоего борода посѣдѣла отъ этихъ

Принцъ Генрихъ. Значить, если будетъ жарко въ іюнѣ, и эта междуусобная драка не прекратится, то дѣвственницъ можно будетъ покупать сотнями, какъ гвозди для подковъ.

Фальстафъ. Вѣрно, голубчикъ, клянусь обѣдней. Кажется, что этотъ товаръ намъ не дорого обойдется. – Но скажи мнѣ, Галь, ты, я думаю, сильно напуганъ? Для тебя, наслѣднаго принца, нельзя было бы выискать во всемъ мірѣ трехъ болѣе страшныхъ противниковъ, чѣмъ этотъ чортъ Дугласъ, злой духъ Перси, и дьяволъ Глендоверъ. Развѣ ты не страшно испуганъ? Я думаю, у тебя кровь стынетъ въ жилахъ.

Принцъ Генрихъ. Ничуть, увѣряю тебя – мнѣ недостаетъ твоего инстинкта.

Фальстафъ. А вѣдь завтра, когда ты явишься къ отцу, тебѣ страшно достанется. Прошу тебя, изъ любви ко мнѣ, приготовь отвѣтъ; сдѣлаемъ репетицію.

Принцъ Генрихъ. Хорошо. Представь ты моего отца, и расспроси меня о подробностяхъ моей жизни.

Фальстафъ. Согласенъ. Пусть этотъ стулъ будетъ моимъ трономъ, этотъ кинжалъ моимъ скипетромъ и эта подушка моей короной.

Принцъ Генрихъ. И впрямь тебѣ трономъ послужить скамья, золотымъ

156

скипетромъ кинжалъ изъ жести, и драгоценной короной жалкая лысина.

Фальстафъ. Если только въ тебѣ не угасла хоть искра благодати, ты увидишь, какъ я тебя теперь растрогаю. Пусть мнѣ дадутъ стаканъ хереса, чтобы глаза у меня были красные, какъ будто я плакалъ. Я долженъ говорить съ чувствомъ – и я это сдѣлаю не хуже короля Камбиза въ трагедіи.

Принцъ Генрихъ. Хорошо. Вотъ я отвѣшиваю тебѣ поклонъ.

Фальстафъ. А вотъ я начинаю свою рѣчь. Отойдите въ сторону, знатные лорды.

Хозяйка. Господи Іисусе! вотъ такъ славная потѣха!

Фальстафъ. Не плачь, супруга, токи слезъ напрасны.

Хозяйка. О, Боже, какую онъ на себя важность напустилъ!

Фальстафъ. Уйдите, лорды, съ грустной королевой;

Ея глазные шлюзы полны слезъ.

Хозяйка. Ахъ, Господи Іисусе! онъ говоритъ, точь въ точь какъ эти поганые комедіанты.

Фальстафъ. Молчи, добрая пивная кружка, молчи, славная наливка! – Гарри, меня удивляетъ не только твое времяпрепровождение, но и общество, въ которомъ ты живешь. Хотя ромашка тѣмъ быстрѣе растетъ, чѣмъ больше ее топчутъ, но молодость тѣмъ скорѣе изнашивается, чѣмъ больше ею злоупотребляютъ. Что ты мой сынъ, въ этомъ меня отчасти убѣждаютъ увѣренія твоей матери, отчасти мое собственное мнѣніе, но въ особенности плутовской взглядъ твоихъ глазъ и дурацкая отвислость нижней губы. Если же ты мой сынъ – и къ этому я рѣчь веду – почему же на моего сына всѣ указываютъ пальцами? Неужели благодатное

солнце может стать праздношатающимся и ѣсть ежевику? Вопросъ, который излишне предлагать. Неужели сынъ англійскаго короля можетъ стать воромъ и похищать кошельки? Вотъ вопросъ, который приходится ставить. Есть одна вещь на свѣтѣ, Гарри, о которой ты часто слышалъ, и которая извѣстна у насъ въ странѣ подъ названіемъ дегтя. А деготь, по свидѣтельству старинныхъ писателей, мараешь – и точно такъ же мараешь человѣка твое общество. Я говорю тебѣ это, Гарри, не съ пьяныхъ глазъ, а со слезами на глазахъ, не шутя, а скорбя, не только словами, а и болящимъ сердцемъ. Все таки есть одинъ хорошій человѣкъ, котораго я часто замѣчалъ въ твоёмъ обществѣ, но я не знаю, какъ его зовутъ.

Принцъ Генрихъ. Каковъ онъ собою, ваше величество?

Фальстафъ. Это внушительный и довольно плотный человѣкъ, съ веселымъ лицомъ, пріятными глазами и очень благородными манерами. Я думаю, ему лѣтъ около пятидесяти, или даже, пожалуй, ближе къ шестидесяти, и теперь я припоминаю, что его зовутъ Фальстафомъ. Если бы этотъ человѣкъ оказался распутнымъ, то его наружность очень обманчива, потому что во взорѣ его отражается добродѣтель. Если же дерево узнается по плодамъ, какъ плоды по дереву, то я съ увѣренностью говорю, что Фальстафъ хорошій человѣкъ. Его общества держись, а всѣхъ остальныхъ прогони. Теперь, скажи мнѣ, бездѣльникъ, гдѣ ты пропадалъ цѣлый мѣсяцъ?

Принцъ Генрихъ. Развѣ королю подобаетъ такъ говорить? Стань ты теперь на мое мѣсто, а я представлю моего отца.

Фальстафъ. Меня свергаютъ съ престола? Посмотримъ. Если ты съумѣешь быть хоть на половину столь величественнымъ и внушительнымъ, какъ я, въ словахъ и движеніяхъ, пусть меня повѣсятъ за ноги, какъ кролика или зайца у продавца дичи.

Принцъ Генрихъ. Ну вотъ, я сѣлъ.

Фальстафъ. А я сталъ. Судите, господа.

Принцъ Генрихъ. Ну, Гарри, откуда ты?

Фальстафъ. Изъ Истчипа, государь.

Принцъ Генрихъ. До меня дошли очень серьезныя жалобы на тебя.

Фальстафъ. Это все вранье, милордъ. Покажу я тебѣ принца, увидишь!

Принцъ Генрихъ. Ты ругаешься, скверный мальчишка? Прочь съ глазъ моихъ! Тебя насильно совращаютъ съ пути добродѣтели. Ты одержимъ дьяволомъ въ образѣ жирнаго старика. Твой товарищъ бочка, а не человѣкъ. Зачѣмъ ты водишь дружбу съ этимъ тюкомъ гнусностей, этимъ мѣшкомъ скотства, съ этой вздутой водянкой, съ этой огромной бочкой хереса, съ этими набитыми грязью кишками, съ этимъ жаренымъ маннингтрійскимъ невыпотрошеннымъ быкомъ, съ этимъ дряхлымъ Порокомъ, сѣдымъ Безбожіемъ, съ этимъ старымъ негодяемъ, съ этимъ престарѣлымъ Тщеславіемъ? На что онъ годенъ? Развѣ только на то, чтобы пробовать и пить хересъ. Въ чемъ онъ аккуратенъ и опрятенъ? Только въ разрѣзываніи и ѣдѣ каплуновъ. Въ чемъ ловокъ? – Только въ обманѣ. Въ чемъ расторопенъ? – Въ плутовствѣ. Въ чемъ

презрѣнень? – Во всемъ. Въ чемъ порядочень? – Ни въ чемъ.

Фальстафъ. Я бы хотѣлъ, чтобы ваша милость объяснила мнѣ, о комъ идетъ рѣчь, а то я не могу понять вашихъ словъ.

Принцъ Генрихъ. Я говорю объ отвратительномъ совратителѣ юности, о Фальстафѣ, этомъ старомъ бѣлобородомъ дьяволѣ.

Фальстафъ. Милордъ, я его знаю.

Принцъ Генрихъ. Не сомнѣваюсь въ этомъ.

Фальстафъ. Но если бы я сказалъ, что знаю за нимъ больше дурного, чѣмъ за самимъ собой – я бы солгалъ. Что онъ старъ – къ сожалѣнію – объ этомъ свидѣлствуютъ его сѣдины, но что онъ былъ, простите, ваше величество, распутникомъ, это я совершенно отрицаю. Если пить хересь съ сахаромъ преступленіе – то да поможетъ Богъ преступникамъ. Если быть веселымъ на старости лѣтъ грѣхъ, то многіе знакомые мнѣ старые трактирщики станутъ добычей дьявола. Если тучныхъ людей слѣдуетъ ненавидѣть, то значитъ, тощія коровы Фараона достойны любви. Нѣтъ, добрый государь: прогоните Пето, прогоните Бардольфа, прогоните Пойнса; но что касается милаго Джэка Фальстафа, добраго Джэка Фальстафа, вѣрнаго Джэка Фальстафа, храбраго Джэка Фальстафа, и тѣмъ болѣе храбраго, что онъ старый Джэкъ Фальстафъ – не разлучайте его съ Гарри, не отнимайте его у вашего Гарри: прогнать толстаго Джэка – все равно что прогнать весь міръ.

Принцъ Генрихъ. Я хочу прогнать его, - и прогоню. (*Слышенъ стукъ въ двери. Уходятъ хозяйка, Фрэнсисъ и Бардольфъ*).

(*Снова вбѣгаетъ Бардольфъ*).

Бардольфъ. О, милордъ, милордъ! у дверей шерифъ и съ нимъ грозная стража.

Фальстафъ. Убирайся, плутъ. Нужно закончить представленіе. Я еще многое имѣю сказать въ пользу Фальстафа.

(*Входитъ хозяйка*).

Хозяйка. О Господи Іисусе! Милордъ, милордъ!

Принцъ Генрихъ. Ну, что тамъ такое? Ужъ не дьяволъ-ли пріѣхалъ верхомъ на смычкѣ? Что тамъ случилось?

Хозяйка. Шерифъ и стража у дверей. Они пришли обыскать домъ. Впустить ихъ?

Фальстафъ. Слышишь, Галь? Никогда не считай настоящій золотой фальшивымъ. Вотъ ты въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ, хотя и не кажешься сумасшедшимъ.

Принцъ Генрихъ. А ты природный трусъ и помимо инстинкта.

Фальстафъ. Я отрицаю твою главную посылку. Если ты непустишь шерифа, хорошо. Еслипустишь, пусть войдетъ. Если я не сумѣю держаться не хуже всякаго другого, когда меня на телѣгѣ повезутъ на висѣлицу, то къ чорту все мое воспитаніе. Я надѣюсь, что петля меня также скоро удавитъ, какъ и всякаго другого.

Принцъ Генрихъ. Поди спрячься за занавѣску – а вы всѣ ступайте навѣрхъ. Ну, а теперь, господа, нужно принять видъ честныхъ людей со спокойной совѣстью.

Фальстафъ. Была у меня и честность, и спокойная совѣсть да теперь сплыли и потому я спрячусь. *(Уходятъ всѣ, кромѣ принца и Пето).*

Принцъ Генрихъ. Позовите шерифа.

(Входятъ шерифъ и извозчикъ).

Принцъ Генрихъ.

Что, господинъ шерифъ, угодно будетъ
Вамъ отъ меня?

Шерифъ.

Сперва, милордъ, прощенье.

Народъ кричитъ, что прослѣдилъ какихъ-то
Людей вотъ въ этотъ домъ.

Принцъ Генрихъ.

Какихъ людей?

Шерифъ.

Свѣтлѣйшій лордъ, одинъ изъ нихъ извѣстенъ:
Мужчина очень жирный.

Извозчикъ.

Точно масло.

Принцъ Генрихъ.

Его, я увѣряю васъ, здѣсь нѣтъ.

Онъ только что мной посланъ съ порученьемъ.

Но слово я даю тебѣ, шерифъ,

Его доставить завтра, въ часъ обѣда.

Пусть держитъ предъ тобою иль другимъ

Отвѣтъ во всемъ, въ чемъ будетъ обвиняемъ.

Итакъ, прошу покинуть этотъ домъ.

Шерифъ.

Я слушаю, милордъ. Два джентльмена

Ограблены на триста были марокъ.

Принцъ Генрихъ.

Быть можетъ. Коли ихъ ограбилъ онъ,

То будетъ отвѣчать. Итакъ, прощайте.

159

Шерифъ.

Покойной ночи, благородный лордъ.

Принцъ Генрихъ.

Вѣрнѣе, утра добраго, не такъ-ли?

Шерифъ.

О да, милордъ. Теперь ужъ третій часъ.

(Шерифъ и извозчикъ уходятъ).

Принцъ Генрихъ. Этотъ жирный мошенникъ всѣмъ извѣстенъ, какъ церковъ св. Павла. Поди, позови его.

Пето. Фальстафъ! Спать мертвецкимъ сномъ, и храпить, какъ лошадь.

Принцъ Генрихъ. Смотри, какъ онъ тяжело дышитъ. Обыщи его карманы.
(Пето обыскиваетъ). Что ты нашель?

Пето. Однѣ бумаги, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Посмотримъ, что въ нихъ такое; прочти.

Пето. *(читаетъ)* Item, каплунъ – 2 шил. 2 пенса; item – соусъ – 4 пенса; item – хересу, два штофа – 5 шил., 8 пенсовъ; item – анчоусы и хересь послѣ ужина – 2 шил., 6 пенсовъ; item – хлѣбъ – полъ-пенса.

Принцъ Генрихъ. Возмутительно! Только на полъ-пенса хлѣба при такомъ невѣроятномъ количествѣ хереса. Все остальное спрячь – мы прочтемъ на досугѣ. Пусть онъ тутъ спать до разсвѣта. Я съ утра отправлюсь ко двору. Намъ всѣмъ нужно отправиться на войну, и ты получишь почетное назначеніе. Этому жирному мерзавцу я доставляю мѣсто въ пѣхотѣ, и я знаю, что для него пройти сто двадцать футовъ – смерть. Деньги мы вернемъ съ избыткомъ. Приходи ко мнѣ завтра пораньше, а теперь прощай, Пето.

Пето. Прощайте, добрый лордъ.

160

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Бангоръ. Комната въ домѣ архидіакона.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ, Мортимеръ и Глендоверъ.

Мортимеръ.

Друзья вѣрны, блестящи обѣщанья,
Начало полно радужныхъ надеждъ.

Готспуръ.

Лордъ Мортимеръ и вы, кузень Глендоверъ,
Не състь-ли намъ? И дядя Ворчестеръ.
Будь проклята она, - забылъ я карту!

Глендоверъ.

Нѣтъ, вотъ она. Садитесь, Гарри Перси,
Кузень нашъ добрый Готспуръ. Всякій разъ,
Какъ васъ въ бесѣдѣ такъ зоветъ Ланкастръ,
Блѣднѣетъ онъ и, подавляя вздохъ,
Желаетъ вамъ скорѣе быть на небѣ.

Готспуръ.

А вамъ – въ аду, какъ только слышитъ имя
Онъ Овена Глендовера.

Глендоверъ.

Винить

Его не стану: при моемъ рожденьи
Среди небесъ вдругъ образы явились
Изъ пламени и факелы пылали.
И чуть на свѣтъ пришелъ я, вся земля,
Какъ трусь, трястись до основаній стала.

Готспуръ.

Въ ту пору было-бъ то же, если-бъ кошка
У матушки у вашей окотилась,
Хотя-бы вы совсѣмъ не родились.

Глендоверъ.

Я говорю вамъ: при моемъ рожденьи
Земля тряслась.

Готспуръ.

А я вамъ говорю,

161

Что чувствъ моихъ земля не раздѣляла,
Когда тряслась изъ страха передъ вами.

Глендоверъ.

Земля тряслась и небеса пылали.

Готспуръ.

О, если такъ, земля тряслась, пугаясь
Огня небесъ, не вашего рожденья.
Нерѣдко у природы заболѣвшей
Престранныя бываютъ изверженья.
Чреватая земля страдаетъ часто,
Терзаемая внутреннею рѣзью
Отъ вѣтровъ злыхъ, въ ея утробѣ скрытыхъ.
Они-то, вонъ стремясь, вдругъ затрясутъ
Старушку землю такъ, что колокольни
И башни, мхомъ покрытыя, валятся.
Въ день вашего рожденья, заболѣвъ
Недугомъ тѣмъ, прабабушка земля
Тряслась отъ боли.

Глендоверъ.

Не отъ многихъ снесъ-бы,

Кузень, я эти всѣ противорѣчья.
Позвольте-жъ повторить, что при моемъ
Рожденьи въ небесахъ огни пылали,
Бѣжали козы съ горъ, и ревомъ стада
Луга, объаты страхомъ, оглашались.

Тѣ знаменья отмѣтили меня
Отличнымъ отъ другихъ. И все теченье
Моей дальнѣйшей жизни подтвердило,
Что я не изъ людей обыкновенныхъ.
Гдѣ тотъ, въ предѣлахъ, моремъ окруженныхъ,
Всей Англіи, Шотландіи, Валлиса,
Кто могъ-бы поучить меня иль звать
Ученикомъ? Кто, женщиной рожденный,
Послѣдуетъ за мною по крутымъ
Пулямъ искусствъ, въ глубь опытовъ научныхъ?
Готспуръ.

Я вѣрю, лучше васъ здѣсь по валлійски
Никто не говоритъ. Иду обѣдать.
Мортимеръ.

Ну, брось, кузень. Съ ума его сведешь.
Глендоверъ.
Я духовъ вызывать могу изъ бездны.
Готспуръ.

И я могу, и каждый это можетъ.
Вопросъ: придетъ-ли духъ, кого зовете?
Глендоверъ.

И васъ, кузень, могу я научить,
Какъ чортомъ управлять.
Готспуръ.

Я-жъ научу васъ,
Какъ чорта посрамлять: посредствомъ правды.
Лишь правду рѣжъ, и чорта посрамишь.
Коль въ силахъ вы, такъ вызовите чорта.
Клянусь, его смогу погнать со срамомъ.
Не лги всю жизнь, и чорта посрамишь.
Мортимеръ.

Довольно. Будетъ праздно вамъ болтать.
Глендоверъ.

Три раза Генрихъ Болингброкъ тягался
Со мною силой. Трижды съ береговъ
Уэя и песчаного Северна
Онъ налегкѣ былъ прогнанъ въ непогоду.
Готспуръ.

И нагишомъ, и въ бурю? Чортъ возьми!...
Какъ лихорадки не схватилъ онъ?
Глендоверъ.
Полно.

Вотъ карта. Какъ, согласно договору,
Владѣнья на три части мы раздѣлимъ?

Мортимеръ.

На три участка, совершенно равныхъ,
Архидіаконъ такъ ихъ раздѣлилъ:
Вся Англія, отъ Трента и Северна
На югъ и на востокъ – участокъ мой.
Глендоверу принадлежитъ весь западъ
Съ той стороны Северна и Валлисъ,
И весь богатый край въ предѣлахъ этихъ,
А вамъ, кузень, - все къ сѣверу отъ Трента.
Готовы три условия. Намъ осталось
Взаимно ихъ печатями скрѣпить, -
Мы съ этимъ нынче-жъ вечеромъ покончимъ,
А завтра, Перси, вы и я, и добрый
Лордъ Ворчестеръ, - всѣ выступимъ въ походъ,
Чтобъ вашего отца съ шотландскимъ войскомъ,
Какъ мы рѣшили, въ Шрюсбери встрѣчать.
Мой тестъ Глендоверъ не готовъ, но помощь
Его нужна намъ лишь чрезъ двѣ недѣли.

(Къ Глендоверу).

За этотъ срокъ успѣете собрать
Друзей, вассаловъ и дворянъ сосѣднихъ.

Глендоверъ.

Я въ болѣе короткій срокъ явлюся къ вамъ
И вашихъ женъ съ собою привезу.
Отъ нихъ теперь тайкомъ и не простившись

162

Уѣхать вы должны. Не то ихъ слезы
Зальютъ весь міръ потопомъ при прощаньи.

Готспуръ.

Участокъ мой, на сѣверъ отъ Бортонъ,
Мнѣ кажется обоихъ вашихъ меньше.
Взгляните, какъ потокъ, змѣясь, проходитъ,
Ужасный клокъ моихъ владѣній лучшихъ
Отрѣзавъ полумѣсяцемъ огромнымъ.
Я въ этомъ мѣстѣ рѣку запружу,
И въ новомъ потечетъ руслѣ спокойно
Прекрасный, серебристо-свѣтлый Трентъ.
Не будетъ онъ излучинами виться,
Меня земель лишая богатѣйшихъ.

Глендоверъ.

Не будетъ виться? Будетъ. Посмотрите,
Какъ вьется онъ.

Мортимеръ.

Да, только прослѣдите,

Какъ дальше онъ мѣняетъ направленье.

И отъ меня уходитъ, въ вашу пользу

Вотъ съ этой стороны земли прирѣзавъ

Не меньше, чѣмъ съ другой онъ васъ лишилъ.

Ворчестеръ.

Да, но легко плотину здѣсь устроить,

И этотъ мысъ на сѣверъ отойдетъ,

И прямо потечетъ рѣка и ровно.

Готспуръ.

Я такъ хочу. Расходовъ будетъ мало.

Глендоверъ.

Я противъ измѣненій всѣхъ.

Готспуръ.

Вы противъ?

Глендоверъ.

Да, ихъ не будетъ.

Готспуръ.

Кто-жъ мнѣ скажетъ: нѣтъ?

Глендоверъ.

А я скажу.

Готспуръ.

Скажите-жъ такъ, чтобъ я

Не понялъ васъ: скажите по валлійски.

Глендоверъ.

Я говорить умѣю по англійски

Не хуже васъ, милордъ. Я при дворѣ

Воспитанъ былъ англійскомъ. Много нѣжныхъ

Англійскихъ пѣсень тамъ сложилъ для арфы

Я въ юности, языкъ приукрашая.

Такого дара въ васъ не примѣчали.

Готспуръ.

Чему, клянусь, я радъ отъ всей души.

Я-бъ предпочелъ быть кошкой и мяукать,

Чѣмъ быть однимъ изъ этихъ виршеплетовъ,

Торгующихъ балладами. Пріятнѣй

Вертящійся подсвѣчникъ мѣдный слушать,

Иль визгъ сухого колеса вкругъ оси.

Все это боль зубную причиняетъ

Не такъ легко, какъ приторные вирши.

Я ихъ люблю, какъ вынужденный бѣгъ

Разбитой клячи.

Глендоверъ.

Хорошо, для васъ
Пускай рѣка теченіе измѣнить.

Готспуръ.

Мнѣ все равно. Услужливому другу
Земли дамъ втрое больше, но замѣтьте,
Едва дошло до торга, буду спорить
Изъ-за девятой доли волоска.
Готовы-ли условия? Въ путь пора.

Глендоверъ.

Луна сіяетъ, - можно ѣхать ночью.
Пойду писца поторопить и вмѣстѣ
Къ отъѣзду приготовить вашихъ женъ.
Боюсь, что дочь разсудокъ потеряетъ:
Такъ нѣжно въ Мортимера влюблена. (*Уходитъ*).

Мортимеръ.

Фи, Перси, можно-ль тестю моему
Перечить такъ?

Готспуръ.

Я не могу иначе.

Порой меня онъ бѣситъ, повѣствуя
О муравьяхъ, кротахъ, о духовидцѣ
Мерлинѣ и пророчествахъ его,
Иль о драконѣ, о безперой рыбѣ,
Безкрыломъ грифѣ, воронѣ слинявшемъ,
Лежащемъ львѣ и крадущейся кошкѣ
И прочей тарабарщинѣ, способной
Меня лишить разсудка. Вотъ послушай,
Вчера меня держалъ часовъ онъ девять,
Перечисляя имена чертей,
Ему служившихъ. Я ворчалъ: "гм", "вотъ какъ",
Не слушая ни слова. Онъ скучнѣй
Коня хромого и сварливой бабы,
Несноснѣй дымной хаты. Предпочту я
На вѣтряной жить мельницѣ, и сыромъ
Да чеснокомъ питаться, чѣмъ пышнѣйшій

Въ крещеномъ мірѣ занимать дворецъ
И лакомствъ объѣдаться, но его
Имѣя собесѣдникомъ своимъ.

Мортимеръ.

По-истинѣ, онъ человекъ достойный.
Онъ крайне свѣдущъ въ книгахъ и причастенъ

Наукамъ тайнымъ, доблестенъ, какъ левъ,
На диво обходителенъ и щедръ,
Какъ рудники индійскіе. Кузень,
Сказать-ли вамъ? Вашъ духъ цѣня высоко,
Онъ собственный природный нравъ смиряетъ,
Когда ему перечите. Клянусь вамъ,
Нѣтъ въ мірѣ человѣка, кто бы могъ
Его дразнить, какъ дѣлаете вы,
Опасности себя не подвергая.
Позвольте-жъ васъ просить его терпѣньемъ
Не злоупотреблять.

Ворчестеръ.

Милордъ, вы вправду

Достойны порицанья. Вы съ тѣхъ поръ,
Какъ здѣсь живете, сдѣлали довольно,
Чтобъ изъ терпѣнья вывести его.
Отъ этого должны вы недостатка
Избавиться, милордъ. Хотя въ немъ порой
Видны величье, доблесть и порода, -
Все лучшее, чѣмъ вы украшены, -
Но часто онъ свидѣтельствуеъ также
О вспыльчивости грубой, самомнѣнны,
Надменности, отсутствіи манеръ
И самообладанья, о презрѣнны
Или высокомерьи, - недостаткахъ,
Малѣйшій изъ которыхъ отвращаетъ
Отъ рыцаря, страдающаго имъ,
Сердца людей, всѣ доблести пятнаеъ,
Лишая ихъ похвалъ.

Готспуръ.

Я снова школьникъ.

Да здравствуютъ хорошія манеры!

Вотъ наши жены. Скажемъ имъ прости.

(Возвращается Глендоверъ, въ сопровожденіи лэди Мортимеръ и лэди Перси).

Мортимеръ.

Смертельная досада. По англійски

Не говоритъ жена, я – по валлійски.

Глендоверъ.

Вотъ дочь моя льетъ слезы, не желая

Разстаться съ вами. Хочетъ быть солдатомъ

И на войну поѣхать.

Мортимеръ.

Объясните,

Любезный батюшка, ей съ тетей Перси,

Что вскорѣ подѣ охраной вашей обѣ
Послѣдуютъ за нами.

*(Глендоверъ говоритъ съ лэди Мортимеръ по валлійски, она на томъ-же языкѣ ему
отвѣчаетъ).*

Глендоверъ.

Безутѣшна.

Да, словомъ убѣжденья не проймешь
Упрямой, своевольной этой бабы.

(Лэди Мортимеръ обращается къ мужу на валлійскомъ языкѣ).

Мортимеръ.

Я понялъ взоръ твой. Тотъ языкъ валлійскій,
Что льется съ этихъ вотъ небесъ припухшихъ,
Я знаю слишкомъ хорошо. Лишь стыдъ
Мѣшаетъ мнѣ на немъ-же отвѣчать.

(Лэди Мортимеръ снова обращается къ нему по валлійски).

Твои я поцѣлуи понимаю,
Какъ ты мои, и это я зову
Прочувствованнымъ диспутомъ. Но, другъ мой,
Не успокоюсь раньше, чѣмъ языкъ твой
Не изучу. Валлійской рѣчи звукъ
Въ твоихъ устахъ чаруетъ, точно пѣсня,
Которую прекрасная въ саду,
Поетъ подѣ рокотъ лютни королева.

Глендоверъ.

Какъ таять ты начнешь, она совсѣмъ
Разсудокъ потеряетъ.

(Лэди Мортимеръ опять обращается къ мужу по валлійски).

Мортимеръ.

О, я въ этомъ

Само невѣжество!

Глендоверъ.

Она васъ просить

Прилечь на эти пышныя цыновки,
Къ ней на колѣни голову склонить,
Она вамъ будетъ пѣтъ напѣвъ любимый,
Пока богъ сна вамъ вѣки не смежить
И кровь заморозитъ истомой сладкой, -
Чтобъ разница была межъ сномъ и явью
Не больше, чѣмъ межъ днемъ и ночью въ часъ,
Какъ въ упряжи небесной колесница
Съ востока въ путь выходитъ золотой.

Мортимеръ.

Отъ всей души я буду слушать пѣнье;
Тѣмъ временемъ намъ списки приготовитьъ.

Глендоверъ.

Ты такъ и сдѣлай. Тѣ-же музыканты,
Что вамъ должны играть, теперь витають
За тысячу отсюда миль. Но вскорѣ
Услышите вы ихъ. Присядь и жди.

Готспуръ.

Поди сюда, Кэтъ. Ты въ совершенствѣ изучила искусство лежать. Скорѣй,
скорѣй, дай мнѣ положить голову тебѣ на колѣни.

Лэди Перси.

Поди прочь, вертопрахъ.

*(Глендоверъ произноситъ нѣсколько словъ по валлійски, и
немедленно раздаются звуки музыки).*

Готспуръ.

Знать, дьяволъ понимаетъ по валлійски.
Коль такъ, не диво, что причудъ онъ полонъ.
Клянусь Пречистой Дѣвой, музыкантъ
Онъ превосходный.

Лэди Перси.

Въ такомъ случаѣ ты болѣе всего музыкаленъ, потому что вѣчно одержимъ
причудами. Лежи смирно, воришка, и слушай, какъ лэди будетъ пѣть по
валлійски.

Готспуръ.

Я предпочелъ-бы слушать, какъ моя собака "Лэди" воетъ по ирландски.

Лэди Перси.

Хочешь, чтобы тебѣ разбили черепъ?

Готспуръ.

Нѣтъ, не хочу.

Лэди Перси.

Въ такомъ случаѣ лежи смирно.

Готспуръ.

Зачѣмъ? Это – недостатокъ женскій.

Лэди Перси.

Да поможетъ тебѣ Богъ!

Готспуръ.

Пробраться въ постель къ валлійской лэди?

Лэди Перси.

Это еще что такое?

Готспуръ.

Молчи, она собирается пѣть.

(Лэди Мортимеръ поетъ валлійскую пѣсню).

Теперь, Кэтъ, я хотѣлъ-бы послушать твое пѣнье.

Лэди Перси.

Я-то? ни за какія коврижки.

Готспуръ.

"Вы-то? Ни за какія коврижки". Дружокъ мой, вы выражаетесь сладко, какъ жена кондитера. "Я-то, ни за какія коврижки". Или: "такъ-же вѣрно, какъ то, что я живу". Или: "да поможетъ мнѣ Богъ". Или: "это ясно какъ божій день".

Ты божишься такъ шелково-мѣщански,
Какъ будто не гуляла никогда
Ты дальше Финсбери. Какъ лэди, Кэтъ,
Должна ты ротъ набить божбой отборной,
"Коврижки"-же и пряничныя клятвы
Мѣщанкамъ разодѣтымъ предоставить
И щеголямъ воскреснымъ. Спой, прошу.

Лэди Перси.

Я пѣть не стану.

Готспуръ.

Пѣть – это самое вѣрное средство сойти за портного или за дрессировщика снигирей. Условія будутъ скоро готовы, и я черезъ два часа ѣду. Итакъ, приходи ко мнѣ, если хочешь. (*Уходитъ*).

Глендоверъ.

Лордъ Мортимеръ, идемъ. Вы такъ-же вяло
Относитесь къ отѣзду, какъ лордъ Перси
Пылаетъ нетерпѣньемъ. Договоръ,
Должно быть, переписанъ. Остается
Печати приложить – и на коней.

Мортимеръ.

Я съ радостью готовъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ и лорды.

Король Генрихъ.

Оставьте насъ, милорды. Принцъ Уэльскій
И я поговоримъ наединѣ.
Но будьте всѣ поблизости. Вы вскорѣ
Понадобитесь намъ. (*Лорды выходятъ*).

За что, не знаю,
За грѣхъ какой мой тяжкій Богъ рѣшилъ
Въ совѣтъ тайномъ изъ моей-же крови

Создать мнѣ отомщеніе и бичъ.
Но знаю то, что весь твой образъ жизни
Мнѣ доказалъ, что ты назначенъ быть
Бичемъ небесъ, орудьемъ жгучей мести
И карой за грѣхи мои. Иначе
Какъ объяснить, что цѣли столь пустыя
И грубыя, столь гнусныя дѣла,
Столь жалкія, позорныя затѣи,
Столь пошлыя забавы, кругъ столь низкій
Товарищей, гдѣ корни ты пустилъ, -
Что все это могло ужиться съ кровью
Твоей высокой, съ сердцемъ королевскимъ?
Принцъ Генрихъ.

Коль вашему величеству угодно,
Хотѣлъ-бы быть я въ силахъ оправдаться
Во всѣхъ проступкахъ такъ же, какъ могу
Отъ множества взводимыхъ на меня
Себя очистить ложныхъ обвиненій.
Позвольте-жъ мнѣ молить о снисхожденіи;
Коль обнаружу лживость многихъ сказокъ,
Которымъ слухъ правителя порой
Не можетъ не внимать изъ льстивыхъ устъ
Вѣстовщиковъ и сплетниковъ презрѣнныхъ, -
Простите мнѣ, хотя-бъ за то, что каюсь,
Дѣйствительно свершенныя ошибки,
Въ которыя обманно вовлеченъ
Я молодостью былъ своей безпутной.

Король Генрихъ.
Прости тебя Господь. Но все-же, Гарри,
Дивлюсь твоимъ наклонностямъ, ушедшимъ
Такъ далеко отъ гордаго полета
Твоихъ всѣхъ предковъ. Ты въ совѣтѣ мѣста
Лишился изъ-за грубости, - его
Твой младшій занялъ братъ. Сердцамъ придворныхъ
И принцевъ крови чуждъ ты совершенно.
Надежды, ожиданья прежнихъ дней, -
Всѣ рушились. Нѣтъ больше человѣка,
Кто-бъ о твоёмъ паденіи не пророчилъ.
Вѣдь если-бъ я присутствіе свое
Такъ расточалъ, какъ ты, собой пресытивъ
Глаза народа, если-бъ въ дружбѣ съ чернью
Изнашивалъ себя и дешевлъ, -
То никогда общественное мнѣніе
Надѣтъ не помогло-бы мнѣ вѣнецъ,

А, къ прежней власти вѣрность сохраня,
Оставило-бъ меня въ изгнаньи темномъ,
Какъ мужа низкой пробы, безъ цѣны.
Но, рѣдко появляясь, каждый разъ
Я возбуждалъ вниманье, что комета.
Показывали дѣтямъ: "это онъ".
Вслухъ вопрошали: "гдѣ? кто Болингброкъ?"
Тогда, рядясь въ смиренье, похищая
Всю ласковость, какая есть лишь въ небѣ,
Въ сердцахъ людей я преданность рождаль,
А въ ихъ устахъ – привѣтственные клики
Въ присутствіи хотя-бы короля.
Такъ пребывалъ всегда я свѣжъ и новъ.
Народъ меня могъ видѣть, точно ризу
Первосвященника, лишь съ изумленьемъ.
И столь-же рѣдкимъ будучи, сколь пышнымъ,
Мое явленье праздникомъ казалось,
Тѣмъ болѣе торжественнымъ, что рѣдкимъ.
А вѣтранный король повсюду рыскалъ
Съ толпой шутовъ, чьи шутки, точно хворость,
Сгорали, еле вспыхнувъ; принижалъ
Свой санъ высокій; остряковъ вертлявыхъ
Призвалъ въ свой дворъ и царственное имя
Ихъ смѣхомъ осквернялъ; забывъ свой санъ,
Насмѣшки поощрялъ надъ молодыми
Повѣсами и подвергался самъ
Глумленью безбородыхъ шутниковъ;
Являлся среди улицъ многолюдныхъ,
Прислушиваться сталъ къ молвѣ народной
И такъ глаза людей собой мозолилъ,
Что отъ его присутствія тошнило,
Какъ человѣка, кто объѣлся меда,
Тошнить отъ сладости: немножко больше,
Чѣмъ мало, и выходить слишкомъ много.
Являясь предъ толпой, онъ былъ похожъ
На крикъ кукушки въ дни іюня: слышишь,
И забываешь. На него глядѣли
Тупымъ, усталымъ отъ привычки взглядомъ,
Не взорами восторга, какъ взирають
На солнце королевскаго величья,
Когда оно глаза ласкаетъ рѣдко.
Но, опустивъ рѣсницы, въ полуснѣ
Смотрѣли на лицо его, какъ смотритъ
Угрюмый человѣкъ въ лицо сосѣда,

Чѣмъ пресыщенъ присутствіемъ давно.
На той-же, Гарри, ты стоишь дорогѣ.
Лишился королевскихъ преимуществъ
Ты изъ-за низкихъ связей. Въ тягость всѣмъ
Сталъ видъ твой, кромѣ лишь меня, кто чаще
Тебя хотѣлъ-бы видѣть и чьи взоры
Ослѣплены, наперекоръ желанью,
Безумной нѣжностью.

Принцъ Генрихъ.

Я постараюсь,

О, трижды благосклонный государь,
Быть болѣе самимъ собой отнынѣ.

Король Генрихъ.

Такимъ, какъ ты теперь въ глазахъ людей,
Ричардъ былъ въ дни, какъ на пути обратномъ

167

Изъ Франціи я прибылъ въ Равенспургъ.
Какимъ я былъ тогда, теперь сталъ Перси.
Клянусь своимъ я скиптромъ и душой,
Онъ больше правъ имѣть на корону,
Чѣмъ ты, лишь тѣнь наслѣдника престола.
Не пріобрѣвъ намека на права,
Ужъ онъ войска безъ счета вывелъ въ поле,
Вооруженной пасти льва на встрѣчу.
И, будучи предъ возрастомъ въ долгу
Не болѣе чѣмъ ты, онъ старыхъ лордовъ,
Епископовъ почтенныхъ за собою
Ведетъ въ кровавый бой на звонъ мечей.
Какую славу вѣчную стяжалъ онъ
Побѣдой надъ Дугласомъ знаменитымъ,
Кто бурными набѣгами своими
И доблестью бойца себѣ снискалъ
Средь всѣхъ солдатъ въ державахъ христіанскихъ
Первѣйшій санъ и воинскій почетъ.
Три раза Готспуръ, этотъ Марсъ въ пеленкахъ,
Дитя-герой, усилъя всѣ разбилъ
Великаго Дугласа, самого-же
Взялъ въ плѣнъ, освободилъ, обрѣлъ въ немъ друга,
Чтобы наполнить бездну старой розни
И потрясти нашъ тронъ и нашъ покой.
Чтожъ вы объ этомъ скажете намъ? Перси,
Нортмберлендъ, архіепископъ Іоркскій,

Дугласъ и Мортимеръ соединились
И противъ насъ возстали. Но зачѣмъ
Тебѣ я сообщаю эти вѣсти?
Зачѣмъ я о врагахъ своихъ толкую
Съ тобой, врагомъ и злѣйшимъ, и ближайшимъ?
Съ тобой, кто вдругъ, изъ рабскаго-ли страха,
Въ постыдномъ увлеченьи, иль со скуки
Способенъ, какъ наемникъ Перси, противъ
Меня-жъ сражаться, слѣдуя за нимъ
И передъ гнѣвомъ Перси пресмыкаясь,
Чтобъ доказать, какъ выродился ты.

Принцъ Генрихъ.

Не думайте о томъ, чего не будетъ.
И Богъ пусть всѣхъ простить, кто отъ меня
Такъ отклонилъ расположенъе ваше.
За это все своею головой
Заплатить Перси мнѣ. Когда нибудь,
Подъ вечеръ дня, отмѣченнаго славой,
Я съ гордостью скажу, что я вашъ сынъ.
Въ доспѣхахъ къ вамъ приду окровавленныхъ,
Лицо подъ маской спрятавши кровавой,
Но, смывъ ее, позоръ свой вмѣстѣ смою.
То будетъ день, - пусть только онъ заблещетъ, -
Въ который этотъ баловень молвы,
Блестящій Готспуръ, многославный рыцарь,
Сразится съ вашимъ сыномъ позабытымъ.
О, если-бъ разрослись до легіона
Тѣ доблести, что шлемъ его вѣнчаютъ,
Позоръ-же надъ моею головой
Сталъ больше вдвое! Ибо будетъ время,
Когда позоръ на славу обмѣняемъ
Мы съ этимъ юнымъ сѣвернымъ вождемъ.
О, добрый государь, вѣдь этотъ Перси –
Прикащикъ мой, кто для меня обязанъ
Какъ можно больше славы накопить.
Отчета я потребую такъ строго,
Что до послѣдней онъ вернетъ крупицы
Всѣ почести, всѣ доблести свои,
Иль вырву тотъ отчетъ я вмѣстѣ съ сердцемъ.
Я именемъ вамъ Бога въ томъ клянусь.
И если Богъ мнѣ дастъ исполнить клятву,
Молю васъ, государь, бальзамъ прощенья
Пролейте на зіяющія раны
Моей безпутной жизни. Если-жъ нѣтъ,

То смерть всѣ договоры разрѣшаетъ.
Но умереть сто тысячъ разъ мнѣ слаще,
Чѣмъ свой обѣтъ нарушить хоть въ малѣйшемъ.

Король Генрихъ.

Въ немъ смерть ста тысячамъ бунтовщиковъ.
Ты получаешь главное начальство.

(Входитъ Блентъ).

Что, добрый Блентъ? Въ твоихъ глазахъ поспѣшность.

Блентъ.

Не терпитъ отлагательствъ мой докладъ.
Лордъ Мортимеръ шотландскій извѣщаетъ,
Что въ Шрюсбери, въ одиннадцатый день
Теперешняго мѣсяца, сошлись
Мятежники англійскіе съ Дугласомъ.
Коль всѣ взаимно сдержать обѣщанья,
Сберется рать столь грозная, какая
Еще не угрожала королевству.

Король Генрихъ.

Пять дней назадъ узналъ я вашу новость.
Графъ Вестморлендъ ужъ выступилъ сегодня,
А съ нимъ лордъ Джонъ Ланкастерскій, мой сынъ.
Ты, Гарри, ѣдешь въ среду, мы – въ четвергъ.
Пусть мѣстомъ нашей встрѣчи будетъ Бриджнортъ;
На Глостерширъ отправишься туда.
На мой расчетъ, - черезъ двѣнадцать дней
Всѣ наши силы въ Бриджнортъ сойдутся.

168

Не станемъ медлить. Жизнь готовить намъ труды.
Покуда ждемъ, растутъ мятежниковъ ряды.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Истчипъ. Комната въ тавернѣ «Кабанья Голова».

Входятъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Бардольфъ, неправда-ли, я возмутительно опустился со времени послѣдняго нашего дѣла? Я худѣю, сохну. Кожа виситъ на мнѣ, какъ распущенное платье на старой женщинѣ. Я сморщился, какъ печеное яблоко. Надо мнѣ покаяться, и какъ можно скорѣе, пока я еще хоть на что-нибудь похожъ. А то я скоро совсѣмъ ослабѣю, и у меня не хватитъ силы на покаяніе. Пусть я буду перечнымъ зерномъ, или лошадыю на пивоваренномъ заводѣ, если я не позабылъ, какой видъ имѣетъ церковь внутри. Общество, дурное общество погубило меня.

Бардольфъ. Да, сэръ Джонъ, вы такъ разстроены – вамъ недолго жить.

Фальстафъ. Въ томъ-то и дѣло. Спой же мнѣ поскорѣ разгульную пѣсню, развесели меня. Я былъ настолько порядоченъ, насколько подобаетъ дворянину, т. е. въ мѣру порядоченъ: мало бранился, не игралъ въ кости болѣе семи разъ въ недѣлю, ходилъ въ публичные дома не болѣе чѣмъ одинъ разъ въ четверть часа; платилъ долги – три или четыре раза; жилъ хорошо, въ границахъ, а теперь я живу безпорядочно, и внѣ всякихъ границъ.

Бардольфъ. Да вѣдь вы такъ разжирѣли, сэръ Джонъ, что, конечно, вышли изъ всякихъ границъ, изъ всякихъ мыслимыхъ границъ.

Фальстафъ. А ты исправь свою рожу, тогда я, пожалуй, исправлю свою жизнь. Ты нашъ адмиральскій корабль съ фонаремъ на носу, вмѣсто кормы. Ты рыцарь горящей лампы.

Бардольфъ. Мой носъ вамъ вреда не причинилъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Клянусь, онъ мнѣ полезенъ, и я пользуюсь имъ, какъ другіе черепомъ или *momento mori*. Каждый разъ, когда я гляжу на твое лицо, я думаю о пламени въ аду, о томъ богачѣ, который при жизни всегда одѣвался въ пурпуръ. Вотъ онъ тутъ сидитъ въ своемъ платьѣ, и горитъ, горитъ. Если бы въ тебѣ было хоть немножко добродѣтели, я бы клялся твоимъ лицомъ и говорилъ: "клянусь этимъ огнемъ, который и есть ангелъ небесный". Но ты человѣкъ совсѣмъ погибшій, и если бы не свѣточъ у тебя на лицѣ, ты былъ бы совсѣмъ сыномъ мрака. Когда ты ночью бѣгалъ по Гэдсгиллю и ловилъ мою лошадь, клянусь деньгами, ты казался блуждающимъ огнемъ или огненнымъ шаромъ. Да, ты постоянное факельное шествіе, вѣчный фейерверкъ. Ты спасъ мнѣ тысячу марокъ на свѣчи и факелы, когда мы ходили съ тобой ночью изъ таверны въ таверну. Но ты выпилъ столько хереса на мой счетъ, что за эти деньги можно бы купить свѣчей въ самой дорогой лавкѣ въ Европѣ. Вотъ уже тридцать два года, какъ я питаю огнемъ эту саламандру – да вознаградить меня за это Богъ.

Бардольфъ. Чортъ побери! я бы хотѣлъ, чтобы мой носъ очутился у васъ въ животѣ.

Фальстафъ. Сохрани Боже, я бы умеръ отъ изжоги. (*Входитъ хозяйка*). Ну-съ, милѣйшая курочка, разыскала-ли ты того, кто шарилъ въ моихъ карманахъ?

Хозяйка. Да что это вы, сэръ Джонъ, что вы выдумали? Неужели вы полагаете, что у меня въ домѣ воры? И я, и мой мужъ искали, допрашивали всѣхъ по одиночкѣ, каждого мальчика, каждого слугу. Въ моемъ домѣ до сихъ поръ десятой доли волоска не пропадало.

Фальстафъ. Вранье! Бардольфъ здѣсь брился, да и кромѣ того много волосъ потерялъ, и я клянусь, что у меня обчистили карманы. Такъ ужъ ты молчи, баба.

Хозяйка. Кто, я? Нѣтъ, я не позволю тебѣ ругаться. Меня никто такъ не называлъ до сихъ поръ въ моемъ домѣ.

Фальстафъ. Оставь, я тебя отлично знаю.

Хозяйка. Нѣтъ, сэръ Джонъ, вы меня не знаете, сэръ Джонъ, а я васъ знаю. Вы задолжали мнѣ, сэръ Джонъ, и теперь нарочно затѣяли ссору, чтобы не заплатить. Я купила для васъ дюжину рубашекъ.

Фальстафъ. Изъ негодной гнилой холстины. Я ихъ отдалъ булочницамъ на сита.

Хозяйка. Клянусь честью, это было голландское полотно, по восьми шиллинговъ за локоть. Вы еще мнѣ должны, кромѣ того, сэръ Джонъ, за ѣду и питье во всякое время, да и кромѣ того деньгами вы взяли у меня двадцать четыре фунта.

Фальстафъ (*указывая на Бардольфа*).

169

Онъ тоже всѣмъ этимъ пользовался, пусть заплатитъ.

Хозяйка. Онъ? Да вѣдь онъ бѣденъ, у него ничего нѣтъ.

Фальстафъ. Какъ бѣденъ? Взгляни на его лицо. Кто-жъ тогда богатъ? Пусть вычеканятъ деньги изъ его носа, изъ его щекъ. Я не заплачу ни гроша. Ты, кажется, считаешь меня молокососомъ? Какъ, мнѣ уже въ своей харчевнѣ и заснуть нельзя безъ того, чтобъ не обобрали карманы? У меня украли дѣдовскій перстень, которому цѣна сорокъ марокъ.

Хозяйка. Ахъ, Господи Иисусе! Сколько разъ я сама слышала отъ принца, что перстень мѣдный.

Фальстафъ. Принцъ твой шутъ гороховый и дармоѣдъ. Чортъ побери, будь онъ здѣсь, я бы его отколотилъ, какъ собаку, за такія слова.

Входятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ, маршируя. Фальстафъ идетъ навстрѣчу принцу, играющему на своемъ командирскомъ жезлѣ, какъ на флейтѣ).

Фальстафъ. Ну что, голубчикъ? Значитъ вотъ откуда вѣтеръ подулъ? Неужели намъ всѣмъ придется маршировать?

Бардольфъ. Да, попарно, какъ колодники въ Ньюгетской тюрьмѣ.

Хозяйка. Милордъ, ради Бога, выслушайте меня!

Принцъ Генрихъ. Что тебѣ нужно, мистриссъ Квикли? Какъ поживаетъ твой мужъ? Мнѣ онъ нравится, онъ честный человѣкъ.

Хозяйка. Добрый принцъ, выслушайте меня.

Фальстафъ. Плюнь на нее, пожалуйста, и выслушай меня.

Принцъ Генрихъ. Что скажешь, Джэкъ?

Фальстафъ. Вчера вечеромъ я заснулъ здѣсь за занавѣской, и у меня очистили карманы: эта харчевня стала непотребнымъ домомъ, здѣсь грабятъ людей.

Принцъ Генрихъ. Что же у тебя пропало, Джэкъ?

Фальстафъ. Повѣришь-ли, Галь, три или четыре билета въ сорокъ фунтовъ, и дѣдовскій перстень съ печатью.

Принцъ Генрихъ. Ну, это пустяковина, вся-то цѣна ему пенсовъ восемь.

Хозяйка. Такъ и я ему говорила, милордъ, и сказала, что слышала это отъ вашей милости. А онъ, милордъ, сквернословъ этакій, сталъ бранить васъ и даже похвалился, что отколотитъ васъ.

Принцъ Генрихъ. Не можетъ быть!

Хозяйка. Не будь я честной женщиной, если это не правда.

Фальстафъ. На тебя такъ же можно положиться, какъ на вываренный черносливъ; правдивости въ тебѣ не больше, чѣмъ въ травленной лисицѣ, а что касается женской чести, то въ сравненіи съ тобой плясунья Маріанна – честная жена околodочнаго надзирателя. Убирайся, тварь!

Хозяйка. Какъ тварь? Какая такая тварь?

Фальстафъ. Ну да, тварь, такая, что не дай Богъ.

Хозяйка. Вовсе я не такая тварь, что не дай Богъ, замѣть себѣ это. Я жена честнаго человѣка. А ты, несмотря на свое рыцарство, подлецъ, если меня такъ честишь.

Фальстафъ. А ты, несмотря на то, что женщина – животное, и больше ничего.

Хозяйка. Скажи-ка, подлецъ, какое я животное?

Фальстафъ. Какое? Выдра.

Принцъ Генрихъ. Выдра? Почему же выдра, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Почему? Потому, что она ни рыба, ни мясо, - неизвѣстно, какъ за нее взяться.

Хозяйка. Лжешь, ты и всякій другой отлично знаете, какъ взяться, подлецъ!

Принцъ Генрихъ. Ты права, хозяйка. Онъ грубо на тебя клевететь.

Хозяйка. И на васъ также, милордъ. Онъ сказалъ, что вы должны ему тысячу фунтовъ.

Принцъ Генрихъ. Вотъ какъ! это я тебѣ долженъ тысячу фунтовъ?

Фальстафъ. Какое тысячу, Галь – миллионъ! твоя любовь стоитъ миллиона, а ты мнѣ долженъ свою любовь.

Хозяйка. Онъ еще назвалъ васъ шутomъ гороховымъ, и сказалъ, что отколотить васъ.

Фальстафъ. Развѣ я это сказалъ, Бардольфъ?

Бардольфъ. Да, сэръ Джонъ, вы сказали.

Фальстафъ. Ну да, если онъ станетъ утверждать, что мое кольцо мѣдное.

Принцъ Генрихъ. Я и говорю, что оно мѣдное. Что-жъ, ты теперь посмѣешь выполнить свою угрозу?

Фальстафъ. Поскольку ты только человѣкъ, Галь, я посмѣю, но ты принцъ – и я тебя боюсь, какъ боюсь рычащаго львенка.

Принцъ Генрихъ. А почему же не какъ льва?

Фальстафъ. Какъ льва, нужно бояться

самого короля. Неужели ты полагаешь, что я боюсь тебя, какъ твоего отца? Пусть мой поясъ лопнетъ, если это такъ.

Принцъ Генрихъ. О, если бы онъ лопнулъ, твое брюхо упало-бы до колѣнъ! Въ утробѣ твоей, негодяй, нѣтъ мѣста для вѣрности и честности – все въ ней набито кишками и потрохами. Обвинять честную женщину въ обираниі твоихъ кармановъ! Ахъ, ты ублюдокъ, безстыдный, вздутый мерзавецъ. Будь я подлецъ, если въ твоемъ карманѣ было что-нибудь, кромѣ трактирныхъ счетовъ, адресовъ

публичныхъ домовъ и жалкаго грошоваго леденца противъ одышки – ничего, кромѣ этой дряни, тамъ не было. А ты все-таки стоишь на своемъ и не хочешь сознаться. Не стыдно тебѣ?

Фальстафъ. Послушай, Галь, ты знаешь, что нашъ праотецъ Адамъ палъ во дни невинности; какъ же бѣдному Джэку Фальстафу не пасть въ наши дни скверны? Ты видишь, на мнѣ больше плоти, чѣмъ на другихъ, поэтому и слабости во мнѣ больше. *(Къ хозяйкѣ)*. Такъ ты, значить, сознаешься, что обобрала мои карманы?

Принцъ Генрихъ. Такъ оно оказывается, по ходу дѣла.

Фальстафъ. Хозяйка, я прощаю тебя. Пойди, приготовь завтракъ, люби своего мужа, смотри за слугами, угождай гостямъ. Ты видишь, я сдаюсь на разумные доводы – я умиротворенъ. Какъ, опять? нѣтъ ужъ, пожалуйста, уходи *(хозяйка уходитъ)*. А теперь, Галь, скажи, что слышно при дворѣ? А нашъ грабежъ – какъ ты это уладилъ?

Принцъ Генрихъ. О, мой милый бифштексъ, мнѣ опять пришлось быть твоимъ ангеломъ-хранителемъ. Деньги возвращены.

Фальстафъ. Не люблю я, когда возвращаютъ деньги – только двойная работа.

Принцъ Генрихъ. Я помирился съ отцомъ, и могу теперь дѣлать, что хочу.

Фальстафъ. Такъ прежде всего съ мѣста въ карьеръ ограбь казну.

Бардольфъ. Пожалуйста, милордъ, сдѣлайте это.

Принцъ Генрихъ. Я досталъ тебѣ мѣсто, Джэкъ, въ пѣхотѣ.

Фальстафъ. Я предпочелъ бы служить въ конницѣ. Гдѣ мнѣ найти умѣлаго вора – славнаго воришку лѣтъ около двадцати двухъ? У меня ни гроша за душой. Ну, а все-таки, нужно благодарить Бога за этихъ бунтовщиковъ. Они нападаютъ только на честныхъ людей: я хвалю ихъ, превозношу ихъ.

Принцъ Генрихъ. Бардольфъ?

Бардольфъ. Милордъ?

Принцъ Генрихъ.

Одно письмо доставьте лорду Джону

Ланкастерскому, брату моему,

А это вотъ милорду Вестморлэнду.

(Бардольфъ уходитъ).

Пойнсъ, на коней! Скорѣе на коней!

Намъ тридцать миль осталось до обѣда.

(Пойнсъ уходитъ).

Джэкъ, завтра къ двумъ часамъ будь въ Темплъ-Голлѣ.

Тамъ о своемъ узнаешь назначеньи,

Получишь деньги и уставъ вербовки.

Страна въ огнѣ. Грозить мнѣ Перси свысока.

Моя или его, - чья-либо смерть близка.

(Уходитъ).

Фальстафъ.

Прекрасно сказано. Но завтракать хочу я.

Ахъ, если-бъ въ кабачкѣ гулять, солдать вербуя.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь мятежниковъ подъ Шрюсбери.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ и Дугласъ.

Готспуръ.

Вы правы, благородный мой шотландецъ.
 Когда-бы правды не сочли за лесть
 Въ нашъ хитрый вѣкъ, Дугласъ похвалъ дождался-бъ,
 Какъ ни одинъ извѣстный намъ солдатъ,
 Чья слава по всему гуляетъ свѣту.
 Я льстить, клянусь въ томъ Богомъ, не умѣю,
 Ласкательства гнушаюсь, но скажу:
 Никто моей любви такъ не былъ близокъ.
 Лови-жъ меня на словѣ, испытай.

Дугласъ.

Въ поступкахъ чести ты король. Нѣтъ въ мірѣ
 Того бойца, кому не брошу вызовъ.

172

Готспуръ.

Такъ поступай и будетъ хорошо.
(Входитъ гонецъ съ письмами).

Ты отъ кого? Благодарить могу лишь.

Гонецъ.

То письма къ вамъ отъ вашего отца.

Готспуръ.

Какъ, письма отъ него? Что-жъ самъ не прибылъ?

Гонецъ.

Не въ силахъ онъ, милордъ. Онъ тяжело боленъ.

Готспуръ.

Проклятье! Какъ въ горячее столь время
 Болѣтъ онъ удосужился? Кто-жъ войско
 Его ведетъ? Подъ чьимъ идутъ начальствомъ?

Гонецъ.

Не мнѣ, милордъ, онъ письмамъ ввѣрилъ мысли.

Ворчестеръ.

Скажи, прошу, лежитъ-ли онъ въ постели?

Гонецъ.

Онъ слегъ, милордъ, до моего отъѣзда

Дня за четыре, а въ послѣдній день
Своихъ врачей онъ сильно беспокоилъ.

Ворчестеръ.

Пусть времени онъ выздоровѣть далъ-бы,
Предъ тѣмъ какъ самому вдругъ заболѣть.
Его здоровье никогда донинѣ
Намъ не было нужнѣ, чѣмъ теперь.

Готспуръ.

Теперь болѣть! Теперь томиться праздно!
Его болѣзни ядъ вдругъ заразилъ
Затѣи нашей жизненные соки,
Проникнувъ и сюда, къ намъ въ этотъ лагерь.
Онъ пишетъ мнѣ о внутренней болѣзни,
О томъ, что чрезъ посла не могъ такъ скоро
Созвать друзей. Къ тому-же онъ считаетъ,
Что въ дѣлѣ столь опасномъ и завѣтномъ
Ни на кого нельзя и положиться,
Какъ только на себя. Но тѣмъ не менѣ
Совѣтуетъ при нашихъ малыхъ силахъ
Безстрашно продолжать, чтобы извѣдать,
Насколько благосклонна къ намъ судьба.
Нельзя, онъ пишетъ, медлить намъ теперь,
Когда король узналъ всѣ наши планы.
Какъ быть?

Ворчестеръ.

Его болѣзнь для насъ увѣчье.

Готспуръ.

Опаснѣйшій ударъ, отнятье члена.
А впрочемъ, нѣтъ. Не такъ, быть можетъ, дурно,
Что онъ теперь отсутствуетъ. Ужели
Разумно было-бъ на одинъ ударъ
Поставить участь нашихъ всѣхъ имуществъ?
И прихоти обманчиваго часа
Довѣрить столь большую ставку? Нѣтъ.
Мы обнажили-бъ этимъ глубину
И душу всѣхъ надеждъ своихъ, границы
И крайніе предѣлы нашихъ средствъ.

Дугласъ.

Да, такъ оно и было-бъ. А теперь
Намъ остается добрая подмога.
Мы смѣло можемъ тратить все, надѣясь
На будущую помощь и предвидя
Возможность отступленья.

Готспуръ.

Намъ готовы

Убѣжище и сборный пунктъ, коль дьяволъ
Или судьба неласково посмотрятъ
На дѣвственный починъ затѣи нашей.

Ворчестеръ.

А я-бъ хотѣлъ, чтобъ вашъ отецъ былъ здѣсь.
Природа нашихъ замысловъ не терпитъ
Дробленья силъ. И многіе, не зная
Причинъ его отсутствія, рѣшатъ,
Что вѣрность королю, благоразумье,
А то неодобренье нашихъ плановъ
Держали графа дома. И подумай,
Какъ мысль такая можетъ пошатнуть
Рѣшимость нашихъ робкихъ партизановъ,
Сомнительнымъ все сдѣлавъ предпріятіе.
Вы знаете: готовясь къ наступленью,
Намъ должно избѣжать пытливой мысли,
Законопатить всѣ отверстыя, щели,
Чтобъ взоръ разсудка насъ не подглядѣлъ.
Отсутствіе-же вашего отца,
Какъ занавѣсъ подъятый, открываетъ
Непосвященнымъ страхи, о которыхъ
Имъ и не снилось.

Готспуръ.

Вы зашли далеко.

Я-жъ такъ его отсутствіе толкую:
Оно придастъ и блескъ, и обаянье,
И большій видъ отваги предпріятію,

173

Чѣмъ если-бъ графъ былъ съ нами. Люди скажутъ,
Что если мы безъ помощи его
Пошли тягаться съ цѣлымъ королевствомъ,
То вмѣстѣ съ нимъ поставимъ все вверхъ дномъ.
Итакъ, все къ лучшему, всѣ скрѣпы цѣлы.

Дугласъ.

Какъ только сердце можетъ пожелать.
Въ Шотландіи нѣтъ даже слова: страхъ.

(Входитъ сэръ Ричардъ Вернонь).

Готспуръ.

Добро пожаловать, кузень Вернонь.

Вернонь.

Просите Бога, лордъ, чтобы привѣта

Достойны были новости мои.

Графъ Вестморлэндъ идетъ сюда; съ нимъ войско
Въ семь тысячъ человѣкъ; при немъ принцъ Джонъ.

Готспуръ.

Бѣды въ томъ мало. Дальше что?

Вернонъ.

А дальше

Узналъ я, что король своей особой
Съ могучимъ войскомъ выступилъ въ походъ
И быстро направляется сюда-же.

Готспуръ.

Добро пожаловать скажу еще разъ.
Гдѣ-жъ сынъ его безпутный, быстроногій?
Съ компаніей своей гдѣ принцъ Уэльскій,
Кто оттолкнулъ прочь отъ себя весь міръ
И далъ ему идти своей дорогой?

Вернонъ.

Въ dospѣхахъ всѣ; всѣ перьями покрыты,
Какъ страусы, которыхъ гонить вѣтеръ;
Крылами гордо машутъ, какъ орлы,
Что только-что купались; золотыми
Кольчугами сверкаютъ, какъ иконы;
Всѣ полны свѣжихъ силъ, какъ мѣсяцъ май,
Какъ солнце среди лѣта, лучезарны;
Рѣзвы, какъ козы; буйны, какъ бычки.
Я видѣлъ Гарри молодого, въ шлемѣ,
Въ набедренникахъ, въ панцырѣ блестящемъ:
Онъ отъ земли Меркуріемъ крылатымъ
Въ сѣдло съ такою легкостью вскочилъ,
Какъ будто съ тучи ангелъ устремился,
Чтобъ огненного закружить Пегаса,
И міръ плѣнить ѣздою благородной.

Готспуръ.

Довольно. Могутъ вызвать лихорадку
Хвалы такія, хуже солнца въ мартѣ.
Пуškai придутъ, разряжены, какъ жертвы.
Покрытыхъ кровью, въ жертву принесемъ
Ихъ огнеокой дѣвѣ дымныхъ битвъ,
Чтобъ мѣднобронный Марсъ на алтарѣ
Весь по-уши въ крови сидѣлъ. При мысли,
Что столь близка богатая добыча
И все-жъ не наша, - весь въ огнѣ горю я.
Лишь только-бъ на коня мнѣ сѣсть, и въ битву
Помчусь на немъ стрѣлою громовою

И принца въ грудь ударю. Гарри съ Гарри
Должны сойтись конь-о-конь и не раньше
Разстаться, чѣмъ одинъ не рухнетъ наземь. -
Глендовера я жду.

Вернонъ.

Еще есть вѣсти.

Дорогой черезъ Ворчестеръ узналъ я,
Что онъ войска сберетъ чрезъ двѣ недѣли.

Дугласъ.

Изъ всѣхъ вѣстей считаю худшей эту.

Ворчестеръ.

Отъ этихъ словъ, клянусь, морозомъ вѣетъ.

Готспуръ.

А сколько будетъ войскъ у короля?

Вернонъ.

Да тысячъ съ тридцать.

Готспуръ.

Пусть бы даже сорокъ.

Хоть нѣтъ отца, ни Глендовера съ нимъ,
Въ великій день враговъ мы отразимъ.
Устроимъ смотръ войскамъ. День судный близко.
Такъ встрѣтимъ смерть, смѣясь. Бояться низко.

Дугласъ.

Что смерть? Еще полгода – въ томъ клянусь –
Ни смерти, ни напастей не боюсь.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дорога близъ Ковентри.

Входятъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Бардольфъ, отправься впередъ въ Ковентри и добудь мнѣ
бутылку

174

хереса. Нашъ отрядъ пройдетъ, не останавливаясь, чтобы поспѣть къ ночи въ
Сотонъ-Колфиль.

Бардольфъ. Вы мнѣ дадите денегъ, капитанъ?

Фальстафъ. Выложи пока свои.

Бардольфъ. Одна эта бутылка составитъ ангелъ.

Фальстафъ. Ну, такъ и бери себѣ его за труды, а если она составитъ не одинъ,
а двадцать ангеловъ, возьми ихъ себѣ всѣхъ – я отвѣчаю за чеканку. Вели моему
лейтенанту Пето ждать меня у городскихъ воротъ.

Бардольфъ. Слушаю, капитанъ *(уходитъ)*.

Фальстафъ. Будь я маринованая селедка, если я самъ не стыжусь за своихъ солдатъ. Я возмутительно злоупотребилъ королевскимъ приказомъ о вербовкѣ. Въмѣсто ста пятидесяти солдатъ, я набралъ болѣе трехсотъ фунтовъ. Я вербовалъ только зажиточныхъ людей, сыновей фермеровъ, выбиралъ преимущественно обрученныхъ холостяковъ, уже два раза оглашенныхъ въ церкви, или такихъ изнѣженныхъ трусовъ, для которыхъ барабанный бой ужаснѣе чорта, которымъ ружейный выстрѣлъ страшнѣе, чѣмъ рѣзанной курицѣ или подстрѣленной дикой уткѣ. Я выбиралъ маменькиныхъ сынковъ, у которыхъ храбрости въ душѣ съ булавочную головку, и всѣ они откупились отъ службы. Такъ что теперь всѣ мои прапорщики, капралы, лейтенанты и рядовые – оборванцы вродѣ Лазаря на картинѣ, гдѣ псы лижутъ его раны. Все это люди, которые никогда не были солдатами: прогнанные за воровство лакеи, младшіе сыновья младшихъ братьевъ, бѣжавшіе трактирные слуги и разорившіеся кабатчики – словомъ, ржавчина долгаго мирнаго времени; они въ десять разъ обтрепаннѣе стараго знамени. Ихъ я на вербовалъ, чтобы замѣстить откупившихся отъ службы. Глядя на нихъ, можно подумать, что я набралъ сто пятьдесятъ одѣтыхъ въ лохмотья блудныхъ сыновей, которые недавно пасли свиней и питались помоями и шелухой. Какой то дуракъ по дорогѣ сказалъ мнѣ, что я опустошилъ всѣ висѣлицы и на вербовалъ повѣшенныхъ. Такихъ пугалъ свѣтъ не видалъ. Я не могу пройти съ ними черезъ Ковентри – это ясно. И эти подлецы маршируютъ къ тому же, широко разставивъ ноги, какъ будто у нихъ кандалы на ногахъ; потому что въ самомъ дѣлѣ большинство я набралъ изъ тюремъ. Во всемъ моемъ отрядѣ едва-ли наберется полторы рубашки, да и то половина рубашекъ сшита изъ двухъ салфетокъ и наброшена на плечи, какъ безрукавная епанча герольдовъ. А цѣльная рубашка, говоря по правдѣ, украдена у трактирщика в Сентъ-Альбанѣ, или у толстоносаго кабатчика въ Дэнтри. Ну, да это не бѣда. Они добудутъ сколько угодно бѣлья на любомъ заборѣ.

Входятъ принцъ Генрихъ и Вестморлэндъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, что, вздутый Джэкъ, какъ поживаешь, перина?

Фальстафъ. Какъ, это ты, Галь? Что слышно, сумасбродъ? Кой чортъ занесъ тебя въ Варвикшайръ? Милордъ Вестморлэндъ, прошу прощенія: я думалъ, что ваша милость уже въ Шрюсбери.

Вестморлэндъ. Да, сэръ Джонъ, мнѣ давно пора туда, да и вамъ тоже. Но мои войска уже тамъ. Король, могу васъ увѣрить, ждетъ насъ всѣхъ. Придется намъ маршировать всю ночь.

Фальстафъ. Обо мнѣ-то не беспокойтесь. Я бдителенъ, какъ котъ, собирающійся стащить сливки.

Принцъ Генрихъ. Именно стащить сливки. Ты столько разъ таскалъ ихъ, что превратился въ масло. Но скажи, Джэкъ, что это за молодцы тащатся тамъ позади?

Фальстафъ. Это мои солдаты, Галь.

Принцъ Генрихъ. Я никогда не видѣлъ такой жалкой сволочи.

Фальстафъ. Ничего, для копій они годятся. Снѣдь для пороху, снѣдь для пороху! Яму они заполнять не хуже другихъ. Смертные люди, братъ, смертные люди.

Вестморлэндъ. Да, но мнѣ кажется, сэръ Джонъ, что они ужасно блѣдные и изнуренные – слишкомъ похожи на нищихъ.

Фальстафъ. Право, не знаю, откуда взялась у нихъ бѣдность. А что касается изнуренности, то навѣрное не я имъ подавалъ примѣръ.

Принцъ Генрихъ. Клянусь, что не ты – если не называть худобой жиръ въ три пальца на ребрахъ. Однако, торопись. Перси уже выступилъ.

(Уходитъ).

Фальстафъ. Какъ, король уже сталъ лагеремъ?

Вестморлэндъ. Да, сэръ Джонъ, какъ бы намъ не придти слишкомъ поздно.

(Уходитъ).

175

Фальстафъ. Хорошо.

До начала на пирушку, на исходѣ въ бой

Поспѣваетъ гость голодный и солдатъ съ лѣнцой.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Лагерь мятежниковъ подъ Шрюсбери.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ, Дугласъ и Вернонь.

Готспуръ.

Сегодня-жъ въ ночь сразимся съ нимъ.

Ворчестеръ.

Нельзя.

Дугласъ.

Ему на пользу медлимъ мы.

Вернонь.

Нисколько.

Готспуръ.

Какъ, развѣ подкрѣпленій онъ не ждетъ?

Вернонь.

Мы также.

Готспуръ.

Онъ увѣренъ въ нихъ, мы – нѣтъ.

Ворчестеръ.

Послушайтесь, кузень мой. Не сегодня.

Вернонь.

Не трогайтесь, милордъ.

Дугласъ.

Совѣтъ вашъ плохъ.

Въ васъ говоритъ иль страхъ, иль равнодушье.

Вернонь.

Дугласъ, ты на меня клеветещь. Жизнью

Клянусь и жизнью клятву подтверждаю:

Мной править вѣрно понятая честь,

И такъ же мало страху я послушенъ,

Какъ вы, милордъ, или другой шотландецъ.

Въ бою увидимъ завтра, кто изъ насъ

Боится.

Дугласъ.

Да, сегодня-же.

Вернонь.

Согласенъ.

Готспуръ.

Сегодня, говорю я.

Вернонь.

Но поймите,

Что это невозможно. Я дивлюсь,

Какъ, будучи искусными вождями,

Не видите, препятствія какія

Мѣшаютъ битвѣ. Мой кузень Вернонь

Еще съ отрядомъ конницы не прибылъ.

Вашъ дядя Ворчестеръ пришелъ сегодня.

Теперь въ нихъ спитъ ихъ удалъ и отвага,

А доблесть такъ усталостью забита,

Что двое конныхъ стоятъ одного.

Готспуръ.

Не въ лучшемъ видѣ конница врага:

Истощена, измучена ѣздою.

Средь насъ-же лучшіе ужъ отдохнули.

Ворчестеръ.

Король сильнѣй числомъ. Во имя Бога,

Помедлите, пока всѣ будутъ въ сборѣ.

(Трубы возвѣщаютъ прибытіе посла).

Входитъ сэръ Вальтеръ Блентъ.

Блентъ.

Я съ милостивымъ посланъ предложеньемъ

Отъ короля. Вниманье и почетъ.

Готспуръ.

Добро пожаловать, сэръ Вальтеръ Блентъ.

О, если-бъ, волей Бога, вы стояли

У насъ въ рядахъ. Здѣсь многіе, любя васъ,

Порочатъ ваше имя и заслуги

За то лишь, что стоите вы не съ нами,

А противъ насъ, какъ врагъ.

Блентъ.

Не дай мнѣ Богъ,

Иначе поступать, доколѣ вы,
Нарушивъ долгъ и преданность, грозите
Помазаннику Божию. – Но къ дѣлу.
Король знать хочетъ сущность вашихъ жалобъ.
Зачѣмъ враждой строптивой вы смутили
Гражданскій миръ, зачѣмъ странъ покорной
Примѣръ явили дерзости и буйства?
Но если-бы одну изъ вашихъ многихъ,
Имъ признанныхъ, заслугъ король забылъ, -
Онъ просить васъ назвать свои обиды:
И ваши всѣ желанья онъ исполнить
Немедля и съ лихвою, обѣщая
Полнѣйшее прощенье вамъ и всѣмъ,
Введеннымъ въ заблужденье вашимъ словомъ.

Готспуръ.

Король великодушенъ. А извѣстно,
Что знаетъ онъ, когда давать, когда
Исполнить обѣщанье. Мой отецъ,

176

Мой дядя и я самъ, - вотъ кто доставилъ
Ему вѣнецъ. Лѣтъ двадцати шести,
Ничтожный въ мнѣнїи свѣта, жалкій нищій,
Тайкомъ домой крадущійся изгнанникъ,
Кѣмъ былъ онъ встрѣченъ, на берегъ сойдя,
Какъ не моимъ отцомъ? Когда-жъ онъ, плача,
Въ словахъ правдивыхъ увѣрялъ съ божбой,
Что лишь пришелъ за герцогствомъ Ланкастрскимъ,
Что мирно своего лишь ищетъ лена,
Отецъ мой, движимъ жалостью сердечной,
Клялся ему помочь, да и помочь.
А лорды и бароны королевства,
Узнавъ, что за него Нортomberлендъ,
Къ нему и старъ и младъ являться стали
Съ поклономъ и колѣнопреклоненьемъ,
Встрѣчали въ городахъ, посадахъ, селахъ,
На перепутьяхъ ждали, на мостахъ,
Дары несли и въ вѣрности клялись,
Наслѣдниковъ въ пажы опредѣляли,
Блистательной за нимъ толпою шли.

Тутъ, мощь свою сознавъ, онъ шагъ за шагомъ
Все больше удаляется отъ клятвы,
Въ дни бѣдствій данной моему отцу
На берегахъ пустынныхъ Равенспурга.
Сперва предпринимаетъ измѣненіе
Какихъ-то правилъ о налогахъ, будто
На общемъ благѣ бременемъ лежащихъ,
Вопить о притѣсненіяхъ, притворяясь,
Что плачетъ надъ страданіями отчизны,
И подъ личиной правды покоряетъ
Сердца людей, кого плѣнить задумалъ.
Идетъ онъ далѣе: велитъ рубить
Онъ головы любимцамъ короля,
Которыхъ тотъ, въ Ирландіи воюя,
Въ отсутствіи намѣстниками сдѣлалъ.

Блентъ.

Не съ тѣмъ, чтобъ это слушать, я пришелъ.
Готспуръ.

Кончаю. Вскорѣ короля онъ свергъ
Съ престола, а затѣмъ и умертвилъ,
Налогамъ обременилъ весь край,
И, въ довершеніе зла, теперь желаетъ,
Чтобъ Марчъ, его кузень (а если-бъ каждый
На мѣстѣ былъ своемъ, его король)
Безъ выкупа въ плѣну хирѣлъ въ Валлисѣ.
Меня-жъ въ счастливыхъ унижалъ побѣдахъ
И хитростью хотѣлъ поймать въ силки.
Еще прогналъ онъ дядю изъ совѣта,
А моему отцу велѣлъ во гнѣвѣ
Покинуть дворъ; нарушилъ всѣ обѣты,
Насилье за насиліемъ творилъ
И тѣмъ въ концѣ заставилъ насъ искать
Спасенія въ мятежѣ и вникнуть мыслью
Въ его права. Мы ихъ находимъ слишкомъ
Невѣрными, чтобъ долго имъ продлиться.

Блентъ.

Отвѣтъ вашъ передать-ли королю?

Готспуръ.

Не въ этихъ выраженіяхъ, сэръ Вальтеръ.
Подумаемъ. Вы-жъ къ королю вернитесь.
Коль вѣрное ручательство онъ дастъ намъ,
Что нашъ посолъ вернется невредимо,
То завтра утромъ съ нашимъ предложеніемъ
Придетъ мой дядя. А пока прощайте.

Блентъ.

Пускай онъ встрѣтитъ милость и любовь.

Готспуръ.

Такъ, можетъ быть, случится.

Блентъ.

Дай-то Богъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Йоркъ. Комната въ архіепископскомъ дворцѣ.

Входятъ архіепископъ Йоркскій и сэръ Микаэль.

Архіепископъ.

Въ путь, добрый сэръ. Письмо съ печатью лорду

Маршалу съ быстротой доставьте птицы.

Вотъ это – брату Скрупу. Остальныя –

По назначенью. Если бы вы знали

Всю важность ихъ, вы-бъ сами поспѣшили.

Сэръ Микаэль.

Догадываюсь я о содержаньи.

Архіепископъ.

Возможно. Десять тысячъ человѣкъ

Отъ завтрашняго дня рѣшенья ждуть

Своей судьбы. Какъ я узналъ навѣрно,

Король, собравъ поспѣшно рать большую,

Подъ Шрюсбери сразится съ лордомъ Перси.

Боюсь, сэръ Микаэль, что за болѣзнью

Нортонберленда, на кого такъ много

Надежды возлагалось, а равно

За неприбытьемъ лорда Глендоваера,

Кто обѣщалъ имъ сильную поддержку,

Но не пришелъ, пророчествамъ послушный, -

Боюсь, что войско Перси слишкомъ слабо,

Чтобъ вынести столкновение съ королемъ.

Сэръ Микаэль.

Бояться нечего, милордъ. Тамъ Дугласъ,

Лордъ Мортимеръ.

177

Архіепископъ.

Тамъ Мортимера нѣтъ.

Сэръ Микаэль.

Но тамъ Мордэкъ, Вернонъ, лордъ Гарри Перси,

Лордъ Ворчестеръ, и вмѣстѣ съ ними войско

Изъ благородныхъ, доблестныхъ бойцовъ.

Архіепископъ.

Все это такъ. Но и король стянулъ
Войска со всѣхъ концовъ. Съ нимъ принцъ Уэльскій,
Лордъ Джонъ Ланкастерскій, отважный Блентъ
И благородный Вестморлэндъ, и много
Соратниковъ, превознесенныхъ славой,
Искусныхъ полководцевъ.

Сэръ Микаэль.

Но повѣрьте,

Противниковъ они достойныхъ встрѣтятъ.

Архіепископъ.

Надѣюсь самъ. Но нужно все предвидѣть.
Итакъ, чтобъ худшее предупредить,
Вы съ письмами, сэръ Микаэль, спѣшите.
Коль Перси не одержитъ верхъ, король,
Узнавшій о союзѣ нашемъ, раньше
Чѣмъ распустилъ войска, насъ посѣтитъ.
Намъ въ ожиданьи нужно укрѣпиться.
Итакъ, спѣшите. Кой-какимъ друзьямъ
Еще писать осталось. До свиданья.

(Уходятъ въ разныя стороны).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь короля подъ Шрюсбери.

Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ, принцъ Джонъ
Ланкастерскій, сэръ Вальтеръ Блентъ и сэръ Джонъ Фальстафъ.

Король Генрихъ.

Въ какихъ лучахъ кровавыхъ всходитъ солнце
Надъ тѣмъ холмомъ лѣсистымъ! День, при видѣ
Его лица больного, поблѣднѣлъ.

Принцъ Генрихъ.

А южный вѣтеръ о его трубитъ
Намѣреньяхъ и громкимъ свистомъ въ листьяхъ
Вѣщаетъ про грозу и грустный день.

Король Генрихъ.

Сочувствіе найдетъ онъ въ побѣжденныхъ.
Кто побѣдилъ, ни въ чемъ не видитъ грусти.

(Трубы. Входятъ Ворчестеръ и Вернонь).

Ну что, лордъ Ворчестеръ? Не хорошо,
Что мнѣ и вамъ такъ встрѣтиться пришлось,

Вотъ какъ теперь. Вы наше обманули
Довѣрье. Вы заставили меня
Удобныя одежды мира сбросить
И члены престарѣлые облечь
Въ неласковую сталь. Не хорошо,
Не хорошо, милордъ. Какъ ваше мнѣнїе?
Хотите-ль грубый узелъ развязать
Войны, всѣмъ ненавистной, чтобъ отнынѣ
Вновь двигаться въ орбитѣ послушанья,
Гдѣ вы струили яркій свѣтъ природный;
Не быть заблудшимъ больше метеоромъ,
Примѣтой страшной, знаменьемъ зловѣщимъ,
Угрозою грядущимъ временамъ?

Ворчестеръ.

О, выслушайте слово, государь.
Что до меня, охотно-бъ согласился
Остатокъ дней я провести въ покоѣ.
Я объявляю вслухъ, что никогда
Не думалъ, что настанетъ день раздора.

Король Генрихъ.

Не думалъ? Какъ-же этотъ день насталъ?

Фальстафъ.

Мятежъ валялся на дорогѣ, онъ и подобралъ.

Принцъ Генрихъ.

Молчи, паштетъ, молчи.

178

Ворчестеръ.

Вамъ, государь, угодно было взоры
Привѣтливости кроткой отвратить
И отъ меня, и отъ семьи всей нашей.
Но долженъ я напомнить вамъ, милордъ:
Мы первые въ числѣ друзей нужнѣйшихъ
Считались вашихъ. Должностной свой жезлъ
Для васъ переломилъ я въ дни Ричарда.
Чтобъ васъ встрѣчать, облобызать вамъ руку,
Скакалъ я день и ночь, хотъ положеньемъ
Я былъ сильнѣй и счастьемъ васъ богаче.
Я, братъ и сынъ его васъ пріютили
И смѣло шли опасностямъ на встрѣчу.
Вы-жъ намъ клялись – въ Донкастрѣ это было –
Что не грозите власти королевской,
Но ищите по праву, какъ наслѣдникъ,

Престола Ганта, герцогства Ланкастра.
Тогда и мы клялись вамъ помогать.
Тутъ счастье вдругъ посыпалось на васъ,
Потокъ благополучій хлынулъ сразу:
Отсутствіе Ричарда, наша помощь,
Распущенность всеобщая и смута,
Страданья ваши мнимыя, невзгоды,
Что короля въ походѣ злополучномъ
Въ Ирландіи такъ долго задержали,
Что въ Англіи сочли его умершимъ.
Вы этимъ всѣмъ стеченіемъ событій
Воспользовались такъ, чтобъ васъ просили
Немедленно принять бразды правленья,
Забывши клятвы, данныя въ Донкастрѣ.
Питомецъ нашъ, вы съ нами поступили,
Какъ злобная кукушка съ воробьемъ,
Ее вскормившимъ: стали притѣснять
Пріемное гнѣздо. На нашей пищѣ
Вы вдругъ такъ выросли, что и любовь
Не смѣла на глаза вамъ показаться,
Изъ страха быть проглоченной. Должны
Мы были, чтобъ спастись, расправить крылья,
Бѣжать отъ васъ и собирать войска.
Мы противъ васъ теперь стоимъ съ оружіемъ,
Что на себя вы выковали сами
Обидно-грознымъ съ нами обращеніемъ,
Забвеніемъ клятвъ, произнесенныхъ въ дни,
Когда еще вашъ замыселъ былъ молодъ.

Король Генрихъ.

Все это, знаю, вы распространяли,
На площадяхъ провозглашали людныхъ,
Въ церквахъ читали, чтобъ одежду бунта
Окрасить въ яркій цвѣтъ, прельщая взоры
Тѣхъ ротозѣевъ, нищихъ недовольныхъ,
Что, руки потирая, ждутъ извѣстій
О каждой новой буйной суматохѣ.
Такъ ни одно возстанье не нуждалось
Ни въ краскахъ водяныхъ, чтобъ расцвѣтитъ
Свои права, ни въ мрачныхъ оборванцахъ,
Что алчутъ разоренія и смуты.

Принцъ Генрихъ.

За эту рознь придется многимъ душамъ
Въ обѣихъ ратяхъ дорого платиться,
Когда дойдетъ до столкновенья дѣло.

Я васъ прошу племяннику сказать,
Что въ похвалахъ герою Гарри Перси
Сошелся съ цѣлымъ свѣтомъ принцъ Уэльскій.
Оставя въ сторонѣ возстанье это,
Клянусь надеждой, нѣтъ другого мужа,
Столь дѣятельно-храбраго, какъ онъ,
Столь храбро-молодого, столь душой
Отважнаго, безстрашнаго, кто-бъ могъ
Нашъ вѣкъ украсить славными дѣлами.
Что до меня, я сознаюсь къ стыду,
Что въ рыцарствѣ лѣнивцемъ былъ доселѣ.
И онъ, я слышалъ, обо мнѣ такъ судить.
Но вотъ мнѣ царственный отецъ свидѣтель,
Я радъ, что превосходитъ онъ меня
Своимъ великимъ именемъ и славой
И предлагаю, кровь щадя двухъ войскъ,
Съ нимъ счастье попытать въ единоборствѣ.
Король Генрихъ.

На это, принцъ Уэльскій, мы даемъ
Свое согласье, хоть причинъ есть много
Противиться. Нѣтъ, Ворчестеръ, мы любимъ
Народъ свой, даже тѣхъ заблудшихъ любимъ,
Кто къ вашему племяннику присталъ.
И если имъ принять угодно милость,
Которую теперь мы предлагаемъ,
Они, и онъ, и вы, - да, всякъ изъ васъ
Вновь станетъ другомъ мнѣ, какъ я – ему.
Все это вы племяннику скажите
И намъ отвѣтъ доставьте отъ него.
Но если не уступить, въ нашей власти
Возмездье и законъ: мы къ нимъ прибѣгнемъ.
Ступайте. Не желаемъ, чтобъ теперь
Вы слухъ нашъ утруждали возраженьемъ.
Мы кротки. Пользуйтесь разумно снисхожденьемъ.
(Ворчестеръ и Вернонъ уходятъ).

Принцъ Генрихъ.

Не согласятся, жизнию клянусь.
Дугласъ и Готспуръ оба рады биться
Одни съ вооруженною вселенной.

Король Генрихъ.

А потому начальство по мѣстамъ!
Мы двинемся, едва отвѣтъ получимъ.
И Богъ намъ въ помощь: наше дѣло право.
(Король, Блентъ и принцъ Джонъ уходятъ).

Фальстафъ. Галь, если во время битвы ты увидишь, что я упалъ, то пожалуйста заслони меня – окажи мнѣ эту дружескую услугу.

Принцъ Генрихъ. Только колоссъ могъ-бы тебѣ оказать эту услугу. Помолись Богу, и прощай.

Фальстафъ. Хорошо, еслибъ это была уже молитва на сонъ грядущій, Галь, если бы все уже благополучно кончилось.

Принцъ Генрихъ. Вѣдь долженъ же ты заплатить Богу дань смерти. (*Уходитъ*).

Фальстафъ. Срокъ платежа не наступилъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось бы заплатить прежде времени. Зачѣмъ торопиться, если меня еще не призываютъ къ уплатѣ. Ну да - честь меня толкаетъ. А что, если честь отправить меня на тотъ свѣтъ, толкая меня впередъ? Что тогда? Развѣ честь можетъ приставить ногу? Нѣтъ. Или руку? Нѣтъ. Или излѣчить рану? Нѣтъ. Значитъ, честь не хирургъ? Нѣтъ. Что же тогда честь? Слово. Что такое слово честь? Воздухъ. Славный счетецъ! Кто владѣетъ честью? Тотъ, кто умеръ въ среду. А онъ ощущаетъ ее? Нѣтъ. Слышитъ ее? Нѣтъ. Значитъ, честь не ощущаема? Да, для мертвыхъ не ощущаема. Но не можетъ ли она остаться среди живыхъ? Нѣтъ. Почему? Этого не допустить злословіе. А потому не хочу я чести. Честь не что иное какъ щитъ, который несутъ за гробомъ. На этомъ кончается мой катехизисъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Лагерь мятежниковъ.

Входятъ Ворчестеръ и Вернонъ.

Ворчестеръ.

Нѣтъ, сэръ Ричардъ, племянникъ знать не долженъ
О добромъ предложеніи короля.

Вернонъ.

Не лучше-ли сказать?

180

Ворчестеръ.

Тогда намъ гибель.

Не можетъ быть, невысказано, чтобъ слово

Сдержалъ король и вправду насъ любилъ.

Не вѣря намъ, онъ время улучшить

И отомститъ за это возмущенье

По поводу другому. Сотней глазъ

Слѣдить за нами будетъ подозрѣнье.

Измѣнѣ довѣряютъ, какъ лисицѣ:

Учи ее, ласкай иль запирай,

Лукавство предковъ все-же въ ней проснется.
Угрюмъ-ли будетъ видъ нашъ или весель,
Его онъ истолкуетъ намъ во вредъ.
И будемъ жить, какъ скотъ въ хлѣву: тѣмъ большимъ
Уходомъ пользуясь, чѣмъ ближе къ смерти.
Племяннику легко вину забудутъ:
За молодость простятъ, за жгучесть крови,
За прозвище. Сорви, молъ, голова,
Пришпорившій судьбу, мечтъ послушный.
Его грѣхи на голову мою
Обрушатся и на его отца.
Онъ нашъ питомецъ, порчей намъ обязанъ,
Мы – корень зла, и мы за все заплатимъ.
Вотъ почему, кузень мой, скрыть должны мы
Отъ Гарри предложеніе короля.

Вернонъ.

Скажите, что хотите. Вамъ я буду
Поддакивать во всемъ. Да вотъ и онъ.

(Входятъ Готспуръ и Дугласъ. За ними офицеры и солдаты).

Готспуръ.

Вернулся дядя. Лорда Вестморлэнда
Освободить. Какія вѣсти, дядя?

Ворчестеръ.

Король немедля вступить съ нами въ бой.

Дугласъ.

Пошлемъ чрезъ лорда Вестморлэнда вызовъ.

Готспуръ.

Вы, лордъ Дугласъ, ему о томъ скажите.

Дугласъ.

Съ готовностью и радостью великой.

(Уходитъ).

Ворчестеръ.

Нѣтъ въ королѣ и тѣни снисхожденія.

Готспуръ.

Вы не просили-ль – Боже упаси -
О снисхожденіи?

Ворчестеръ.

Нѣтъ, обиды наши

Я перечислилъ сдержанно и клятвы,
Нарушенныя имъ. Тутъ въ оправданіе
Онъ клятвенно отъ клятвъ своихъ отрекся,
Корилъ насъ за измѣну и крамолу,
Грозя оружіемъ въ насъ ихъ сокрушить.

(Входитъ Дугласъ).

Дугласъ.

Къ оружью, рыцари, къ оружью. Бросилъ
Я въ зубы королю отважный вызовъ.
Его повезъ заложникъ Вестморлэндъ,
А это лишь ускорить нападенъе.

Ворчестеръ.

Племянникъ, васъ въ присутствіи отца
На поединокъ вызвалъ принцъ Уэльскій.

Готспуръ.

О, если-бъ распря тяготѣла только
На нашихъ головахъ и смерть сегодня
Лишь мнѣ и Гарри Монмуту грозила!
Скажи, какъ сдѣланъ вызовъ. Не съ презрѣнъемъ?

Вернонъ.

Клянусь душою, вызова скромнѣе
Я въ жизни не слыхалъ. Какъ будто братъ
Звалъ брата состязаться въ фехтованьи.
Онъ воздавалъ вамъ должныя хвалы
Въ изысканныхъ словахъ, достойныхъ принца,
Какъ лѣтописецъ, ваши перечислилъ
Заслуги, ставилъ выше всѣхъ похвалъ,
Ничтожныхъ передъ доблестію вашей.
И - что въ немъ вправду принца обличало –
Онъ молодость лѣнивую свою
Съ такимъ хулилъ достоинствомъ, краснѣя,
Какъ будто въ немъ два разума вмѣщалось:
Учителя и съ нимъ ученика.
Таковъ былъ вызовъ. Я-жъ при всѣхъ скажу,
Что если только выживетъ онъ этотъ
Враждебный день, донинѣ не бывало
У Англіи такой надежды свѣтлой,
Подъ внѣшнимъ легкомысліемъ сокрытой.

Готспуръ.

Мнѣ кажется, кузень, вы влюблены
Въ его безумье. Никогда не слыхалъ
Я о такомъ безпутно-дикомъ принцѣ.
Но кто-бъ онъ ни былъ, до прихода ночи
Сожму его въ объятіяхъ солдатскихъ,
И отъ моей онъ ласки изнеможетъ.
Скорѣй къ оружью. Воины, друзья,
Вы сами долгъ обсудите свой лучше,
Чѣмъ я, кто не владѣетъ даромъ слова,
Своимъ воззванъемъ могъ-бы это сдѣлать.

(Входитъ гонецъ).

Гонецъ.

Милордъ, къ вамъ письма.

Готспуръ.

Некогда читать ихъ.

Друзья, жизнь коротка. Но если-бъ жизнь
На стрѣлкѣ часовой верхомъ сидѣла,
Чтобъ кончиться, когда ударить часъ,
Она-бы и тогда казалась долгой,
Когда-бъ ее мы тратили постыдно.
Коль жизнь – топтать мы будемъ королей.
Коль смерть – то славная, съ князьями вмѣстѣ.
А что до совѣсти, прекрасенъ мечъ,
Когда онъ обнаженъ за справедливость.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Милордъ, готовьтесь. Къ намъ спѣшитъ король.

Готспуръ.

Спасибо, что ты рѣчь мою прервалъ.
Я не любитель словъ. Одно скажу лишь:
Пусть всякъ свой долгъ исполнить. А теперь
Я обнажаю мечъ, намѣреваясь
Покрыть клинокъ блестящій лучшей кровью,
Какую встрѣчу въ этотъ день опасный.
Въ путь! Еспérance и Перси и – впередъ!
Пускай звучатъ воинственныя трубы,
Подъ звуки ихъ обнимемся другъ съ другомъ.
Я небо прозакладываю противъ
Земли, что многимъ здѣсь не суждено
Свершить еще разъ этотъ долгъ пріязни.
(Звуки трубъ. Всѣ обнимаютъ другъ друга и уходятъ).

СЦЕНА III.

Равнина между обоими лагерями подъ Шрюсбери.

*Сражающіеся отдѣльные воины и отряды. Клики сраженія. Съ разныхъ сторонъ
входятъ Дугласъ и сэръ Вальтеръ Блентъ и встрѣчаются.*

Блентъ.

Кто ты и почему меня въ сраженіи
Преслѣдуешь? Какой ты ищешь славы
Въ моей крови?

Дугласъ.

Знай, имя мнѣ Дугласъ.
Я оттого такъ за тобой гоняюсь,
Что мнѣ сказали, будто ты король.

Блентъ.

Тебѣ сказали истину.

Дугласъ.

Лордъ Стаффордъ

Ужъ поплатился дорого за сходство
Съ тобою: этотъ мечъ его убилъ
Взамѣнь тебя, король англійскій Генрихъ.
Теперь, коль въ плѣнь не сдашься, твой чередъ.

Блентъ.

Шотландецъ дерзкій, я рождень не съ тѣмъ,
Чтобъ въ плѣнь сдаваться. Короля ты встрѣтилъ,
Онъ мститъ за лорда Стаффорда готовъ.

(Сражаются. Блентъ падаетъ. Входитъ Готспуръ).

Готспуръ.

Когда-бъ ты такъ подъ Гольмедономъ дрался,
Ни одного не взялъ-бы я шотландца.

Дугласъ.

Все сдѣлано, все выиграно. Вотъ
Безжизненное тѣло короля.

Готспуръ.

Гдѣ?

Дугласъ.

Предъ тобою.

Готспуръ.

Этотъ? Нѣтъ, Дугласъ.

Его лицо мнѣ хорошо знакомо.
То знатный рыцарь былъ, названьемъ Блентъ,
Онъ лишь носилъ одежду короля.

Дугласъ.

Пусть шутъ твою сопровождаетъ душу,
Куда-бъ ни шла. Ужъ дорого ты слишкомъ
Платилъ за титуль, взятый на прокатъ.
Зачѣмъ себя за короля ты выдалъ?

Готспуръ.

Здѣсь многіе одѣты, какъ король.

Дугласъ.

Клянусь мечемъ, я всѣ его одежды,
Весь гардеробъ убью за штукой штуку,
Пока не встрѣчусь съ нимъ самимъ.

Готспуръ.

Впередъ!

Весь день солдаты выстояли бодро.

(Уходятъ).

(Новыя стычки. Входитъ Фальстафъ).

Фальстафъ. Въ Лондонѣ я могъ

182

ускользнуть отъ расплаты, здѣсь-же отъ нея не убѣжишь. Здѣсь ничего не записываютъ на счетъ, а сейчасъ зарубятъ на башкѣ. – А, ты кто? Сэръ Вальтеръ Блентъ: вотъ она, честь; ну развѣ она не суета суеть? Я разгорячился, какъ расплавленный свинецъ, и такъ же какъ онъ отяжелѣлъ. Да хранить меня Господь отъ свинца, и безъ него мнѣ тяжело тащить свою утробу. Я своихъ оборвышей поставилъ туда, гдѣ имъ задали перцу. Отъ ста пятидесяти двухъ осталось въ живыхъ не болѣе трехъ, и тѣ должны будутъ остатокъ дней своихъ просить милостыню у городскихъ воротъ.

(Входитъ принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Что праздно сталъ? Свой мечъ мнѣ одолжи.

Немало здѣсь лежитъ и коченѣетъ

Героевъ подъ копытами коней

Надменнаго врага, межъ тѣмъ какъ смерть ихъ

Еще не отомщенной осталась.

Свой мечъ мнѣ одолжи.

Фальстафъ. О, Галь, прошу тебя, дай мнѣ отдышаться немного. Турокъ Григорій не совершалъ такихъ военныхъ подвиговъ, какъ я сегодня. Съ Перси мы квиты. Я его успокоилъ.

Принцъ Генрихъ.

Спокоенъ онъ и живъ, тебѣ на гибель.

Свой мечъ мнѣ одолжи.

Фальстафъ. Нѣтъ, если Перси еще живъ, я тебѣ не отдамъ меча. Но если хочешь, возьми мой пистолетъ.

Принцъ Генрихъ. Давай. Какъ, онъ въ чехлѣ?

Фальстафъ. Да, Галь, онъ горячъ, очень горячъ. Имъ можно сжечь цѣлый городъ. *(Принцъ вынимаетъ изъ чехла бутылку хереса).*

Принцъ Генрихъ. Неужели же теперь время для шутокъ? *(Бросаетъ бутылку въ него и уходитъ).*

Фальстафъ. Ну, если Перси живъ, то я живо его заколю. Конечно, если онъ попадется мнѣ на глаза, если-же нѣтъ и я нарочно на него полѣзу, пусть онъ меня изрубить въ котлеты. Я не добиваюсь чести, отъ которой лицо искажается въ такую гримасу, какъ у сэра Вальтера. Я люблю жизнь, и если я смогу спасти ее, то тѣмъ лучше. Если же нѣтъ, - то честь придетъ незванной; значитъ нечего стараться.

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля битвы.

*Клики сраженія. Стычки. Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ,
принцъ Джонъ и Вестморлэндъ.*

Король Генрихъ.

Прошу тебя, о Гарри, удались,
Ты истекаешь кровью. Вмѣстѣ съ нимъ
Ступай и ты, лордъ Джонъ Ланкастрскій.

Принцъ Джонъ.

Нѣтъ, милордъ,

Уйду, когда и я въ крови весь буду.

Принцъ Генрихъ.

Молю васъ, государь, явиться войску.

Отсутствіемъ встревожите друзей.

Король Генрихъ.

Я такъ и сдѣлаю. Лордъ Вестморлэндъ,
Прошу васъ принца провести въ палатку.

Лордъ Вестморлэндъ.

Милордъ, идемте, я васъ отведу.

Принцъ Генрихъ.

Меня, милордъ? Мнѣ помощи не нужно.

Избави Богъ, чтобъ принцъ Уэльскій ради

Царапины пустой покинулъ поле,

Гдѣ въ прахѣ и крови лежатъ герои,

Гдѣ мечъ крамольный въ сѣчѣ торжествуетъ.

Принцъ Джонъ.

Мы долго отдыхаемъ здѣсь. Идемте,

Братъ Вестморлэндъ, куда зоветъ насъ долгъ.

Идемте, ради Бога.

(Принцъ Джонъ и Вестморлэндъ уходятъ).

Принцъ Генрихъ.

Богъ свидѣтель,

Ты сильно обманулъ меня, Ланкастръ.

Не зналъ я, что въ тебѣ столь мощный духъ.

Донынѣ я любилъ тебя, какъ брата,

Теперь я уважаю отъ души.

Король Генрихъ.

Я видѣлъ, какъ удары лорда Перси

Онъ отражалъ съ отвагою, какой

Не ждалъ я отъ бойца столь молодого.

Принцъ Генрихъ.

О, этотъ мальчикъ всѣхъ насъ зажигаетъ.

(Уходитъ. Трубы. Входитъ Дугласъ).

Дугласъ.

Еще король! Они здѣсь вырастаютъ,

Какъ головы у гидры. Я – Дугласъ,
Гроза для всѣхъ, въ твои цвѣта одѣтыхъ.
Кто ты, принявшій образъ короля?

Король Генрихъ.

Я самъ король и есть. Мнѣ жаль, Дугласъ,
Что вмѣсто короля его ты встрѣтилъ
Лишь призраки. Есть у меня два сына.
Они тебя и Перси всюду ищутъ.
Но разъ счастливый случай сводитъ насъ,
Я самъ съ тобою справлюсь. Защищайся.

Дугласъ.

Боюсь, и ты – поддѣлка короля,
Хоть впрямь себя ты держишь, какъ король.
Но кто-бъ ты ни былъ, знаю, что ты – мой.
И вотъ какъ я тобою овладѣю.

(Сражаются. Король въ опасности. Возвращается принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Вверхъ голову, шотландецъ гнусный, или
Ее снесу. Въ мой мечъ вселились души
Героевъ Ширли, Стаффорда и Блента.
Тебѣ такъ угрожаетъ принцъ Уэльскій.
Онъ что сулитъ, то платить.

(Сражаются. Дугласъ отступаетъ).

Успокойтесь.

Какъ ваша милость чувствуетъ себя?
Сэръ Никольсъ Гауси просить подкрѣплений
И Клифтонъ. Самъ я къ Клинфону бѣгу.

Король Генрихъ.

Постой, передохни. Ты искупилъ
Свою дурную славу и, на помощь
Ко мнѣ явившись въ пору, доказалъ,
Что жизнью дорожишь моей отчасти.

Принцъ Генрихъ.

О, Боже, какъ неправы были тѣ,
Кто увѣрялъ, что вашей жду я смерти.
Будь это правда, мнѣ лишь оставалось
Покинуть васъ въ рукахъ шотландца дерзкихъ.
Не хуже-бъ онъ любого яда въ мірѣ
Мгновенно съ вашей жизнію покончилъ,
И былъ-бы сынъ вашъ отъ труда избавленъ
Къ измѣнѣ прибѣгать.

Король Генрихъ.
Ступай на помощь.
Ты къ Клифтону, а я отправлюсь къ Гауси.
(Уходитъ).

(Входитъ Готспуръ).
Готспуръ.

Коль не ошибся я, ты Гарри Монмутъ.
Принцъ Генрихъ.
Ты такъ сказалъ, какъ будто я желаю
Отъ имени отречься своего.

Готспуръ.
Мнѣ имя - Гарри Перси.
Принцъ Генрихъ.
Значить, вижу

Отважнаго мятежника, кого
Лишь зналъ по имени. Я - принцъ Уэльскій.
Знай, Гарри: впредь нельзя дѣлить намъ славу,
Какъ двумъ звѣздамъ въ одной вращаться сферѣ.
Не могутъ принцъ Уэльскій съ Гарри Перси
Вдвоемъ царить надъ Англіей единой.
Готспуръ.

Тому не быть, о, Гарри! Часъ насталъ,
Когда одинъ изъ насъ погибнуть долженъ.
О, если-бъ слава бранная твоя
Моей равнялась.

Принцъ Генрихъ.
Раньше чѣмъ простимся,
Она твою переростетъ, о, Гарри!
Со шлема твоего сорву всѣ лавры,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ для головы своей.

Готспуръ.
Нѣтъ больше силъ терпѣть твое тщеславье.
(Сражаются. Входитъ Фальстафъ).

Фальстафъ.
Хорошо сказано! Бей его, Галь! – Могу тебя увѣрить, здѣсь пахнетъ не дѣтской
игрой.

(Возвращается Дугласъ и нападаетъ на Фальстафа, который падаетъ, притворяясь
мертвымъ. Дугласъ уходитъ. Готспуръ раненъ и падаетъ на землю).
Готспуръ.

Ты молодость похитилъ у меня,
О, Гарри. Но потерю брэнной жизни
Мнѣ легче снести, чѣмъ мысль о громкой славѣ,
Что принесу тебѣ. Отъ этой мысли
Душѣ больнѣй, чѣмъ тѣлу отъ меча.

Но мысль – раба мгновенной жизни, жизнь –
Игрушка времени, само-же время -
Всемирный страж – должно имѣть конецъ.
О, я-бъ теперь пророчить могъ, но смерти
Землистая и мерзлая рука
Уже легла мнѣ на уста. Нѣтъ, Перси,
Теперь ты прахъ и пища для...

(Умираетъ).

Принцъ Генрихъ.

И пища для червей, мой храбрый Перси.
Прощай, великій духъ. Какъ быстро сжалось

184

Ты, честолюбие, сотканное плохо.
Пока душа ютилась въ этомъ тѣлѣ,
Ему казалось тѣснымъ королевство.
Теперь ему довольно двухъ шаговъ
Негоднѣйшей земли. На той землѣ,
Гдѣ мертвый ты простерся, не осталось
Въ живыхъ героя, равнаго тебѣ.
Будь ты теперь чувствителенъ къ участию,
Я-бъ нѣжное усердье утаилъ.
Но искаженный ликъ покрою шарфомъ,
И благодарность самому себѣ
За исполненіе нѣжнаго обряда
Отъ твоего-же имени воздамъ.
Прощай, возьми съ собой на небо славу,
Безславые-же пусть спитъ съ тобой въ гробу
И не возникнетъ въ надписи надгробной.
(Замѣчаетъ лежащаго на землѣ Фальстафа).
Ба! старый другъ. Ужель все это мясо
Въ себѣ нисколько жизни не содержитъ?
Прощай, мой бѣдный Джэкъ. Я-бъ легче снесъ
Смерть челоуѣка, лучшаго чѣмъ ты,
И будь сильнѣй привязанъ я къ разврату,
Я-бъ видѣлъ въ ней тяжелую утрату.
Едва-ль сраженъ жирнѣе красный звѣрь,
Хоть не прекрасный, въ этотъ день потеръ.
Пока я трупъ твой выпотрошу жирный,
Спи рядомъ съ Перси, сонъ вкушая мирный.

(Уходитъ).

Фальстафъ *(поднимаясь)*. Выпотрошить меня? Если тебѣ удастся сдѣлать
это сегодня, то я позволю тебѣ завтра посолить меня и съѣсть. Чортъ возьми,

хорошо, что я представился мертвымъ, иначе этотъ неистовый шотландецъ расквитался бы со мной. Но развѣ я представлялся? Неправда. Представляться – значитъ быть чѣмъ-нибудь поддѣльнымъ; вотъ мертвый человѣкъ въ самомъ дѣлѣ поддѣлка; въ комъ нѣтъ жизни, тотъ только поддѣлка подъ человѣка; но представляться мертвымъ, будучи живымъ, вовсе не значитъ совершать поддѣлку, а скорѣе быть вѣрнымъ и превосходнымъ воплощеніемъ жизни. Главное достоинство храбрости – благоразуміе, и вотъ, благодаря ему, я и спасъ свою жизнь. Чортъ возьми, я боюсь этого горячаго, какъ порохъ, Перси, хотя онъ и мертвъ. Что, если онъ тоже только прикидывается мертвымъ и сейчасъ встанетъ? Право, боюсь, чтобы онъ не оказался лучшимъ притворщикомъ, чѣмъ я. Поэтому не добить ли его? Потомъ буду божиться, что я его убилъ. Почему бы ему не подняться, какъ я это сдѣлалъ? Меня могутъ убѣдить только мои собственные глаза, а здѣсь меня никто не видитъ. Поэтому, вотъ тебѣ, братецъ! *(Закалываетъ трупъ)*. А теперь, нанеся тебѣ новую рану въ бедро, я уберу тебя подальше. *(Взваливаетъ трупъ Готспура себѣ на спину. Возвращаются принцъ Генрихъ и принцъ Джонъ)*.

Принцъ Генрихъ.

Идемъ, братъ Джонъ. Ты дѣвственный свой мечъ
Геройски обновилъ.

Принцъ Джонъ.

Постой. Что вижу?

Не ты-ль сказалъ мнѣ, что толстякъ убить?

Принцъ Генрихъ.

Да, я самъ видѣлъ, какъ онъ бездыханный

Лежалъ, покрытый кровью, на землѣ.

Ты живъ? Иль то игра воображенья,

Обманъ очей? Молю тебя, скажи.

Однимъ глазамъ безъ слуха не повѣрю.

Иль ты не то, чѣмъ кажешься?

Фальстафъ. Нѣтъ, я не двойникъ. Будь я шутъ гороховый, если я не Джонъ Фальстафъ. Вотъ вашъ Перси. Если вашъ отецъ вознаградитъ меня за это – хорошо, если-жъ нѣтъ – то уже слѣдующаго Перси пусть онъ самъ убиваетъ. Я рассчитываю теперь быть произведеннымъ въ графы или герцоги, – не меньше.

Принцъ Генрихъ. Что это значить? Я самъ убилъ Перси и видалъ тебя мертвымъ.

Фальстафъ. Вотъ, какъ! О, Господи, Господи, какъ весь міръ изолгался! Я вѣдь не спорю, что былъ сраженъ и лежалъ безъ дыханія – какъ и онъ. Но мы оба вскочили въ одну и ту-же минуту, и сражались цѣлый часъ по Шрюсберійскимъ часамъ. Если ты мнѣ вѣришь, хорошо; если нѣтъ – то пусть грѣхъ падетъ на головы тѣхъ, кто долженъ былъ-бы воздать должное храбрости. Клянусь жизнью, что я нанесъ ему эту рану въ бедро. Если-бы онъ былъ живъ и отрицалъ это, то, чортъ возьми, я заставилъ бы его проглотить кусокъ моей шпаги.

Принцъ Джонъ.

Чуднѣе не слыхалъ я въ жизни сказки.

Принцъ Генрихъ.

И не видалъ чуднѣе молодца.

Ступай, красуйся съ ношей на спинѣ.

Что до меня, коль ложь тебѣ полезна,

Ее раззолочу, какъ только въ силахъ.

(Трубятъ отступленіе).

186

Вотъ трубы возвѣщаютъ отступленье.

День этотъ нашъ. Взойдемъ-же, милый братъ,

На высшій пунктъ средъ поля, чтобъ увидѣть,

Кто изъ друзей убить, кто живъ остался.

(Принцъ Генрихъ и принцъ Джонъ уходятъ).

Фальстафъ. Пойду за ними – кажется, рѣчь идетъ о наградѣ. Того, кто вознаградить меня, да вознаградить Господь. Если я достигну величія, я уменьшусь въ объемѣ: буду принимать слабительное, не буду пить хереса, буду жить прилично, какъ подобаетъ знатному лорду. *(Уходитъ, унося съ собой трубу).*

СЦЕНА V.

Другая часть поля битвы.

Звуки трубъ. Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ, принцъ Джонъ, Вестморлэндъ и другіе; за ними Ворчестеръ и Вернонъ подъ стражей.

Король Генрихъ.

Такъ бунтъ всегда находитъ воздаянье. –

О, Ворчестеръ злокозненный. Не съ вами-ль

Послали мы любовь, прощенье, милость?

Зачѣмъ вы извратили наше слово,

Употребивъ во зло довѣрьемъ Перси?

Трехъ рыцарей сегодня мы лишились,

Палъ благородный графъ и много войска.

Они-бы въ этотъ часъ всѣ были живы,

Когда-бъ ты честно, какъ христіанинъ,

Возстановилъ согласье межъ войсками.

187

Ворчестеръ.

Такъ поступить заставили меня

Заботы о спасеніи. Терпѣливо

Свою судьбу встрѣчаю: на меня

Обрушилась она неотвратимо.

Король Генрихъ.

Пусть Ворчестера поведутъ на казнѣ
И съ нимъ Вернона. О другихъ виновныхъ
Разсудимъ послѣ.

(Ворчестера и Вернона уводитъ стража).

Что на полѣ битвы?

Принцъ Генрихъ.

Когда шотландецъ знатный, лордъ Дугласъ,
Увидѣлъ, что имъ счастье измѣнило,
Что Перси палъ, что страхъ объялъ все войско,
Собравъ остатки, въ бѣгство онъ пустился.
Но, ринувшись съ холма, онъ такъ расшибся,
Что гнавшимся за нимъ попался въ руки.
Теперь Дугласъ въ палаткѣ у меня.
Молю васъ, предоставьте мнѣ рѣшенье
Его судьбы.

Король Генрихъ.

Отъ всей души согласенъ.

Принцъ Генрихъ.

Тебѣ, братъ Джонъ Ланкастрскій, предстоитъ
Почетное исполнить порученье.
Ступай къ Дугласу и ему верни
Безъ выкупа свободу: пусть идетъ,
Куда желаетъ. Храбрость, что онъ нынче
Явилъ на нашихъ шлемахъ, научила
Насъ уважать воинственную доблесть
И въ сердцѣ непріятеля.

Король Генрихъ.

Теперь

Намъ остается раздѣлить войска.
Вы, сынъ мой Джонъ и братъ нашъ Вестморлэндъ,
Поспѣшно устремитесь въ Йоркъ, на встрѣчу
Нортонберлэнду и прелату Скрупу,
Стоящимъ, какъ я слышалъ, подъ оружіемъ.
Мы съ вами, Гарри, поспѣшимъ въ Валлисъ
Съ Глендоверомъ и графомъ Марчемъ биться.
Еще одно такое поражение,
И мятежа вездѣ замретъ движенье.
Начавъ съ удачи, мы не отдохнемъ,
Пока странѣ покоя не вернемъ.

(Уходятъ).

Часть II. Дѣйствующія лица II части "Генриха IV".

Король Генрихъ IV.

Генрихъ, Принцъ Уэльскій, впослѣдствіи король Генрихъ V.

Томасъ, герцогъ Кларенсъ

Принцъ Джонъ Ланкастерскій

Принцъ Гемфри Глостеръ

Графъ Варвикъ. Графъ Вестморлэндъ.

Графъ Сэрри.

Гоуэръ. Гаркуртъ Блентъ

Лордъ Верховный Судья Королевской Скамьи.

Помощникъ Верховнаго Судьи.

Графъ Нортomberлэндъ. Скрупъ,

архіепископъ Йоркскій. Лордъ Мобрэ.

Лордъ Гастингсъ. Лордъ Бардольфъ.

Сэръ Джонъ Кольвиль.

Траверсъ и Мортонъ, служители Нортomberлэнда.

Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Его пажъ.

Бардольфъ.

Пистоль.

Пойнсъ.

Пето.

Пустозвонъ.

Тихоня.

Дэви, слуга Пустозвона.

Плѣсень, Тѣнь, Бородавка, Слабнякъ, Бычокъ – рекруты.

Коготь и Силокъ, помощники шерифа.

Лэди Нортomberлэндъ.

Лэди Перси.

Мистриссъ Квикли, хозяйка таверны въ Истчипѣ.

Доли Тиршитъ.

Лорды и свита. Офицеры, солдаты, привратникъ, гонцы, трактирные слуги,

грумы и т. п.

Молва, Прологъ.

Танцовщикъ, Эпилогъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

Прологъ.

Въ Варквортъ. Передъ замкомъ Нортomberленда.

Входитъ Молва, въ одежду, испещренной языками.

Молва.

Насторожите уши. Кто захочетъ
Дверь слуха запереть, когда Молва
Заговорила громко? Я съ востока
Къ усталому закату мчусь и, вѣтеръ
Избравъ конемъ почтовымъ, раскрываю
Дѣла земного шара въ ихъ зачатъи.
Вкругъ языковъ моихъ витають сплетни.
Я ихъ твержу на языкахъ несчетныхъ
И вымыслами слухъ людей морочу.
Я миръ сулю, когда вражда, прикрывшись
Улыбкой кроткой, ужъ терзаетъ мѣръ,
И кто-же, какъ не я, какъ не Молва,
Скликаетъ рать, готовить оборону;
Межъ тѣмъ какъ время вспухшее чревато
Не грозною войной, какъ полагають,
А зломъ совсѣмъ другимъ. Молва – свирѣль,
Въ которую дудятъ обманъ, догадки
И зависть; столь удобная свирѣль,
Что даже шаткой, вздорящей толпѣ, -
Чудовищу о головахъ несчетныхъ, -
Играть на ней легко. Но для чего мнѣ
Въ кругу домашнихъ расчленять свое
И безъ того извѣстное имъ тѣло?
Зачѣмъ Молва пришла сюда? Лечу
Предъ королемъ я Генрихомъ, вѣщая
Его побѣду. На кровавомъ полѣ
Подъ Шрюсбери разбить имъ юный Готспуръ
Съ дружиной всей, и пламень мятежа
Въ крови самихъ мятежниковъ потушень.
Но что со мной? Я говорю вдругъ правду,
Межъ тѣмъ какъ долгъ мой – всюду разгласить,
Что Гарри Монмутъ палъ, сраженный славнымъ
Мечемъ героя Готспура, что въ смерти
Король поникъ помазанной главой
Предъ яростью Дугласа. Вотъ о чемъ я
По городамъ шумѣла захолустнымъ
Межъ королевскимъ Шрюсберійскимъ полемъ
И этою источенной червями

Твердынею изъ голыхъ камней, гдѣ
Старикъ Нортomberлэндъ, отецъ Готспура,
Недужнымъ притворяется. Гонцы
Приносятъ въ попыхахъ мои же вѣсти.
Со словъ Молвы всѣ повторяютъ ту-же
Отраду лжи, что горькой правды хуже.
(Уходитъ).

190

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ-же.

(Входитъ лордъ Бардольфъ).

Лордъ Бардольфъ.

Эй, кто здѣсь у воротъ стоитъ?

(Привратникъ открываетъ ворота).

Гдѣ графъ?

Привратникъ.

Какъ доложить о васъ?

Лордъ Бардольфъ.

Скажи ты графу,

Что ждетъ его лордъ Бардольфъ.

Привратникъ.

Графъ гуляетъ

Въ саду. Не постучить-ли ваша милость

Въ калитку, - онъ отвѣтитъ.

Лордъ Бардольфъ.

Вотъ и графъ.

(Привратникъ уходитъ. Входитъ Нортomberлэндъ).

Нортomberлэндъ.

Что новаго, лордъ Бардольфъ? Каждый мигъ

Теперь рождаетъ новое событіе.

Знать, вѣкъ нашъ одичалъ. Раздоръ, что конь

Раскормленный, порвавъ узду, помчался

И на пути своемъ все сокрушаетъ.

Лордъ Бардольфъ.

Я, графъ, принесъ изъ Шрюсбери извѣстія.

Нортomberлэндъ.

И добрыя, коли угодно Богу?

Лордъ Бардольфъ.

Какъ только сердце можетъ пожелать.
Король смертельно раненъ; принцъ же Генрихъ
Поверженъ въ прахъ счастливымъ вашимъ сыномъ.
Обоихъ Блентовъ умертвилъ Дугласъ.
Бѣжали съ поля битвы молодой
Принцъ Джонъ, равно какъ Вестморлэндъ и Стаффордъ.

191

А боровъ Гарри Монмута, сэръ Джонъ,
Взятъ вашимъ сыномъ въ плѣнъ. Подобный день,
Съ такимъ сраженьемъ и съ такой побѣдой,
Не украшалъ столѣтій со временъ
Счастливецъ Цезаря.

Нортomberлэндъ.

Откуда вѣсти?

Вы были въ Шрюсбери? видали поле?

Лордъ Бардольфъ.

Я говорилъ съ однимъ, кто шелъ оттуда.
То джентльменъ былъ почтенный, родовитый;
Онъ эти вѣсти выдалъ мнѣ за правду.

Нортomberлэндъ.

А вотъ слуга мой Траверсъ. За вѣстями
Еще во вторникъ я его послалъ.

Лордъ Бардольфъ.

Милордъ, я обогналъ его въ дорогѣ.
Едва-ль принесъ онъ вѣсти достовѣрнѣй
Того, что самъ узналъ съ моихъ-же словъ.

(Входитъ Траверсъ).

Нортomberлэндъ.

Ну, Траверсъ, что хорошаго намъ скажешь?

Траверсъ.

Меня, милордъ, съ отрадными вѣстями
Вернулъ съ дороги сэръ Джонъ Эмфревилъ,
Но обогналъ: подъ нимъ былъ конь рѣзвѣе.
Вослѣдъ за нимъ другой какой-то джентльменъ
Во весь опоръ примчался, чуть дыша.
Со мною поровнявшись, онъ дозволилъ
Вздохнуть окровавленному коню,
Спросивъ дорогу въ Честеръ. Въ свой чередъ
О новостяхъ спросилъ я Шрюсберійскихъ.
Отвѣтилъ онъ, что плохо кончилъ бунтъ
И что остылъ горячій Гарри Перси.
Тутъ, опустивъ поводья и нагнувшись,

Вонзиль онъ шпоры до полузвѣзды
Въ дрожавшіе бока несчастной клячи
И, не дождавшись болѣе вопросовъ,
Пустился вскачь, пространство пожирая.

Нортомберлендъ.

Какъ? Повтори. Остывшій Гарри Перси?
Горячій рыцарь сталъ остывшимъ трупомъ?
Возстанье плохо кончило?

Лордъ Бардольфъ.
Милордъ,

Скажу вамъ вотъ что. Ежели побѣда
За вашимъ юнымъ сыномъ не осталась,
Свое баронство, - честью въ томъ клянусь, -
За шелковый шнурокъ отдамъ. Ни слова.

Нортомберлендъ.

Какъ могъ-бы джентльменъ, Траверса догнавшій,
Подробности измыслить пораженья?

Лордъ Бардольфъ.

Кто? Этотъ джентльменъ? Вѣрно, проходимецъ,
Скакавшій на украденномъ конѣ.
Болталъ онъ на-угадъ... Вотъ снова вѣстникъ.

(Входитъ Мортонъ).

Нортомберлендъ.

Смотри: его лицо, какъ листъ заглавный,
Трагическую повѣсть возвѣщаетъ.
Такъ смотришь берегъ, гдѣ приливъ могучій
Слѣды оставилъ своего набѣга.
Изъ Шрюсбери-ли, Мортонъ, держишь путь?

Мортонъ.

Изъ Шрюсбери, свѣтлѣйшій лордъ, бѣжалъ я,
Гдѣ смерть надѣла страшную личину,
Чтобъ нашихъ испугать.

Нортомберлендъ.

Что сынъ? Что братъ мой?

Но ты дрожишь! И блѣдность щекъ твоихъ
Вѣщаетъ горе раньше, чѣмъ языкъ твой.
Таковъ, какъ ты, измученъ, безъ дыханья,
Съ потухшимъ взоромъ, полуживъ отъ скорби,
Былъ вѣстникъ, кто отдернулъ пологъ съ ложа
Пріама, чтобъ средь мертвой ночи крикнуть,
Что въ пламени полъ-Трои. Но Пріамъ
Увидѣлъ пламя ранѣе, чѣмъ вѣстникъ
Нашелъ даръ слова. Такъ о смерти Гарри
Узналъ я прежде, чѣмъ ты слово молвилъ.

Ты началъ-бы съ разсказа о герояхъ,
Мой жадный слухъ восторгомъ оглушая:
"Такъ отличался сынъ вашъ, такъ – вашъ братъ,
Такъ бился храбрый Дугласъ". А въ концѣ,
Чтобъ въ правду оглушить меня, ты-бъ сразу
Всѣ похвалы однимъ развѣялъ вздохомъ,
Шепнувъ: "вашъ братъ, и сынъ, и всѣ убиты".
Мортонъ.
Въ живыхъ остался Дугласъ, братъ вашъ – также.
Но что до сына вашего...

192

Нортомберлендъ.
Онъ умеръ!

Смотри, какъ страхъ проворенъ на языкъ.
Чѣмъ больше мы несчастія боимся
И не хотимъ узнать о немъ, тѣмъ легче
Въ чужихъ глазахъ чутьемъ мы прозрѣваемъ,
Что то, чего страшимся, наступило.
Отвѣтъ же, Мортонъ, графу своему,
Скажи, что всѣ его догадки лгутъ.
Я сладкою сочту твою обиду,
За обличенье щедро награжу.

Мортонъ.

Я слишкомъ почитаю васъ, чтобъ смѣть
Противорѣчить. Слишкомъ прозорливъ
Вашъ разумъ, слишкомъ вѣрны опасенья.
Нортомберлендъ.

Ты все-жъ не говоришь, что Перси мертвъ.
Въ твоихъ глазахъ читаю я признанье.
Ты головой качаешь, точно правду
Опасностью считаешь иль грѣхомъ.
Коль онъ убить, скажи. Не оскорбляетъ
Языкъ того, кто вѣсть принесть о смерти.
Грѣшитъ лишь тотъ, кто лжетъ о мертвецѣ,
Не тотъ, кто мертвеца зоветъ усопшимъ.
Хоть спора нѣтъ, быть вѣстникомъ несчастья –
Печальная обязанность. Тотъ голосъ,
Что возвѣстилъ однажды смерть любимыхъ,
Звучить и послѣ звономъ погребальнымъ.

Лордъ Бардольфъ.

Я вѣрить не могу, что сынъ вашъ умеръ.
Мортонъ.

Мнѣ горько убѣждать васъ въ томъ, чего я -
Будь воля Божья – лучше-бъ не видалъ.
Но все-жъ моимъ глазамъ пришлось увидѣть,
Какъ сынъ вашъ, запыхавшійся, усталый,
Окровавленный, слабо отражалъ
Удары Монмута, чей быстрый гнѣвъ
Непобѣдимаго доселѣ Перси
Низвергнулъ въ прахъ, откуда тотъ не всталъ.
При жизни онъ вдыхалъ огонь отваги
Въ трусливѣйшихъ солдатъ; его-же смерть,
Едва о ней узнали, потушила
Огонь и пылъ въ храбрѣйшихъ среди войска.
Онъ былъ металломъ, превращавшимъ въ сталь
Друзей всѣхъ нашихъ. Ослабѣвши въ немъ,
Опять собою ставъ, всѣ превратились
Въ тяжелый и тупой свинецъ. Какъ тяжесть
Тѣмъ шибче отъ толчка летить, чѣмъ больше
Въ ней вѣса, такъ, съ утратой тяжелой Перси,
Помноженной на страхъ, солдаты наши,
Ища спасенья въ бѣгствѣ, съ поля мчались
Быстрѣй, чѣмъ стрѣлы, ищущія цѣли.
Тутъ скоро въ плѣнъ лордъ Ворчестеръ попался;
А яростный шотландецъ, кровожадный
Дугласъ, чей неустанный мечъ три раза
Сразилъ въ бою подобье короля,
Вдругъ духомъ палъ, украсилъ стыдъ бѣгущихъ.
Но, на бѣгу споткнувшись, взять былъ въ плѣнъ.
Итогъ всему: король насъ побѣдилъ
И подъ начальствомъ юнаго Ланкастра
И Вестморлэнда вамъ, милордъ, на встрѣчу
Послалъ поспѣшно войско. - Вотъ всѣ вѣсти.

Нортонберлендъ.

Еще для скорби времени довольно.
Теперь-же ядъ послужить мнѣ лѣкарствомъ.
Здоровый, я-бы заболѣлъ отъ этихъ
Вѣстей; больной, я ими исцѣленъ.
Какъ немощный страдалецъ, чьи суставы,
Разслабленные долгой лихорадкой,
Подъ гнетомъ жизни гнутся, точно плети, -
Вдругъ въ дикомъ вырывается припадкѣ
Изъ рукъ больничныхъ сторожей, какъ пламя:
Такъ и въ моихъ, отъ скорби слабыхъ, членахъ,
Теперь, отъ изступленья новой скорби,
Проснулась мощь тройная. Прочь, костыль

Изнѣженный. Отнынѣ эти руки
Чешуйчатая стянуть рукавицы
Со скръпями стальными. Прочь и ты,
Недужная повязка, - слишкомъ слабый
Оплоть для головы, которой ищутъ
Побѣдой подзадоренные принцы.
Чело мое желѣзомъ увѣнчайте,
И пусть наступитъ самый мрачный часъ,
Какимъ вражда и время только въ силахъ
Суровому грозить Нортмберленду.
Пусть небо и земля сольются вмѣстѣ,
Пусть грозныхъ водъ не сдержитъ въ ихъ предѣлахъ
Рука природы. Да умереть порядокъ!...
Пусть этотъ міръ не будетъ больше сценой,
Гдѣ медленно растеть и зрѣть злоба.
Но пусть въ груди у каждого проснется
Духъ Каина, духъ первенца людского,
Пусть всѣ сердца зажгутся жаждой крови,
Чтобъ кончилась жестокая игра
И воцарился мракъ – могильщикъ смерти.
Траверсъ.
Такъ волноваться вредно вамъ, милордъ.

193

Лордъ Бардольфъ.
Не порывайте связи межъ разсудкомъ
И честью, графъ.
Мортонъ.
Отъ вашего здоровья
Зависитъ жизнь союзниковъ всѣхъ вашихъ.
Оно-же пошатнется, если бурнымъ
Вы предаваться будете страстямъ.
Вѣдь прежде чѣмъ сказать: "поднимемъ бунтъ", -
Вы разочли послѣдствія возстанья
И взвѣсили случайности войны.
Конечно, вы предвидѣли, милордъ,
Что можетъ подъ ударъ попасть смертельный
И сынъ вашъ. Знали вы, что онъ шагаетъ
Надъ пропастью опасной и что легче
Въ нее свалиться, чѣмъ надъ ней пройти.
Еще извѣстно было вамъ, что тѣло
Его подвержено рубцамъ и ранамъ
И что безстрашный духъ его толкнетъ

Туда, гдѣ всѣ опасности столпились.
Вы все-таки ему сказали: въ путь!
И какъ ни сильно было опасенье,
Ничто въ васъ не могло поколебать
Упрямаго рѣшенья. Что-жъ случилось,
Что страшнаго явило предпріятъе,
Чего вы не могли предвидѣть раньше?
Лордъ Бардольфъ.

Мы всѣ, кого постигло пораженъе,
Мы знали, что пустились въ океанъ
Опаснѣйшій, гдѣ можно разъ спастись
И десять разъ погибнуть. Но надежда
На выгоды въ насъ побѣдила страхъ
Опасности. Теперь, хотя разбиты,
Дерзнемъ еще разъ, снова ополчимся,
Всѣмъ жертвуя, - имуществомъ и жизнью.
Мортонъ.

Давно пора. Я слышалъ, лордъ свѣтлѣйшій,
Какъ правду, и какъ правду повторяю,
Что доблестный архіепископъ Йоркскій
Возсталъ съ отлично обученнымъ войскомъ.
То человѣкъ, кто узами двойными
Привязывать сторонниковъ умѣетъ.
Вашъ сынъ, милордъ, велъ въ битву лишь тѣла,
Лишь тѣни и подобія людскія,
Затѣмъ, что слово "бунтъ" разъединяло
Въ нихъ дѣятельность тѣла и души.
Они сражались нехотя, брезгливо,
Какъ пьютъ лѣкарство. Съ нами было только
Оружье ихъ, а не душа и чувства,
Замерзшія отъ слова "бунтъ", какъ рыба
Въ прудѣ зимой. Теперь архіепископъ
Мятежъ въ святыню превратилъ. За нимъ,
Чья искренность и святость всѣмъ извѣстны,
Послѣдуютъ и тѣломъ, и душой.
Съ Помфретскихъ камней соскоблить онъ кровь
Прекраснаго Ричарда и возстанье
Помажетъ ею. Чуть онъ объявитъ,
Что защищаетъ край окровавленный,
Томящійся подъ властью Болингброка, -
И знать, и чернь послѣдуютъ за нимъ.
Нортomberландъ.

Я это зналъ, но, правду говоря,
Отъ свѣжей скорби все въ душѣ померкло.

Зайдемъ ко мнѣ. Пусть каждый мнѣ укажетъ
Вѣрнѣйшій путь къ спасенію и мести.
Напишемъ письма, соберемъ друзей.
Ничтожно ихъ число, хотъ никогда
Такъ велика въ нихъ не была нужда.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Улица.

Входитъ сэръ Джонъ Фальстафъ съ пажемъ, который несетъ за нимъ мечъ и щитъ.

Фальстафъ. Ну что, великанъ, что сказалъ докторъ про мою мочу?

Пажъ. Онъ сказалъ, что она сама по себѣ здоровая и хорошая, но что касается собственника ея, то въ немъ сидятъ болѣзни, о которыхъ онъ не подозрѣваетъ.

Фальстафъ. Всякаго рода люди почему то считаютъ за честь глумиться надо мной. Мозгъ человѣка, этого глупаго глинянаго истукана, не въ состояніи придумать ничего смѣшнаго помимо моихъ измышленій, или моей особы. Я не только остроумень, но являюсь источникомъ остроумія для другихъ. Вотъ я иду передъ тобою, похожій на свинью, которая сожрала всѣхъ своихъ поросятъ, кромѣ одного. Или я ничего не понимаю, или принцъ приставилъ тебя ко мнѣ только для контраста. Тебѣ бы, непотребный корешокъ мандрагоры, торчать у меня на шляпѣ, а не ходить по моимъ пятамъ. Никогда еще мнѣ не прислуживалъ агать изъ перстня. Но я тебя не вправлю ни въ золото, ни въ серебро, а одѣну въ отрепья, и въ такомъ видѣ отправлю въ качествѣ драгоценнаго камня къ твоему

194

господину, къ этому молокососу принцу, у котораго еще пухъ не пробился на подбородкѣ. У меня скорѣе борода выростетъ на ладони, чѣмъ у него на щекѣ, а все-таки онъ не стѣсняется увѣрять, что у него лицо королевское. Господь, быть можетъ, когда нибудь и закончитъ его – до сихъ поръ на немъ нѣтъ лишняго волоска, но королевское оно лишь потому, что и его, какъ и изображеніе короля на монетахъ, цирюльникъ не сбрѣетъ и за шесть пенсовъ. А все-таки онъ ходитъ пѣтушкомъ, точно уже считался возмужалымъ человѣкомъ, еще когда отецъ его былъ холостъ. Наплевать мнѣ на его милость, - моей милости онъ почти совсѣмъ лишился – въ этомъ я могу его увѣрить. А что сказалъ мистеръ Домбльдонъ относительно атласа на епанчу и штаны для меня?

Пажъ. Онъ сказалъ, сэръ, что требуетъ болѣе надежнаго поручителя, чѣмъ Бардольфъ; онъ не хочетъ принять ни вашей, ни его росписки. Такого обезпеченія ему недостаточно.

Фальстафъ. Будь онъ проклятъ, какъ обжора въ притчѣ. Пусть у него еще больше сохнетъ во рту отъ жажды. Непотребный дьяволъ, Ахитофель, подлець, невѣжа! Какъ онъ смѣетъ заманивать благороднаго человѣка обѣщаніями, а потомъ требовать поручительства. Эти сладкорѣчивые мерзавцы теперь иначе не

ходятъ, какъ на высокихъ каблукахъ и со связками ключей у пояса, а когда человѣкъ хочетъ честно взять у нихъ товаръ въ кредитъ, они смѣютъ требовать обезпеченія. Я предпочелъ бы, чтобы мнѣ насыпали въ ротъ крысиной отравы, чѣмъ затыкали его словомъ "обезпеченіе". Я ждалъ, что онъ мнѣ пришлетъ двадцать два аршина атласа, какъ благородному рыцарю, а онъ шлетъ мнѣ слово – обезпеченіе. Пусть спитъ безопасно – у него вѣдь есть рогъ изобилія, сквозь который просвѣчиваетъ вѣтренность его жены. Онъ того не видитъ, хотя у него есть собственный фонарь. А гдѣ Бардольфъ?

Пажъ. Отправился въ Смитсфильдъ купить лошадь для вашей милости.

Фальстафъ. Я самого его нанялъ въ соборѣ св. Павла, а онъ мнѣ купить лошадь въ Смитсфильдѣ. Если бы я еще взял себѣ жену изъ непотребнаго дома, я былъ бы снабженъ слугой, лошадыю и женой.

(Входитъ Верховный судья съ помощникомъ).

Пажъ. Сэръ, вотъ идетъ лордъ, посадившій въ тюрьму принца за то, что онъ ударилъ его изъ за Бардольфа.

Фальстафъ. Отойдемъ: я не хочу его видѣть.

Судья. Кто это тамъ уходитъ?

Помощникъ. Фальстафъ, милордъ.

Судья. Тотъ, который былъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу о грабежѣ?

Помощникъ. Да, милордъ. Но съ тѣхъ поръ онъ отличился при Шрюсбери, и, какъ я слышалъ, получилъ теперь военное назначеніе; онъ отправляется къ лорду Джону Ланкастерскому.

Судья. Какъ, въ Йоркъ? Верни его сюда.

Помощникъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

Фальстафъ. Мальчикъ, скажи ему, что я глухъ.

Пажъ. Говорите громче, мой господинъ глухъ.

Судья. Да, я знаю, глухъ ко всему хорошему. Поди, потяни его за рукавъ; мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Помощникъ. Сэръ Джонъ...

Фальстафъ. Какъ, молодой парень – и просить милостыню? Развѣ нѣтъ войны? Развѣ нѣтъ дѣла? Развѣ королю не нужны подданные, а бунтовщикамъ солдаты? Хотя и позорно быть на чьей нибудь сторонѣ, кромѣ королевской, но позорнѣе просить милостыню, чѣмъ присоединиться къ неправой сторонѣ, хотя бы ея дѣйствія были хуже, чѣмъ можно выразить словомъ "мятежъ".

Помощникъ. Вы ошибаетесь во мнѣ, сэръ.

Фальстафъ. Развѣ я сказалъ, что вы честный человѣкъ, сэръ? Несмотря на то, что я воинъ и рыцарь, я былъ бы луномъ, еслибъ это сказалъ.

Помощникъ. Въ такомъ случаѣ, не въ обиду вашему рыцарству и вашей воинской чести, позвольте сказать вамъ, что вы лжете, называя меня нечестнымъ человѣкомъ.

Фальстафъ. Чтобы я позволилъ тебѣ это сказать? Чтобы я отказался отъ того, что срослось со мной? Если я это тебѣ позволю, пусть меня повѣсятъ; если ты самъ себѣ это позволишь, то пусть тебя повѣсятъ. Прочь, дрянная ищейка, убирайся!

Помощникъ. Сэръ, милордъ хочетъ съ вами поговорить.

Судья. Сэръ Джонъ Фальстафъ! Мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ.

Фальстафъ. Добрѣйшій лордъ, пошли вамъ Господь здоровья! Я счастливъ, что вижу васъ внѣ дома; я слыхалъ, что вы больны, милордъ. Надѣюсь, что вы вышли

195

изъ дому по совѣту врача, милордъ? Хотя вы, милордъ, еще не переступили границъ молодости, но все-таки ваши годы уже отзываются преклонностью; въ нихъ уже чувствуется соль времени и поэтому я почтительнѣйше умоляю васъ, милордъ, заботиться о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ.

Судья. Сэръ Джонъ, я посылалъ за вами передъ вашимъ выступленіемъ въ Шрюсбери.

Фальстафъ. Съ вашего соизволенія, милордъ, я слыхалъ, что его величество вернулся нѣсколько разстроенный изъ Уэльса?

Судья. Я не говорю о его велиествѣ... Вы не явились, когда я посылалъ за вами.

Фальстафъ. И я слыхалъ также, что съ его высочествомъ опять приключилась мерзостная апоплексія?

Судья. Пошли ему Господь выздоровленіе! Но прошу васъ, дайте мнѣ сказать вамъ слово.

Фальстафъ. Съ вашего позволенія, милордъ, эта апоплексія нѣчто въ родѣ летаргіи или сонливости крови, и какой-то проклятый зудъ.

Судья. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Пусть она будетъ чѣмъ угодно.

Фальстафъ. Она происходитъ отъ большихъ огорченій, отъ занятій или потрясенія мозга. Я читалъ о причинѣ ея появленія у Галэна. Это родъ глухоты.

Судья. Мнѣ кажется, что вы заболѣли этой болѣзною, - вы не слышите, что я вамъ говорю.

Фальстафъ. Вѣрно, милордъ, вѣрно. Или, съ вашего позволенія, я скорѣе страдаю тѣмъ, что не слушаю, не обращаю вниманія на другихъ.

Судья. Если бы васъ отлупить по пяткамъ, вашъ слухъ бы излѣчился. Я, кажется, не откажусь быть вашимъ докторомъ.

Фальстафъ. Я бѣденъ, какъ Іовъ, милордъ, но не такъ терпѣливъ. Вы можете прописать мнѣ микстуру тюремнаго заключенія, въ виду моей бѣдности, но выполняю ли я ваши предписанія; мудрецъ можетъ сомнѣваться на драхму или на цѣлый скрупуль.

Судья. Я послалъ за вами, чтобы поговорить о дѣлѣ по обвиненію, которое могло вамъ стоить жизни.

Фальстафъ. А я, по совѣту моего очень опытнаго въ англійскихъ законахъ адвоката, не явился.

Судья. Дѣло въ томъ, сэръ Джонъ, что вы живете въ большомъ беззаконіи.

Фальстафъ. Кому нуженъ такой поясъ какъ мнѣ, не можетъ жить въ меньшемъ.

Судья. У васъ средства малыя, а аппетиты большіе.

Фальстафъ. Я хотѣлъ бы, чтобы это было наоборотъ: чтобы мои средства были больше, а аппетитъ поменьше.

Судья. Вы совратили съ праваго пути молодого принца.

Фальстафъ. Молодой принцъ совратилъ меня; я толстобрюхій слѣпой, а онъ моя собака.

196

Судья. Ну, да я не хочу растравлять только что зажившую рану. Ваше поведеніе въ Шрюсбери нѣсколько загладило ваши ночные подвиги въ Гэдстилѣ; благодарите наше безпокойное время за то, что васъ оставили въ покоѣ по тому дѣлу.

Фальстафъ. Милордъ!

Судья. Но разъ все обошлось, держитесь смирно, чтобы не разбудить спящаго волка.

Фальстафъ. Будить волка такъ же плохо, какъ нюхать слѣдъ лисицы.

Судья. Вы точно свѣчка, лучшая часть которой уже сгорѣла.

Фальстафъ. Большая праздничная свѣча вся изъ сала. Если бы я даже сказалъ – восковая, то мой объемъ подтвердилъ бы это.

Судья. Каждый сѣдой волосъ на вашемъ лицѣ долженъ былъ бы увеличивать вашу внушительность.

Фальстафъ. А развѣ мой вѣсъ не внушительнъ?

Судья. Вы всюду слѣдуете за молодымъ принцемъ, какъ злой ангелъ.

Фальстафъ. Ну, нѣтъ, милордъ, дурной ангелъ очень легокъ, а кто на меня взглянетъ, тотъ навѣрное приметъ меня, не провѣряя вѣса; а все-таки въ нѣкоторомъ отношеніи, сознаюсь, я не имѣю курса. Въ наше продажное время добродѣтель такъ упала въ цѣнѣ, что истиннымъ храбрецамъ остается водить медвѣдей, умницамъ наниматься въ трактирные слуги и тратить свою находчивость на представленіе счетовъ. Всѣ другія качества, присущія человѣку, по нынѣшнимъ злымъ временамъ не стоятъ выѣденнаго яйца. Вы, старики, не понимаете, на что мы, молодые, способны; вы мѣрите нашъ жаръ горечью вашей желчи; а мы, находящіеся въ авангардѣ молодости, я долженъ сознаться, склонны иногда къ сумасбродствамъ.

Судья. Какъ, это вы причисляете себя къ молодымъ, будучи отмѣчены всѣми признаками старости: развѣ у васъ глаза не слезятся, руки не высохли, щеки не пожелтели, борода не побѣлѣла, ноги не ослабли, а животъ не отвисъ? Развѣ у васъ не разбитый голосъ, не короткое дыханіе, не двойной подбородокъ и не слабый умъ, - все въ васъ одряхлѣло отъ старости, а вы все-таки считаете себя молодымъ. Стыдно, сэръ Джонъ, стыдно!

Фальстафъ. Милордъ, я родился около трехъ часовъ пополудни съ бѣлой головой и круглымъ животомъ. Что касается моего голоса, то я потерялъ его отъ постоянного оранія и церковныхъ пѣсень. Я не хочу приводить другихъ доказательствъ моей молодости. Если я старъ, то только умомъ и разсудительностью, и если кто хочетъ биться со мной объ закладъ на тысячу

марокъ въ томъ, кто лучше прыгаетъ – пусть дастъ деньги, и тогда посмотримъ. Что касается пощечины, которую вамъ далъ принцъ, то онъ поступилъ какъ невѣжливый принцъ, а вы получили ее, какъ разсудительный лордъ. Я его за это выругалъ и молодой левъ кается; конечно, онъ не сидитъ въ рубищѣ и не посыпаетъ голову пепломъ, а, напротивъ, одѣтъ въ новый атласъ и распиваетъ старый хересъ.

Судья. Пошли Господь принцу лучшаго товарища!

Фальстафъ. Пошли Господь товарищу лучшаго принца. Я не знаю, какъ развязаться съ нимъ.

Судья. Ну, да вѣдь король разлучилъ васъ съ принцемъ Генрихомъ. Я слышалъ, что вы отправляетесь съ лордомъ Джономъ Ланкастерскимъ противъ архіепископа и графа Нортomberлэнда.

Фальстафъ. Да, благодаря вашимъ маленькимъ стараніямъ. Но вы всѣ, покоющіеся дома въ объятіяхъ мира, молитесь о томъ, чтобы наша армія не сошлась съ врагами въ жаркій день, - потому что, клянусь Господомъ, я взялъ съ собой только двѣ рубашки и вовсе не желаю слишкомъ потѣть. Если день будетъ жаркій, то пусть мнѣ никогда не выплевывать больше бѣлой слюны, если я буду размахивать чѣмъ нибудь, кромѣ бутылки. Чуть только гдѣ опасное дѣло, какъ меня непременно туда посылаютъ. Но вѣдь я не вѣченъ. Таковы ужъ наши англичане: если у нихъ заведется что-нибудь хорошее, они этимъ не дорожатъ. Если вы настаиваете на томъ, что я старъ, дали бы мнѣ отдохнуть. Лучше бы ужъ мое имя не приводило въ такой ужасъ непріятеля. Лучше быть изъѣденнымъ ржавчиной, чѣмъ истереться въ ничто отъ вѣчнаго движенія.

Судья. Ну, будьте честнымъ человѣкомъ, будьте честнымъ и да благословить Господь вашъ походъ.

Фальстафъ. Не одолжите-ли вы мнѣ, милордъ, тысячу фунтовъ на подъемъ?

Судья. Ни одного пенни: вы слишкомъ нетерпѣливы, чтобы вамъ давать кресты. Прощайте, передайте привѣтъ моему кузену Вестморлэнду. *(Уходятъ судья и помощникъ)*.

Фальстафъ. Пусть мнѣ дадутъ щелчка

въ носъ, если я передамъ твое порученіе. Видно, старость такъ же неразлучна со скупостью, какъ молодость съ распутствомъ. Зато подагра мучаетъ старость, а венера молодость и обѣ эти болѣзни дѣлаютъ ненужными мои дальнѣйшія проклятія. Мальчикъ!

Пажъ. Сэръ?

Фальстафъ. Сколько денегъ у меня въ кошелькѣ?

Пажъ. Семь гротовъ и два пенса.

Фальстафъ. Не могу найти лѣкарства противъ карманной чахотки. Займы только нѣсколько затягиваютъ ее, но болѣзнь неизлѣчима. – Поди, снеси это письмо лорду Ланкастерскому, это принцу, это графу Вестморлэнду, - а это старой мистриссъ Урсулѣ, которой я еженедѣльно клянусь жениться съ тѣхъ поръ,

какъ у меня появился первый бѣлый волосъ въ бородѣ. Ступай! ты знаешь, гдѣ отыскать меня. (*Пажъ уходитъ*). Ахъ, чтобъ чортъ наслалъ венеру на эту подагру, или подагру на венеру. И та и другая пошаливаютъ въ моемъ большомъ пальцѣ, на ногѣ. Ну, да не бѣда, что я хромаю – я могу все свалить на войну, и тѣмъ легче добиться пенсіи. Умный человѣкъ можетъ все обратить въ свою пользу. Я съумѣю извлечь выгоду даже изъ болѣзней.

СЦЕНА III.

Йоркъ. Комната въ архіепископскомъ дворцѣ.

Входятъ архіепископъ, лорды Гастингсъ, Мобрэ и Бардольфъ.

Архіепископъ.

Теперь извѣстны вамъ нашъ планъ и средства.

Прошу васъ, благородные друзья,

Открыто мнѣнне высказать о нашихъ

Надеждахъ на успѣхъ. Вы, лордъ маршалъ,

Начните. Что намъ скажете?

Мобрэ.

Причины,

Приведшія къ возстанью, одобряю.

Но я-бъ хотѣлъ подробнѣе узнать,

На столько-ли велики наши силы,

Что можемъ съ гордо поднятымъ челомъ

Взирать на мощь отрядовъ королевскихъ.

Гастингсъ.

Теперь по спискамъ тысячъ двадцать пять

Отборнаго насчитываемъ войска.

Къ тому-же съ подкрѣпленьями большими

Мы ждемъ великаго Нортomberлэнда,

Чей духъ горитъ враждой непримиримой.

Лордъ Бардольфъ.

Вопросъ, лордъ Гастингсъ, вотъ въ чемъ: наши двадцать

Пять тысячъ войска устоятъ-ли могутъ

Безъ помощи Нортomberлэнда?

Гастингсъ.

Могутъ,

Но съ помощью его.

Лордъ Бардольфъ.

Все дѣло въ этомъ.

Но если безъ него мы слишкомъ слабы,

То мой совѣтъ – не заходить далеко,

Пока у насъ не будетъ эта помощь

Въ рукахъ: въ такомъ кровавомъ предпріятіи

Не должно допускать предположеній,

Надеждъ на чью-то помощь, ожиданій.

Архієпископъ.

Лордъ Бардольфъ правъ вполнѣ. Не оттого-ли
Подъ Шрюсбери палъ Готспуръ молодой?

Лордъ Бардольфъ.

О, да, милордъ! Надеждами питаюсь,
Проглатывая воздухъ обѣщаній,
Онъ жилъ мечтами о громадномъ войскѣ, -
Оно-жъ на дѣлѣ оказалось меньше
Его мечты скромнѣйшей. Такъ, увлекшись
Воображеніемъ, свойственнымъ безумью,
Своихъ друзей на гибель онъ повелъ
И самъ, глаза зажмуря, прыгнулъ въ бездну.

Гастингсъ.

Но никогда, сознайтесь, не вредило
Счетъ быточнымъ надеждамъ подводить.

Лордъ Бардольфъ.

Въ такой войнѣ, какъ наша, это вредно.
Когда ужъ все готово и въ ходу,
Опасно жить надеждами на помощь,
Какъ раннею весной, на почки глядя,
Считать плоды: надежда, что онѣ
Созрѣютъ, не прочнѣе опасенія,
Что ихъ побьетъ морозъ. Чтобъ строить домъ,
Мы почву изучаемъ, чертимъ планъ
И по размѣрамъ счетъ кладемъ расходамъ.
Когда же смѣта выше нашихъ средствъ,
Мы планъ мѣняемъ, сокративъ размѣры,
Иль вовсе мысль бросаемъ о постройкѣ.
Тѣмъ болѣе въ такомъ громадномъ дѣлѣ,
Какъ разрушеніе въ цѣломъ государства,
И возведеніе новаго, должны мы
Подробно мѣстность изучить и планы,
Условиться о прочномъ основаніи,

198

Строителей спросить, размѣрить средства,
Узнать, способны-ль мы окончить дѣло
И взвѣсить возраженія всѣ. Не то
Мы укрѣпимся только на бумагѣ,
Взамѣнъ солдатъ получимъ имена,
И будемъ мы, какъ тотъ, кто выше средствъ
Составилъ планъ на зданіе, и, достроивъ
До половины, долженъ прекратить

Постройку и оставить цѣнный срубъ
Безъ крыши, - тучамъ плачущимъ въ добычу,
Неистовству зимы на расхищенье.

Гастингсъ.

Но даже допустивъ, что наши всѣ
Столь много обѣщавшія надежды
Должны мертворожденными остаться,
Что больше не дожидаться намъ на помощь
Ни одного солдата, полагаю,
Что наша рать достаточно сильна,
Чтобъ потягаться съ войскомъ королевскимъ.

Лордъ Бардольфъ.

Ужель у короля всего лишь двадцать
Пять тысячъ человѣкъ?

Гастингсъ.

На нашу долю

Не болѣе, лордъ Бардольфъ, даже меньше.
При смутахъ нашихъ дней онъ на три части
Былъ вынужденъ все войско подѣлить.
Одна готова съ Франціей сражаться,
Другая – съ Глендоверомъ, только третья
Пойдетъ на насъ. Такъ, войско раздѣливъ
На три отряда, сталъ король безсиленъ.
Его-же сундуки звукъ издають
Печальной пустоты.

Архіепископъ.

Того, что стянетъ

Онъ всѣ войска и противъ насъ направитъ,
Намъ нечего бояться.

Гастингсъ.

Если-бъ онъ

Такъ поступилъ, оставивъ тылъ открытымъ,
Французъ съ валлійцемъ стали-бы хватать
Его за пятки. Нечего бояться.

Лордъ Бардольфъ.

Кто противъ насъ вести назначенъ войско?

Гастингсъ.

Принцъ Джонъ Ланкастерскій и Вестморлэндъ.
Король и Гарри Монмутъ угрожаютъ
Валлійцу. Кто-жъ вождемъ назначенъ противъ
Французовъ, неизвѣстно мнѣ.

Архіепископъ.

Итакъ,

Впередъ. И всенародно объявимъ

Причины, породившія возстанье.
Народу сталъ претить его избранникъ,
И похоть пресыщеніемъ смѣнилась.
Непрочна, неустойчива обитель
Того, кто строитъ на любви народной.
О, буйная толпа! Съ какимъ восторгомъ
Ты небо потрясала похвалами,
Въ честь Болингброка, до того какъ сталъ
Онъ тѣмъ, чѣмъ ты хотѣла, чтобъ онъ сталъ.
Теперь-же, какъ сбылись твои желанья,
Ты такъ полна имъ, грубая обжора,
Что хочешь изъ себя его изрыгнуть.
Такъ, о, собака гнусная, извергла
Ты изъ своей утробы ненасытной
Прекраснаго Ричарда, а теперь
Блевотину свою пожрать желаешь
И воешь, чтобъ тебѣ ее вернули.
Кому-же нынче вѣрить? Тѣ, кто смерти
Желали Ричарду, когда онъ жилъ,
Теперь въ его могилу вдругъ влюбились.
Ты, въ голову священную его
Бросавшій грязью въ день, когда, вздыхая,
Онъ слѣдовалъ черезъ кичливый Лондонъ
За Болингброкомъ, славою покрытымъ, -
Теперь вопишь: "земля, верни того
Мнѣ короля, а этого возьми".
Превратный духъ людей. Въ быломъ, въ грядущемъ
Все хорошо, все дурно въ днѣ текущемъ.

Мобрэ.

Итакъ, мы всѣ готовы для борьбы.

Гастингсъ.

Такъ хочетъ время. Мы – его рабы.

(Уходятъ).

199

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица.

Входятъ хозяйка, Коготь и его мальчикъ; потомъ Силокъ.
Хозяйка. Мистеръ Коготь, занесли ли вы мою жалобу въ списокъ?
Коготь. Занесъ.

Хозяйка. Гдѣ-же вашъ помощникъ? А сильный онъ человѣкъ? Сѹмѣетъ онъ постоять за себя?

Коготь. Эй, мальчикъ, гдѣ Силокъ?

Хозяйка. О, Господи! гдѣ милый мистеръ Силокъ?

Силокъ. Здѣсь.

Коготь. Силокъ, мы должны арестовать сэра Джона Фальстафа.

Хозяйка. Да, милый мистеръ Силокъ, я подала на него ко взысканію.

Силокъ. Это можетъ кому нибудь изъ насъ стоить жизни, - онъ возьмется за оружіе.

Хозяйка. Ахъ, Господи, берегитесь его: онъ брался за оружіе, нападая на меня самымъ скотскимъ образомъ въ моемъ собственномъ домѣ. Ему вѣдь ей Богу все нипочемъ, когда онъ обнажитъ оружіе; онъ кидается, какъ дьяволъ; онъ не пощадитъ ни мужчину, ни ребенка.

Коготь. Мнѣ бы только съ нимъ сѣѣпиться, а его ударовъ я не боюсь.

Хозяйка. Я тоже не боюсь, я около васъ стоять буду.

Коготь. Пусть онъ только попадется мнѣ въ лапы.

Хозяйка. Его уходъ для меня чистое разореніе; онъ безконечно много задолжалъ мнѣ. Милый мистеръ Коготь, задержите его; милый мистеръ Силокъ, не дайте ему улизнуть. Онъ, съ вашего позволенія, пошелъ покупать сѣдло въ Паштетный уголъ, а потомъ собирался обѣдать въ "Леопардовой Головѣ" на Ломбардской улицѣ, у торговца шелковыми товарами, мистера Смута. Прошу васъ, разъ моя жалоба записана и дѣло мое извѣстно всему свѣту, заставьте его расплатиться. Сто марокъ не шутка для бѣдной одинокой женщины; а я все ждала и ждала безъ конца, и онъ меня все обманывалъ, и обманывалъ, все отсрочивалъ платежъ со дня на день, - стыдно даже вспомнить. Такъ поступать безчестно, и если женщина не осель и не животное, она не снесетъ обиды отъ всякаго. (*Входятъ сэръ Джонъ Фальстафъ, пажъ и Бардольфъ*). Вотъ онъ идетъ, и съ нимъ этотъ красноносый мерзавецъ, Бардольфъ. Исполняйте же вашу обязанность, мистеръ Коготь и мистеръ Силокъ, пожалуйста, исполняйте ее - ради меня.

Фальстафъ. Что такое, - чья кобыла подохла, что случилось?

Коготь. Сэръ Джонъ, я арестую васъ, по взысканію мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Прочь, холопы. Обнажи мечъ, Бардольфъ! Отруби голову этому негоднику, и брось эту шлюху въ канаву.

Хозяйка. Меня въ канаву? Подожди, я тебя самого брошу въ канаву. Ахъ, ты ублюдокъ, ахъ мерзавецъ! Караулъ, рѣжутъ! Ахъ, ты разбойникъ, хочешь убить господнихъ и королевскихъ слугъ? Ахъ, ты душегубъ, мужеубійца и женоубійца!...

Фальстафъ. Убери ихъ, Бардольфъ.

Коготь. На помощь! на помощь!

Хозяйка. Добрые люди, приведите помощь или двѣ помощи!... Такъ ты не хочешь? Пойдешь, подлецъ, пойдешь, пеньковая петля!

Фальстафъ. Прочь, судомойка, прочь, бѣшеная баба, мразь, - а не то тебѣ влетитъ!

(Входитъ верховный судья со свитой).

Судья. Что случилось? Что за шумъ?

Хозяйка. Милордъ, заступитесь за меня, молю васъ, заступитесь!

Судья.

Сэръ Джонъ! Вы вновь буяните? Теперь

При вашемъ назначеніи и чинѣ?

Вамъ быть бы нужно на дорогѣ въ Іоркъ.

Прочъ, господа! Зачѣмъ къ нему пристали?

Хозяйка. Ахъ, высокопочтенный лордъ, я бѣдная вдова изъ Истчипа, и онъ арестованъ по моему взысканію.

Судья. На какую сумму?

Хозяйка. Больше чѣмъ за простую ссуду, милордъ. Онъ у меня отнялъ все, что у меня есть. Онъ съѣлъ меня со

200

всѣмъ моимъ хозяйствомъ и домомъ. Все мое состояніе перешло въ это толстое брюхо; но я выцарапаю хоть что-нибудь обратно, или буду давить тебя по ночамъ, какъ кошмаръ.

Фальстафъ. Ну, я самъ съумѣю давить тебя, если только удастся вскарабкаться.

Судья. Что это значить, сэръ Джонъ? Стыдитесь! Какъ можетъ порядочный человѣкъ переносить такую бурю ругательства? Какъ вамъ не стыдно заставлять бѣдную вдову прибѣгать къ такимъ грубостямъ для возвращенія ея собственности?

Фальстафъ. Какую такую сумму я тебѣ долженъ? Говори!

Хозяйка. Будь ты честный человѣкъ, ты зналъ бы, что задолжалъ мнѣ не только деньгами, но и своей особой. Помнишь, ты клялся мнѣ на золоченомъ кубкѣ, - это было въ моей дельфиновой комнатѣ, у круглаго стола, передъ каминомъ, гдѣ пылалъ каменный уголь, въ срѣду послѣ Духова дня, когда принцъ разбилъ тебѣ голову за то, что ты сравнилъ его отца съ виндзорскимъ пѣвчимъ... да, ты клялся мнѣ, когда я промывала тебѣ рану, что женишься на мнѣ, и сдѣлаешь меня барыней. Станешь ты это отрицать? Тутъ еще вошла ко мнѣ сосѣдка Кичъ, жена мясника, и назвала меня кумушкой Квикли. Она пришла взять займы уксусу, такъ какъ готовила въ этотъ день блюдо изъ раковъ; тебѣ еще захотѣлось поѣсть ихъ, а я сказала, что ѣсть раковъ вредно при свѣжей ранѣ. Развѣ ты мнѣ не сказалъ послѣ ея ухода, чтобы я не разговаривала слишкомъ фамиллярно съ такими людишками, потому что они меня скоро будутъ звать барыней? Развѣ ты не поцѣловалъ меня и не велѣлъ принести тебѣ тридцать шиллинговъ. Я тебя заставляю присягнуть на Библии - попробуй отпереться.

Фальстафъ. Милордъ, она жалкая помѣшанная; она на весь городъ кричитъ, что ея старшій сынъ похожъ на васъ. У нея было прежде хорошее состояніе, но она обѣднѣла и вслѣдствіе этого лишилась разсудка. А что касается этихъ глупыхъ судейскихъ, то я требую удовлетворенія.

Судья. Сэръ Джонъ, сэръ Джонъ я хорошо знаю вашу манеру извращать истину. Ваша увѣренность, и весь этотъ потокъ словъ, который вы извергаете съ такой безстыдной наглостью, не заставятъ меня отступить отъ безпристрастія. Я

вижу, что вы злоупотребили слабыхарактерностью этой женщины, и пользовались ея деньгами и ею самою.

Хозяйка. Истинно такъ, милордъ.

Судья. Помолчи, пожалуйста. Заплатите ей долгъ и загладьте вашу вину относительно нея. Первое вы можете сдѣлать уплатой звонкой монеты, а второе искреннимъ раскаяніемъ.

Фальстафъ. Милордъ, я не могу оставить этого выговора безъ отвѣта. Вы называете благородную смѣлость безстыдною наглостью; по вашему, добродѣтеленъ тотъ, кто отвѣшиваетъ поклоны и молчитъ. Нѣтъ, милордъ, при всемъ моемъ почтеніи къ вамъ, я вамъ кланяться не стану. Я требую, чтобы меня освободили отъ этихъ стражей, такъ какъ у меня спѣшное дѣло на королевской службѣ.

Судья. Вы какъ будто считаете себя вправѣ поступать беззаконно, но лучше отвѣтите дѣломъ, а чтобы сохранить доброе имя, удовлетворите эту бѣдную женщину.

Фальстафъ. Иди сюда, хозяйка (*отводитъ ее въ сторону*).

(*Входитъ Гоуэръ*).

Судья. Что слышно, мистеръ Гоуэръ?

Гоуэръ.

Милордъ, король и принцъ Уэльскій вскорѣ

Прибудутъ. Здѣсь прочтете остальное.

(*Передастъ письма*).

Фальстафъ. Клянусь, какъ дворянинъ!

Хозяйка. Нѣтъ – это я уже слышала.

Фальстафъ. Даю слово дворянина – и не будемъ больше говорить объ этомъ.

Хозяйка. А я клянусь тебѣ этой небесной землей, по которой я ступаю, что мнѣ придется заложить посуду и драпировки изъ столовой.

Фальстафъ. Оставь только стаканы – это все, что нужно для питья. А что касается стѣнъ – то если повѣсить на нихъ какую-нибудь веселую картинку, исторію блуднаго сына, или германскую охоту, написанную акварелью, это лучше будетъ тысячи занавѣсокъ или изъѣденныхъ молюю драпировокъ. Ну, дай хоть десять фунтовъ, если можешь. Право, еслибы не твои капризы, во всей Англіи не было бы лучшей женщины, чѣмъ ты. Ну поди, вымой лицо, и возьми назадъ свою жалобу. Право, не слѣдь тебѣ ссориться со мной. Неужели ты мнѣ не вѣришь? Вѣдь я знаю, что тебя другіе настроили противъ меня.

Хозяйка. Пожалуйста, сэръ Джонъ,

удовольствуйтесь двадцатью ноблями. Право, мнѣ не хочется нести въ залогъ посуду.

Фальстафъ. Ну, какъ хочешь – я ужъ какъ нибудь извернусь. Ты весь вѣкъ будешь дурой.

Хозяйка. Хорошо, хорошо – будутъ вамъ деньги, хотя бы мнѣ пришлось заложить платьѣ. Надѣюсь, вы придете ужинать? Такъ вы мнѣ сразу все выплатите?

Фальстафъ. Умереть мнѣ на мѣстѣ... (*Бардольфу*). Иди за ней, иди за ней, и не отставай.

Хозяйка. Не позвать ли къ ужину Долли Тиршитъ?

Фальстафъ. Полно толковать – позови ее, позови.

(*Уходятъ хозяйка, Бардольфъ, чиновники и мальчикъ*).

Судья. Новости то не изъ пріятныхъ.

Фальстафъ. Какія вѣсти, милордъ?

Судья. Гдѣ провелъ король прошлую ночь?

Гоуэръ. Въ Базингстокъ, милордъ.

Фальстафъ. Надѣюсь, милордъ, что все обстоитъ благополучно? Какія вѣсти у васъ, милордъ?

Судья. Всѣ ли войска съ нимъ?

Гоуэръ.

Нѣтъ, тысячу пятьсотъ пѣхоты разной

И всадниковъ пятьсотъ послалъ онъ къ лорду

Ланкастрскому на помощь противъ войскъ

Епископа Іоркскаго и графа Нортomberлэнда.

Фальстафъ. Развѣ король возвращается изъ Уэльса, милордъ?

Судья. Я вамъ немедленно дамъ письма. Пойдемте со мной, мистеръ Гоуэръ!

Фальстафъ. Милордъ...

Судья. Что вамъ угодно?

Фальстафъ. Мистеръ Гоуэръ, позвольте пригласить васъ отобѣдать со мной.

Гоуэръ. Благодарю васъ, сэръ Джонъ, - меня требуетъ къ себѣ милордъ.

Судья. Вы напрасно медлите здѣсь, сэръ Джонъ, вмѣсто того, чтобы вербовать солдатъ въ графствахъ.

Фальстафъ. Не отужинаете ли вы со мной, мистеръ Гоуэръ?

Судья. Какой дуракъ научилъ васъ такимъ манерамъ, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Мистеръ Гоуэръ, если онѣ мнѣ не къ лицу, то конечно тотъ, кто меня имъ научилъ – дуракъ. Вотъ какъ слѣдуетъ фехтовать, милордъ, ударъ за ударъ! А затѣмъ, прощайте.

202

Судья. Ну, да просвѣтитъ тебя Господь! Ты большой дуракъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же; другая улица.

Входятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ.

Принцъ Генрихъ. Я ужасно усталъ, ей Богу.

Пойнсъ. Неужели? я не думалъ, чтобы усталость смѣла посягнуть на такую высокорожденную особу!

Принцъ Генрихъ. Однако это такъ, хотя такое признаніе можетъ быть и заставляетъ краснѣть мое величіе. Не низменно-ли также пожелать выпить простого пива?

Пойнсъ. Да, принцу слѣдовало бы быть болѣе утонченнымъ и не думать о такихъ жалкихъ напиткахъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, значить мой аппетитъ не княжескій – потому что я теперь именно хочу скромнаго простого пива. Но, дѣйствительно, скромность моихъ вкусовъ расходится съ моимъ высокимъ саномъ. Развѣ мнѣ пристало помнить твое имя? Или узнавать тебя на слѣдующій день, или знать, сколько у тебя паръ шелковыхъ чулокъ, т. е. помнить, что кромѣ вотъ этихъ у тебя есть еще другіе персиковаго цвѣта? Или вести счетъ твоимъ рубашкамъ, знать, что есть одна для смѣны, другая на тѣлѣ? Впрочемъ, это знаетъ лучше меня сторожъ при площадкѣ для игры въ теннисъ; если тебя тамъ нѣтъ съ ракеткой въ рукахъ, значить бѣлье твое уплыло... А ты давно не игралъ, потому что на свои нидерланды извелъ все свое голландское полотно. Богъ вѣсть, заслужать ли царства небеснаго тѣ дѣти, которыя пицатъ изъ остатковъ твоего полотна, разорваннаго на пеленки; впрочемъ, по увѣренію повивальныхъ бабокъ, дѣти не повинны въ томъ, что міръ все болѣе заселяется и родственныя связи разрастаются.

Пойнсъ. Какъ не вяжутся съ вашимъ серьезнымъ дѣломъ такія праздныя шутки! Скажите сами, какой другой добродѣтельный принцъ велъ бы такія рѣчи, если бы отецъ его былъ такъ боленъ, какъ вашъ теперь?

Принцъ Генрихъ. Сказать тебѣ кое-что, Пойнсъ?

Пойнсъ. Скажите, только ужъ пожалуйста что-нибудь очень хорошее.

Принцъ Генрихъ. Для такого ограниченнаго ума, какъ твой, мои слова будутъ достаточно хороши.

Пойнсъ. Говорите, я уже приготовился къ тому, что вы скажете.

Принцъ Генрихъ. Ну, такъ вотъ – мнѣ не подобаетъ быть грустнымъ, когда мой отецъ боленъ; хотя я признаюсь тебѣ, котораго, за неимѣніемъ лучшаго, мнѣ угодно называть другомъ, что я печаленъ, и даже очень.

Пойнсъ. Едва ли изъ за этого.

Принцъ Генрихъ. Клянусь этой рукой, ты, кажется, думаешь, что я записанъ въ книгу дьявола такими же неизгладимыми буквами, какъ ты и Фальстафъ, за свою черствость и закоснѣлость. Но поживемъ – увидимъ. Я говорю тебѣ, что сердце мое обливается кровью при мысли о болѣзни отца и только въ такомъ бурномъ обществѣ, какъ твое, я долженъ удерживаться отъ проявленія моей печали.

Пойнсъ. А по какой причинѣ?

Принцъ Генрихъ. Что бы ты подумалъ обо мнѣ, если бы я заплакалъ?

Пойнсъ. Я подумалъ бы, что ты изъ всѣхъ принцевъ самый большой лицемеръ.

Принцъ Генрихъ. И всякій подумалъ бы то же самое; твое счастье, что ты думаешь, какъ всѣ; ничьи мысли на свѣтѣ такъ не держались избитаго пути, какъ твои; конечно, каждый счелъ бы меня лицемеромъ. А что собственно склоняетъ твою высокочтимую мысль къ такому заключенію?

Пойнсъ. Твое распутство и твоя близость къ Фальстафу.

Принцъ Генрихъ. И къ тебѣ.

Пойнсъ. Клянусь свѣтомъ дня, я пользуюсь хорошей славой – это я слышалъ собственными ушами; самое худшее, что обо мнѣ могутъ сказать, это то, что я младшій сынъ и потому живу на свой собственный страхъ. Ни того, ни другого я, сознаюсь, не могу отвратить... Клянусь обѣдой, вотъ идетъ Бардольфъ.

(Входятъ Бардольфъ и пажъ).

Принцъ Генрихъ. А съ нимъ и мальчикъ, котораго я приставилъ къ Фальстафу. Онъ былъ совсѣмъ еще христіанскимъ ребенкомъ, когда поступилъ къ нему, а теперь, смотри – этотъ жирный мерзавецъ превратилъ его въ настоящую обезьяну.

Бардольфъ. Да хранить Господь вашу милость!

203

Принцъ Генрихъ. И вашу, благороднѣйшій Бардольфъ.

Бардольфъ *(пажу)*. Ну, ты, добродѣтельный осель, застѣнчивый дуракъ, чего ты постоянно краснѣешь? Почему ты теперь покраснѣлъ? Не солдатъ ты, а красная дѣвица. Велика важность осушить кружку пива въ четыре пинты.

Пажъ. Онъ только что позвалъ меня, милордъ, черезъ красный ставень харчевни и я не могъ различить черезъ окно ни одной части его лица. Наконецъ, я разглядѣлъ его глаза: мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ двѣ дыры въ новой юбкѣ трактирщицы и выглядываетъ оттуда.

Принцъ Генрихъ. Вотъ видишь, мальчикъ, кажется, сдѣлалъ успѣхи.

Бардольфъ. Пошелъ вонъ, непотребный двуногій заяцъ! пошелъ вонъ!

Пажъ. Пошелъ вонъ, безпутный сонъ Алтеи!

Принцъ Генрихъ. Какой такой сонъ, мальчикъ, объясни намъ?

Пажъ. Да видите, милордъ, Алтеѣ приснилось, что она родила пылающую головню; вотъ я и прозвалъ его сномъ Алтеи.

Принцъ Генрихъ. Объясненіе это стоитъ кроны. Вотъ тебѣ, мальчикъ *(даетъ ему деньги)*.

Пойнсъ. Если бы можно было уберечь этотъ прекрасный бутонъ отъ червей! Ну, вотъ тебѣ шесть пенсовъ, чтобы ты не пропалъ.

Бардольфъ. Если вы не позаботитесь о томъ, чтобы его вздернули, вы нанесете обиду висѣлицѣ.

Принцъ Генрихъ. А какъ поживаетъ твой господинъ, Бардольфъ?

Бардольфъ. Хорошо, добрый лордъ. Онъ узналъ о пріѣздѣ вашей милости въ Лондонъ – вотъ вамъ письмо *(подаетъ письмо)*.

Пойнсъ. Доставлено съ должнымъ почтеніемъ. Какъ же здоровье твоего начальника, бабьяго лѣта?

Бардольфъ. Тѣло его пребываетъ въ вождѣлѣнномъ здравіи, сэръ.

Пойнсъ. Зато безсмертная часть его нуждается во врачѣ, но это его не печалить – она хоть и больна, да не умираетъ.

Принцъ Генрихъ. Я позволяю этому наросту обходиться со мной запросто, какъ моей собакѣ, и онъ этимъ пользуется – смотри, что онъ пишетъ.

Пойнсъ (*читаетъ*). "Отъ Джона Фальстафа, рыцаря" - при каждомъ случаѣ онъ себя такъ называетъ, какъ люди, которые сродни королямъ; они никогда не уколятъ пальца, не сказавъ: "вотъ пролилась королевская кровь". – Какъ такъ, спрашиваетъ тотъ, кто притворяется непонимающимъ; и отвѣтъ слѣдуетъ такъ же быстро, какъ летитъ шапка съ головы просителя: "я бѣдный родственникъ короля, сэръ".

Принцъ Генрихъ. Да, они непременно хотятъ считаться нашими родственниками, хотя бы для этого пришлось вести родословную отъ Іафета. Прочитай письмо.

Пойнсъ. "Отъ сэра Джона Фальстафа, рыцаря, сыну короля, ближайшему наслѣднику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому, привѣтъ" - да вѣдь это точно официальная бумага.

Принцъ Генрихъ. Читай!

Пойнсъ. "Я хочу уподобиться благороднымъ римлянамъ по краткости". – Онъ вѣроятно думалъ о краткости дыханія, объ одышкѣ. – "Я поручаю себя твоей благосклонности, привѣтствую тебя и уѣзжаю. Не будь слишкомъ близокъ съ Пойнсомъ; онъ такъ злоупотребляетъ твоимъ расположеніемъ, что клянется, будто ты собираешься жениться на его сестрѣ Нелли. Покайся, сколько можешь, въ своихъ грѣхахъ въ свободныя минуты, и прощай. Остаюсь твой или не твой (смотря по твоему обращенію) Джэкъ Фальстафъ для моихъ пріятелей, Джонъ для моихъ братьевъ и сестеръ, сэръ Джонъ для всей Европы". – Милордъ, я обмокну это письмо въ хересъ и заставлю Фальстафа проглотить его.

Принцъ Генрихъ. Ты этимъ заставишь его проглотить десятка два его собственныхъ словъ. Но неужели ты такъ поступаешь со мною, Недъ? Развѣ я долженъ жениться на твоей сестрѣ?

Пойнсъ. Пошли Богъ бѣдняжкѣ не худшую участь! Но я этого никогда не говорилъ.

Принцъ Генрихъ. Вотъ мы такъ праздно убиваемъ время, а души мудрецовъ сидятъ въ облакахъ и смѣются надъ нами. (*Бардольфу*). Твой начальникъ теперь въ Лондонѣ?

Бардольфъ. Да, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ онъ ужинаетъ? Все въ прежнемъ хлѣбѣ кормится старый боровъ?

Бардольфъ. Да, попрежнему, милордъ, въ Истчипѣ.

Принцъ Генрихъ. Въ какой компаніи?

Пажъ. Съ гуляками стараго прихода, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Будутъ съ нимъ женщины?

Пажъ. Ни одной, милордъ, кромѣ мистриссъ Квикли и мистриссъ Долли Тиршитъ.

Принцъ Генрихъ. Это что еще за тварь?

Пажъ. Очень приличная женщина, сэръ, и родственница моего господина.

Принцъ Генрихъ. Такая же родственница, какъ деревенская корова городскому быку. Что-жъ, Недъ, не накрыть ли намъ ихъ за ужиномъ?

Пойнсъ. Я ваша тѣнь, милордъ, я слѣдую за вами.

Принцъ Генрихъ. Слушай, мальчикъ, и ты, Бардольфъ – ни слова вашему господину о томъ, что я пріѣхалъ въ Лондонъ. Вотъ вамъ за ваше молчаніе.

Бардольфъ. Я онѣмѣлъ, сэръ.

Пажъ. Я тоже съумѣю держать языкъ за зубами.

Принцъ Генрихъ. Хорошо, ступай. (*Уходятъ Бардольфъ и пажъ*). Эта Долли Тиршитъ, вѣроятно, нѣчто вродѣ проѣзжей дороги?

Пойнсъ. Навѣрное такая же изъѣзженная, какъ дорога между Сентъ-Альбаномъ и Лондономъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ бы намъ сегодня увидать Фальстафа въ настоящемъ свѣтѣ и такъ, чтобы насъ не видѣли?

Пойнсъ. Одѣнемъ кожанная куртки и передники, и будемъ прислуживать за ужиномъ вмѣсто слугъ.

Принцъ Генрихъ. Изъ бога превратиться въ быка – паденіе не малое. Однако нѣчто подобное бывало съ Юпитеромъ. Изъ принца стать лакеемъ – низменное превращеніе. Но я и на это пойду. Для такой цѣли можно и сумасбродство совершить.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Варквортъ. Передъ замкомъ.

Входятъ Нортomberлэндъ, лэди Нортomberлэндъ и лэди Перси.

Нортomberлэндъ.

Прошу тебя, о нѣжная супруга

И дорогая дочь, свободнымъ дайте

Итти путемъ моимъ дѣламъ печальнымъ.

Не будьте сумрачны, какъ наши дни.

Подобно имъ, не огорчайте Перси.

Лэди Нортomberлэндъ.

Я, что могла, сказала и смолкаю.

Творите, что хотите. Ваша мудрость

Пусть вамъ укажетъ путь.

Нортomberлэндъ.

Увы, любимый другъ,

Я честь свою оставилъ, какъ залогъ,

И лишь отъѣздомъ на войну возможно

Мнѣ выкупить ее.

Лэди Перси.

Во имя Бога,

Не отправляйтесь на войну вы эту!
Ужъ разъ, отецъ, вы слову измѣнили,
Хоть были вы имъ связаны сильнѣй:
Когда родной вашъ Перси, мой сердечно
Любимый Гарри, взоры устремлялъ
На сѣверъ, не увидить-ли отца,
Идущаго съ подмогой, но напрасно.
Кто васъ тогда склонялъ остаться дома?
Въ тотъ страшный день обоимъ вамъ грозила
Потеря чести. Что до васъ, пусть снова
Лучемъ небесъ заблещетъ ваша честь.
Но честь его! Она надъ нимъ всю жизнь
Сверкала, точно солнце средъ лазури,
И свѣтъ ея звалъ къ доблестнымъ дѣламъ
Все рыцарство англійское. Мой Гарри
Былъ зеркаломъ для молодежи знатной.
Одни безногіе не подражали
Его походкѣ. Слишкомъ быстрый говоръ –
Случайный въ немъ природный недостатокъ –
И тотъ сталъ вскорѣ признакомъ героевъ.
Кто-жъ одаренъ былъ тихой, плавной рѣчью,
Тотъ на порокъ достоинство мѣнялъ,
Лишь только-бъ походить на Гарри Перси.
Такъ рѣчь его, походка, образъ жизни,
Любимыя забавы, упражненія
Военныя, привычки и причуды, -
Все становилось зеркаломъ и цѣлью,
Уставомъ, образцомъ для всѣхъ другихъ.
И отъ него, отъ лучшаго изъ смертныхъ,
Отъ чуда средъ людей, кто ни предъ кѣмъ
Еще не отступалъ, вы отступились,
Безъ помощи покинули его
Лицомъ къ лицу съ жестокимъ богомъ смерти,
Средъ войска, гдѣ про доблесть говорило
Лишь имя Готспура. Такъ никогда,
О никогда, молю, не оскорбляйте
Его безплотной тѣни и не будьте
Честнѣй съ другими, чѣмъ вы были съ нимъ.
Оставьте ихъ однихъ. Безъ васъ довольно
Сильны архіепископъ и маршалъ.
Имѣй мой милый Гарри половину
Ихъ войска, я теперь-бы обвивала
Руками шею Готспура и съ нимъ
О смерти Монмута вела бесѣду.

Нортомберлэндъ.

Смири свою печаль, дитя родное,
 Во мнѣ ты бодрость духа убиваешь,
 Оплакивая старыя ошибки.
 Итти я долженъ, чтобъ опасность встрѣтить
 Лицомъ къ лицу. Не то она настигнетъ
 Меня въ другое время болѣ слабымъ.

Лэди Нортомберлэндъ.

Въ Шотландію бѣги, пока народъ
 И знать своей не обнаружатъ силы.

Лэди Перси.

Коль одолѣть имъ короля удастся,
 Пристаньте къ нимъ, сплотите ихъ, какъ обручъ,
 Чтобъ сильное еще сильнѣе стало.
 Но раньше пусть сражаются одни,
 Какъ Гарри вашъ. Вы это допустили,
 И вотъ теперь осталась я вдовой
 Чтобъ вѣчно, сколько-бъ лѣтъ я ни жила,
 Слезами орошать супруга память,
 Пока она не разцвѣтетъ до неба.

Нортомберлэндъ.

Идемъ, идемъ. Душа моя подобна
 Приливу, что достигъ уже предѣла
 И вдругъ остановился безъ движенія.
 Пристать къ архіепископу хотѣлъ я,
 Но тысяча мѣшаетъ мнѣ причинъ.
 Итакъ, въ Шотландію. Тамъ буду ждать, доколѣ
 Судьба не повелитъ предстать на бранномъ полѣ.
(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ тавернѣ Кабаньей Головы, въ Истчипѣ.

Входятъ двое слугъ.

Первый слуга. Зачѣмъ, чортъ возьми, ты принесть печеныя яблоки? Ты вѣдь знаешь, что сэръ Джонъ терпѣть не можетъ печеныхъ яблокъ?

Второй слуга. Ты правъ, клянусь обѣдой. Принцъ однажды поставилъ передъ нимъ блюдо печеныхъ яблокъ и сказалъ ему, что вотъ еще пять сэровъ Джоновъ; снявъ шляпу, онъ добавилъ: "Имѣю честь раскланяться съ этими шестью черствыми, старыми, круглыми, сморщенными рыцарями". Сэръ Джонъ очень злился, но навѣрное уже забылъ объ этомъ.

Первый слуга. Ну, такъ накрой столъ для десерта и поставь ихъ. Поищи, не встрѣтится ли тебѣ гдѣ-нибудь Сникъ съ его музыкантами. Мистриссъ Тиршитъ хотѣла-бы послушать музыку. Поторопись. Въ комнатѣ, гдѣ они ужинали, очень жарко; они сейчасъ придутъ сюда.

Второй слуга. Слушай: сюда сейчасъ придутъ принцъ и мистеръ Пойнсъ; они надѣнутъ наши куртки и передники, и сэръ Джонъ не долженъ объ этомъ знать. Бардольфъ былъ здѣсь и предупредилъ объ этомъ.

Первый слуга. Вотъ такъ потѣха будетъ, чортъ возьми. Отлично придумано.

Второй слуга. Пойду поищу Сника.

(Уходитъ. Входятъ хозяйка и мистриссъ Тиршитъ).

Хозяйка. Право, душечка, у васъ кажется отличная температура! Вашъ пульсикъ рвется такъ быстро, какъ только можно пожелать, а личико у васъ, даю слово, румяное, какъ у розы. Но вы, кажется, выпили слишкомъ много канарскаго вина; оно удивительно какъ пробираетъ и проникаетъ въ кровь, прежде чѣмъ успеешь подумать, что съ тобой такое. Ну, а какъ вы себя теперь чувствуете?

Долли. Немного лучше.

Хозяйка. Хорошо сказано! Доброе сердце лучше золота. Вотъ и сэръ Джонъ.

(Входитъ Фальстафъ, напѣвая).

Фальстафъ. "Когда Артуръ явился ко двору"... вынесите горшокъ... "онъ былъ достойнымъ королемъ". *(Уходитъ слуга).* Какъ вы себя чувствуете, мистриссъ Долли?

Хозяйка. Ей стало дурно - отъ духоты ей грудь сдавило.

Фальстафъ. Всѣ женщины таковы. Какъ только ихъ придавишь – имъ сдѣлается дурно.

Долли. Ахъ, поганый тетеревъ, такъ-то вы меня успокаиваете!

Фальстафъ. Тетерева изъ-за васъ жирѣютъ, мистриссъ Долли.

Долли. Изъ-за меня? нѣтъ, отъ обжорства и болѣзней, а не изъ-за меня.

Фальстафъ. Если повара порождаютъ обжорство, то ты, и такія какъ ты, порождаютъ болѣзни. Эти подарочки мы получаемъ отъ васъ, Долли. Согласись съ этимъ, моя невинная овечка.

Долли. Вовсе нѣтъ! – это вы отбираете у насъ наши цѣпочки и драгоценности.

Фальстафъ. "Брошки, жемчугъ и золото" - когда бьешься храбро, то уходишь съ поля битвы, хромая. Идешь въ атаку,

206

храбро поднявъ пику, а потомъ также храбро идешь къ хирургу, который храбро берется за начиненные колчаны.

Долли. Чтобъ тебя повѣсили, грязный морской угорь!

Хозяйка. Старая исторія, стоитъ вамъ двоимъ встрѣтиться, какъ непременно подеретесь. Вы раздражительны, точно двѣ поджаренныя безъ масла корки, что никакъ не могутъ быть вмѣстѣ, не царапаясь. Что за несчастіе! Долженъ же кто-

нибудь уступить – и, конечно, вы, мистриссъ Долли. Вы слабѣйшій сосудъ и, какъ говорятъ, порожній сосудъ.

Долли. Можетъ ли слабый порожній сосудъ вмѣстить такую бочку? Въ немъ цѣлый грузъ бордосскаго вина: ни на одномъ торговомъ суднѣ трюмъ не бываетъ болѣе нагруженъ. Ну, да ужъ такъ и быть – помиримся, Джэкъ. Ты отправляешься на войну, и какъ знать, увидимся ли мы еще съ тобой (*Входитъ слуга*).

Слуга. Сэръ, пришелъ прапорщикъ Пистоль и хочетъ васъ видѣть.

Долли. Повѣситъ бы его, хвастливаго забіяку. Не пускайте его сюда, - это самый негодный сквернословъ въ Англіи.

Хозяйка. Если онъ забіяка, не пускайте его сюда – ни за что. У меня вѣдь есть сосѣди. Не нужно мнѣ забіякъ, я въ почетѣ у самыхъ лучшихъ людей. Закройте двери! Не пускать забіякъ! Не для того я такъ долго жила, чтобы теперь имѣть дѣло съ забіяками. Закройте двери, прошу васъ.

Фальстафъ. Послушай, однако, хозяйка...

Хозяйка. Пожалуйста успокойтесь, сэръ Джонъ, мы не пустимъ сюда забіякъ.

Фальстафъ. Да развѣ ты не слышишь, что это мой прапорщикъ.

Хозяйка. Глупости, сэръ Джонъ – лучше и не говорите. Вашего забіяку-прапорщика я не впущу. Я была на-дняхъ у мистера Тиссика, нашего комиссара, и онъ мнѣ сказалъ, - это было не далѣе, чѣмъ въ прошлую срѣду: "сосѣдка Квикли, сказалъ онъ, - мистеръ Домбъ, нашъ пастырь, былъ при этомъ; "сосѣдка Квикли", сказалъ онъ, "пускайте къ себѣ только вѣжливыхъ людей, потому что", сказалъ онъ, "про васъ идетъ дурная слава", а я знаю, почему онъ это сказалъ, - "потому что", сказалъ онъ, "вы честная женщина, и на хорошемъ счету; будьте же осторожны, и принимайте гостей съ разборомъ". "Не принимайте", сказалъ онъ, "забіякъ". Я не впущу забіяку. Вы бы перекрестились, если бы слышали, какъ онъ это сказалъ. Нѣтъ, я не пущу сюда забіяку.

Фальстафъ. Онъ не забіяка, хозяйка, а мелкій плутъ. Его хоть по спинѣ гладь, какъ маленькую левретку: онъ не задеретъ и индюшки, если она взъерошитъ перья и будетъ сопротивляться. Позови его, слуга.

Хозяйка. Вы говорите, что онъ плутъ; я не заграждаю путь къ себѣ въ домъ ни честному человѣку, ни плуту, но я не люблю забіякъ. Мнѣ сразу становится дурно при одномъ напоминаніи о нихъ. Потрогайте меня, господа, какъ меня всю трясетъ, посмотрите.

Долли. Правда, хозяйка, вы дрожите.

Хозяйка. Не правда-ли, какъ осиновый листъ? Я не выношу забіякъ.

(*Входятъ Пистоль, Бардольфъ и пажъ*).

Пистоль. Да хранить васъ Господь, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Здравствуй, прапорщикъ Пистоль. Вотъ, Пистоль, я тебя заряжаю стаканомъ хереса – а ты пали въ хозяйку.

Пистоль. Я выпалю въ нее двумя пулями, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Она обстрѣлена, ее такими зарядами не проймешь.

Хозяйка. Я до такихъ напитковъ, какъ ваши пули и заряды, не охотница – и не буду пить больше, чѣмъ влѣзетъ – ни для чьего удовольствія.

Пистоль. Ну, такъ я выпаю въ васъ, мистриссъ Доротея.

Долли. Въ меня? Мнѣ наплевать на тебя, гнусный мерзавецъ. Ахъ, ты низкій оборванецъ, негодяй, обманщикъ, оборвышъ, не имѣющій рубашки на тѣлѣ. Убирайся, заплѣснѣвшій плутъ, убирайся! Я тутъ не для тебя, а для твоего господина.

Пистоль. Я знаю васъ, мистриссъ Доротея.

Долли. Убирайся, негодный карманный воришка! Прочь, мелкій грабитель! Клянусь этимъ виномъ, я воткну ножъ въ твою грязную глотку, если ты будешь приставать ко мнѣ. Убирайся, пьяный негодяй, истасканный шутъ. Съ которыхъ поръ это ты знаешь меня? Господи помилуй, подумаешь, какая важность, что у него два шнура на плечѣ болтаются!

Пистоль. Провалиться мнѣ на мѣстѣ, если я не обомну тебѣ оборки за это.

Фальстафъ. Отстань, Пистоль – не ссорься здѣсь. Убирайся отсюда, Пистоль.

Хозяйка. Да, добрый капитанъ

207

Пистоль, не ссорьтесь здѣсь, гдѣ угодно буяньте, только не здѣсь, дорогой капитанъ.

Долли. Капитанъ? Проклятый обманщикъ! Не стыдно тебѣ величаться капитаномъ? Будь я на мѣстѣ капитановъ, я бы отколотила тебя за то, что присваиваешь себѣ ихъ званіе, не дослужившись до него. Какой ты такой капитанъ? Низкій ты человѣкъ? За что тебя произвели въ капитаны? За то, что ты рвешь оборки у потаскушекъ въ публичныхъ домахъ? Онъ капитанъ! Повѣсить бы его, мерзавца. Онъ живетъ тухлымъ черносливомъ и сухими корками. Онъ капитанъ! Такіе мерзавцы и самое слово "капитанъ", сдѣлали такимъ же мерзкимъ, какъ слово "обладать", которое было хорошимъ словомъ, прежде чѣмъ ему не придали сквернаго смысла. Пора, чтобы настоящіе капитаны положили этому конецъ.

Бардольфъ. Пожалуйста, уйди, милый прапорщикъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Долли, поди сюда на одно слово.

Пистоль. Чтобъ я ушелъ? Нѣтъ, капралъ Бардольфъ. Я способенъ разорвать ее – вотъ что я тебѣ скажу. Я ей отомщу.

Пажъ. Пожалуйста, уйди.

208

Пистоль. Нѣтъ, не раньше чѣмъ упрячу ее въ адъ – въ проклятое озеро Плутона, въ кромѣшную глубину ада, вмѣстѣ съ Эребомъ, и пусть ее мучатъ такими же гнусными пытками. Давайте сюда уды и удилица, говорю я. Спѣшите же, собаки! Тащите ее внизъ, парки. Не Ирена ли передъ нами?

Хозяйка. Добрый капитанъ, успокойтесь, прошу васъ! Теперь поздно. Укротите свой гнѣвъ.

Пистоль.

Вотъ такъ потѣха. Водовозныхъ клячъ,
Одровъ татарскихъ, дѣлающихъ въ день
Съ усилениемъ тридцать верстъ - вдругъ принимать
За Цезарей или за Канибаловъ
Иль за троянскихъ грековъ. Пусть проклятье
Падетъ на нихъ и Цербера, ихъ князя.
И пусть небесный громъ ихъ разразить.
Что спорить намъ изъ-за такого вздора!
Хозяйка. Клянусь душой, капитанъ, очень вы сердитыя слова говорите.
Бардольфъ. Уходите, добрый прапорщикъ, а то дѣло дойдетъ до драки.
Пистоль. Пусть людидохнуть, какъ собаки, а вѣнцы отдаются, какъ булавки.
Не Ирена-ли передъ нами?
Хозяйка. Даю вамъ слово, капитанъ, что такой здѣсь нѣтъ. Господи помилуй,
неужели бы я ее прятала отъ васъ? Ради Бога, успокойтесь.

Пистоль.

Красавица моя Калиполида,
Ѣшь и толстѣй. Эй, хереса сюда!
Si fortune me tormente, sperato me contente.
Бояться-ль залпа? Нѣтъ, пусть врагъ палить.
Эй, хереса! А ты ложись, красотка.

(Кладетъ около себя свою шпагу).

Фальстафъ. Смирно, Пистоль.

Пистоль. Дорогой рыцарь, я цѣлую твой кулакъ. Развѣ мы не видали съ
тобой вмѣстѣ семизвѣздія?

Долли. Ради Бога, сбросьте его съ лѣстницы. Я не могу выносить этого
вздорнаго мерзавца.

Пистоль. Сбросить его съ лѣстницы! Знаемъ мы такихъ голлоуэйскихъ
клячъ, какъ ты!

Фальстафъ. Выброси его, Бардольфъ, какъ негодную игорную марку. Если
онъ болтаетъ, чтобы ничего не сказать, пусть онъ самъ обратится въ ничто.

Бардольфъ. Ну, ступай, ступай.

Пистоль.

Что? Надобно колоть и кровь пускать?

(Схватываетъ шпагу).

Смерть, усыпи-жь меня. Прерви мой скорбный вѣкъ.

Пусть тяжкія, зіяющія раны

Приманятъ трехъ сестеръ. Ты, Атропосъ, ко мнѣ!

Хозяйка. Вотъ такъ исторія завязалась!

Фальстафъ. Мальчикъ, подай шпагу.

Долли. Прошу тебя, Джэкъ, прошу, не обнажай шпаги!

Фальстафъ *(наступая со шпагой на Пистоля)*. Вонъ отсюда!

Хозяйка. Вотъ такъ скандалъ! Я лучше откажусь отъ содержанія таверны,
чѣмъ вѣчно терпѣть такіе страхи и ужасы. Еще произойдетъ убійство, чего добраго.
Ради Бога, спрячьте въ ножны шпаги, спрячьте ихъ. *(Уходятъ Бардольфъ и Пистоль)*.

Долли. Прошу тебя, Джэкъ, успокойся, негодяй ушелъ. Ахъ, ты мой непотребный, храбрый плутишка!

Хозяйка. Не ранены ли вы въ пахъ? Онъ вѣдь, кажется, мѣтилъ вамъ прямо въ животъ.

(Возвращается Бардольфъ).

Фальстафъ. Вытолкалъ ты его за дверь?

Бардольфъ. Да, сэръ, негодяй былъ пьянъ. Вы его ранили, сэръ, въ плечо.

Фальстафъ. Негодяй! какъ онъ смѣлъ задирать меня.

Долли. Ахъ, ты милый плутишка. Бѣдная обезьянка, какъ ты вспотѣлъ! Дай мнѣ вытереть лицо – дай твою мордочку. Ахъ, негодяй! вѣдь я, право, люблю тебя. Ты храбръ, какъ Гекторъ троянскій, ты одинъ стоишь пятерыхъ Агамемноновъ, и въ десять разъ превосходишь всѣхъ девять героевъ. Ахъ, негодникъ!

Фальстафъ. Проклятый мерзавецъ, я его въ другой разъ закачаю на простынѣ.

Долли. Сдѣлай это, если можешь – и я тебя за это покачаю промежъ двухъ простынъ.

(Входятъ музыканты).

Пажъ. Музыка пришла, сэръ.

Фальстафъ. Пусть играютъ. Играйте, господа. Сядь ко мнѣ на колѣни, Долли. Этакій подлый забіяка. Убѣжалъ отъ меня, какъ ртуть, бездѣльникъ!

Долли. Это правда, а ты нападалъ на него, какъ церковная башня. Ахъ, ты

210

маленькій, чистенькій поросеночекъ съ Варѣоломеевской ярмарки. Когда же ты перестанешь драться днемъ и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тѣло для неба?

(Сзади приходятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ, переодѣтые трактирными слугами).

Фальстафъ. Замолчи, милая Долли. Не говори, какъ мертвая голова, и не напоминай мнѣ о моемъ концѣ.

Долли. Скажи, какой характеръ у принца?

Фальстафъ. Онъ пустой, но добрый малый. Изъ него вышелъ бы хорошій хлѣбникъ, онъ сдумѣлъ бы хорошо рѣзать хлѣбъ на куски.

Долли. Говорятъ, что Пойнсъ очень уменъ.

Фальстафъ. Онъ уменъ? Къ чорту эту обезьяну! Умъ его тяжелый, какъ густая тьюксбурійская горчица. Въ немъ столько же остроумія, какъ въ селезнѣ.

Долли. Почему же принцъ его такъ любить?

Фальстафъ. Потому что у него такія же тонкія ноги, какъ у принца и онъ умѣетъ попадать въ цѣль шарами, ѣстъ угрей и укропъ, проглатываетъ зажженные огарки въ винѣ, играетъ въ чехарду съ мальчишками, прыгаетъ черезъ скамейки, сквернословить съ изяществомъ, потому что сапоги на немъ сидятъ гладко, какъ на вывѣскѣ и потому что онъ не создаетъ ссоръ, передавая остроумныя сплетни. У него много такихъ пустяковинныхъ талантовъ,

свидѣтельствующихъ о слабости ума и гибкости тѣла, и за это принцъ держитъ его при себѣ. Вѣдь онъ самъ точь-въ-точь такой же. Если ихъ поставить на двѣ чашки вѣсовъ, достаточно будетъ волоска, чтобы перетянула та или другая.

Принцъ Генрихъ. Не оборвать ли уши этой колесной ступицѣ?

Пойнсъ. Поколотимъ его на глазахъ его шлюхи!

Принцъ Генрихъ. Смотри, этотъ истасканный старикъ заставляетъ чесать себѣ голову, какъ попугай.

Пойнсъ. Не странно ли, что желаніе на столько лѣтъ переживаетъ силу.

Фальстафъ. Поцѣлуй меня, Долли.

Принцъ Генрихъ. Въ нынѣшнемъ году, кажется, происходитъ соединеніе Сатурна и Венеры. Что говоритъ календарь?

Пойнсъ. Посмотри, этотъ огненный Тригонъ, его слуга, примазывается къ старой записной книжкѣ своего господина.

Фальстафъ. Ты только притворно ласкаешь меня.

Долли. Нѣтъ, правда-же, я цѣлую тебя отъ всего сердца.

Фальстафъ. Ведь я старъ, я старъ.

Долли. А я все-таки люблю тебя больше всѣхъ этихъ молокососовъ.

Фальстафъ. Какую матерію подарить тебѣ на юбку? Я получу деньги въ четвергъ, а завтра у тебя будетъ новая шапочка. Спой веселую пѣсню. Уже поздно, пойдемъ спать. Ты забудешь меня, когда я уйду.

Долли. Я заплачу, если будешь такъ говорить. Вотъ увидишь, что я не буду наряжаться до твоего возвращенія. Но послушаемъ музыку до конца.

Фальстафъ. Принеси хересу, Фрэнсисъ!

Принцъ Генрихъ и Пойнсъ (*выступаютъ впередъ*). Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!

Фальстафъ. Какъ, да ты, должно быть, незаконный сынъ короля! А ты не братъ-ли Пойнса?

Принцъ Генрихъ. Ахъ, ты глобусъ грѣховныхъ земель, какую жизнь ты ведешь!

Фальстафъ. Лучшую, чѣмъ ты. Я дворянинъ, а ты трактирный слуга, который только деньги деретъ съ посѣтителей.

Принцъ Генрихъ. Вѣрно, сэръ. И поэтому я отдеру тебѣ уши.

Хозяйка. Да сохранитъ Господь твою милость! Какъ я счастлива, что ты опять въ Лондонѣ. Да благословитъ Господь твое милое личико! Господи Іисусе, такъ вы вернулись изъ Уэльса?

Фальстафъ (*кладетъ руку на плечо Долли*). Клянусь этимъ хрупкимъ тѣломъ и зараженной кровью, что я радъ тебя видѣть, непотребный, царственный безумецъ!

Долли. Какъ, толстый дуракъ, наплевать мнѣ на тебя!

Пойнсъ. Милордъ, онъ помѣшаетъ вашему мщенію и превратитъ все въ шутку, если вы не отколотите его сгоряча.

Принцъ Генрихъ. Ахъ ты, проклятая бочка съ саломъ, какъ мерзко ты говорилъ обо мнѣ въ присутствіи этой честной, добродѣтельной, вѣжливой женщины!

Хозяйка. Да благословить Господь ваше доброе сердце. Она вѣдь дѣйствительно такова.

Фальстафъ. Развѣ ты слышалъ?

Принцъ Генрихъ. Да, и ты, конечно, узналъ меня – какъ узналъ, когда бѣжалъ отъ меня въ Гэдстилъ? Ты зналъ, что я стою у тебя за спиной, и говорилъ все это нарочно, чтобы испытать мое терпѣнье.

211

Фальстафъ. Нѣтъ, нѣтъ, - вовсе не то: я не думалъ, что ты могъ меня услышать.

Принцъ Генрихъ. Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбилъ меня, и тогда я буду знать, какъ съ тобой раздѣлаться.

Фальстафъ. Я тебя не оскорблялъ, Галь, клянусь честью.

Принцъ Генрихъ. Какъ? ты сказалъ, что я хлѣбникъ, разрѣзающій хлѣбъ и еще не знаю что?

Фальстафъ. У меня не было намѣренія оскорбить тебя, Галь.

Пойнсъ. Какъ не было?

Фальстафъ. Никакого оскорбленія не было, Нэдъ, никакого, честный Нэдъ. Я говорилъ о немъ дурно передъ безпутными, чтобы безпутныя его не полюбили. Дѣлая это, я поступалъ, какъ заботливый другъ, какъ преданный подданный. Оскорбленія не было, Галь, никакого, Нэдъ, увѣряю васъ, дѣти мои.

Принцъ Генрихъ. Сознайся, что ты теперь только изъ страха и трусости оскорбляешь эту честную женщину, чтобы примириться съ нами! Развѣ она безпутная? Развѣ твоя хозяйка, которая вотъ здѣсь, безпутная? Или твой пажъ, или честный Бардольфъ, у котораго носъ пылаетъ отъ усердія, развѣ онъ безпутень?

Пойнсъ. Отвѣчай, сгнившій пень, отвѣчай.

Фальстафъ. Дьяволъ отмѣтилъ Бардольфа неизгладимой печатью и лицо его – домашняя кухня Люцифера для поджариванія пьяницъ. Что касается пажъ, то его охраняетъ добрый ангелъ, но чортъ его все-таки одолѣетъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, а женщины?

Фальстафъ. Одна изъ нихъ уже въ аду и поджариваетъ тамъ души грѣшниковъ. Что касается другой – то я долженъ ей деньги и не знаю, попадетъ ли она за это въ адъ.

Хозяйка. Навѣрное нѣтъ, ручаюсь вамъ.

Фальстафъ. Я тоже думаю, что нѣтъ – я думаю, что за это мы въ расчетъ съ тобой. Но за тобой есть еще другой грѣхъ – ты въ своемъ домѣ противозаконно торгуешь мясомъ. Вотъ за это тебѣ придется орать въ аду.

Хозяйка. Всѣ трактирщики дѣлаютъ то же самое. Что значитъ одинъ или два куска баранины за весь постъ.

Принцъ Генрихъ. Вы, сударыня...

Доли. Что говорить ваша милость?

Фальстафъ. Его милость говоритъ то, противъ чего возмущается вся его плоть.

(Стукъ въ дверь).

Хозяйка. Кто тамъ такъ сильно стучится? Посмотри, Фрэнсисъ.

(Входитъ Пето).

Принцъ Генрихъ. А, Пето! Какія вѣсти?

Пето.

Король, родитель вашъ, въ Вестминстеръ прибылъ.

Тамъ двадцать ждетъ измученныхъ гонцовъ,

Пришедшихъ съ сѣвера. А по дорогѣ

Я повстрѣчалъ и обогналъ двѣнадцать

Начальниковъ отрядовъ: всѣ безъ шапокъ

Въ поту бѣгутъ въ харчевню изъ харчевни,

Разыскивая всюду сэра Джона

Фальстафа.

Принцъ Генрихъ.

Пойнсъ. Мнѣ стыдно, Богъ свидѣтель,

Что праздно трачу время дорогое,

Когда, подобно черной тучѣ съ юга,

Мятежъ примчался и пролился ливнемъ

Надъ нашей непокрытой головой.

Дай мечъ и плащъ. – Фальстафъ, покойной ночи.

(Принцъ Генрихъ, Пойнсъ, Пето и Бардольфъ уходятъ).

Фальстафъ. Теперь какъ разъ наступаетъ самый пріятный кусочекъ ночи, и мы должны уйти, не отвѣдавъ его. *(Стукъ въ дверь).* Опять стучать? *(Возвращается Бардольфъ).* Что тамъ еще случилось?

Бардольфъ. Васъ требуютъ ко двору сейчасъ-же, сэръ. Дюжина капитановъ ждетъ у дверей.

Фальстафъ *(нажу)*. Эй ты, заплати музыкантамъ. Прощай, хозяйка, прощай, Долли. Вотъ видите, мои милыя, какъ гонятся за достойными людьми. Недостойные могутъ спать, въ то время какъ людей, способныхъ къ дѣлу, призываютъ. Прощайте, милыя бабенки. Если меня не отправятъ тотчасъ-же, я еще повидаюсь съ вами передъ отъѣздомъ.

Долли. Я не могу говорить – мое сердце разрывается. Прощай, милый Джэкъ, береги себя.

Фальстафъ. Прощай, прощай! *(Уходятъ Фальстафъ и Бардольфъ).*

Хозяйка. Прощай, прощай! Вотъ когда

зазеленѣтъ горохъ, исполнится двадцать девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю; болѣе честнаго и вѣрнаго человека... Ну, прощай!

Бардольфъ *(за сценой)*. Мистрисъ Тиршитъ!...

Хозяйка. Что тамъ такое?

Бардольфъ (*за сценой*). Скажите мистриссъ Тиршитъ, чтобы она пришла къ моему господину.

Хозяйка. Бѣги, Долли, бѣги скорѣй. Бѣги, добрая Долли.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Вестминстеръ. – Комната во дворцѣ.

Входитъ король Генрихъ, *въ ночномъ одѣяніи*; за нимъ пажъ.

Король Генрихъ.

Скажи ты графамъ Варвику и Сэрри,
Что я ихъ жду. Но раньше пусть прочтутъ
И вникнутъ въ эти письма. Торопись. (*Пажъ уходитъ*).
Какъ много подданныхъ моихъ бѣднѣйшихъ
Спитъ въ этотъ часъ! О, сонъ, отрадный сонъ,
Природы кроткій другъ, чѣмъ напугалъ я
Тебя такъ сильно, что не хочешь больше
Сомкнуть мнѣ вѣки, чувствамъ дать забвенье?
Зачѣмъ, о сонъ, лежать предпочитаешь
Ты въ дымной хижинѣ на жесткихъ нарахъ,
Тревожимый жужжаньемъ мухъ ночныхъ, -
Чѣмъ въ надушенной спальнѣ сильныхъ міра,
На мягкомъ ложѣ съ пологомъ цвѣтнымъ,
Баюкаемый музыкою сладкой?
О, божество безумное, зачѣмъ
На гнусную постель ложишься съ нищимъ,
Но избѣгаешь ложа короля,
Какъ будто караулни иль набата?
Ты юнгъ корабельному на мачтѣ,
На головокружительной верхушкѣ,
Глаза смыкаешь, укачавъ его
Сознанье въ колыбели буйныхъ волнъ,
На мѣстѣ встрѣчи вѣтровъ разъяренныхъ,
Хватающихъ валы за кудри ихъ
Чудовищныхъ головъ, чтобы повѣсить
Средь влажныхъ тучъ, съ такимъ ужаснымъ ревомъ,
Что смерть и та проснется. Сонъ пристрастный!
Ужель, матроса въ бурю убаюкавъ,
Откажешь ты въ покоѣ королю
Средь тишины ночной въ пріютѣ пышномъ?
Такъ спи, бѣднякъ, вкушая сонъ желанный.
Бѣжить покой отъ головы вѣнчанной.

(Входятъ Варвикъ и Сэрри).

Варвикъ.

Привѣтъ, о государь, и съ добрымъ утромъ.

Король Генрихъ.

Ужель, милорды, утро наступило?

Варвикъ.

Второй ужъ часъ.

Король Генрихъ.

Коль такъ, то съ добрымъ утромъ.

Прочли ль вы письма, посланныя мной?

Варвикъ.

Да, государь.

Король Генрихъ.

Вы видите, какъ сильно

Прогнило тѣло всей державы нашей,

Какой недугъ опасный подлѣ сердца

Гнѣздится въ ней.

Варвикъ.

То – легкое разстройство.

Совѣтъ хорошій, да глотокъ лѣкарства –

И тѣло вновь по прежнему окрѣпнетъ.

Остынетъ скоро лордъ Нортomberландъ.

Король Генрихъ.

О, Боже! Если-бъ кто читать могъ въ книгѣ

Судебъ и видѣть, какъ время перевероты

Срываютъ гребни горъ, а материкъ,

Наскучивъ прочнымъ быть, истаеваетъ

Въ морскую гладь. Или, въ другое время,

Какъ прибережный поясъ океана

Становится просторнымъ черезчуръ

Для чреслъ Нептуна; какъ насмѣшливъ случай;

214

Какъ въ чашу чувствъ измѣнчивость вливаетъ

Напитки разные. Узнавъ все это,

Увидѣвъ путь опасностей минувшихъ

И бѣдъ грядущихъ, юноша безпечный

Закрыль-бы книгу жизни, легъ да умеръ.

Назадъ тому неполныхъ десять лѣтъ

Ричардъ съ Нортomberландомъ были въ дружбѣ

И вмѣстѣ пировали; чрезъ два года

Они врагами стали. Восемь лѣтъ

Тому назадъ моей душѣ всѣхъ ближе

Былъ Перси. О дѣлахъ моихъ радѣлъ онъ,
Какъ братъ родной, къ ногамъ моимъ повергъ
Любовь свою и жизнь, изъ за меня
Въ лицо Ричарду бросилъ вызовъ смѣлый.
Кто былъ при томъ... (къ *Варвику*) – сдается мнѣ, что вы,
Кузень Невиль, - какъ страждущій Ричардъ,
Бранимъ Нортomberлэндомъ, чуть не плача,
Пророческое слово произнесъ:
"Нортomberлэндъ, ты – лѣстница, по ней-же
Братъ Болингброкъ взойдетъ на мой престолъ".
Хотя въ то время, - мнѣ свидѣтель Богъ, -
О томъ не мыслилъ я – и только благо
Страны меня съ величьемъ подружило.
"Придетъ пора, - такъ продолжалъ Ричардъ, -
Придетъ пора, когда порокъ созрѣетъ
И всѣхъ васъ заразить". Такъ говоря,
Онъ предсказалъ событія этихъ дней
И нашей прежней дружбы распаденіе.

Варвикъ.

Есть въ жизни всѣхъ людей порядокъ общій,
Таящій объясненіе прошлыхъ дней.
Его понявъ, легко почти навѣрно
Предсказывать теченіе событій,
Еще на свѣтъ для жизни не рожденныхъ,
Сокрытыхъ въ сѣменахъ и слабыхъ всходахъ.
Вотъ въ силу ихъ необходимой связи
Король Ричардъ могъ вѣрно угадать,
Что лордъ Нортomberлэндъ, его предавшій,
Для большаго предательства созрѣетъ,
А почвой для него служили вы.

Король Генрихъ.

Итакъ, событія эти неизбѣжны?
Сочтемъ-же ихъ мы неизбѣжнымъ зломъ.
Они намъ угрожаютъ и понынѣ:
Епископъ, говорятъ, съ Нортomberлэндомъ
Собрали войско тысячъ въ пятьдесятъ.

Варвикъ.

То невозможно, государь. Молва
Удваиваетъ численность враговъ,
Какъ эхо, повторяющее голосъ.
Прошу васъ, государь, прилягте спать.
Клянусь душой, войска, что вы послали,
Легко добычей новой овладѣютъ.
Чтобъ вовсе успокоить васъ, скажу,

Что вѣсть пришла о смерти Глендова.
Вотъ двѣ недѣли минуло, какъ ваше
Величество больны, и безъ сомнѣнья
Вамъ вредно бодрствовать въ столь поздній часъ.
Король Генрихъ.

Я вашего послушаюсь совѣта.
Чуть водворимъ въ странѣ порядокъ твердый,
Въ святую землю поспѣшимъ, милорды.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дворъ передъ домомъ судьи Пустозвона, въ Глостерширѣ.

*Входятъ съ разныхъ сторонъ Пустозвонъ и Тихоня, за ними Плѣсень, Тѣнь,
Бородавка, Слабнякъ, Бычокъ и слуги.*

Пустозвонъ. Пожалуйте, пожалуйста, сэръ, дайте мнѣ вашу руку, сэръ, дайте мнѣ вашу руку, сэръ; рано вы встаете, ей Богу. А какъ вы поживаете, мой добрый кузень Тихоня?

Тихоня. Съ добрымъ утромъ, добрый кузень Пустозвонъ.

Пустозвонъ. А какъ поживаетъ моя кузина, ваша дражайшая половина? и ваша прекраснѣйшая дочь и моя крестница, Элень?

Тихоня. Да она все такимъ же чернымъ дроздомъ живетъ, кузень.

Пустозвонъ. За то, сэръ, мой кузень Вильямъ, кажется, сталъ отличнымъ студентомъ. Онъ все еще въ Оксфордѣ, не правда-ли?

Тихоня. Да, сэръ – и на моемъ иждивеніи.

Пустозвонъ. Пора ему скоро въ адвокатскую школу. Я въ свое время посѣщалъ Клементовскую школу правовѣдѣнія, гдѣ еще до сихъ поръ, навѣрное, вспоминаютъ о шалунѣ Пустозвонѣ.

Тихоня. Васъ тогда звали веселымъ Пустозвономъ, кузень.

Пустозвонъ. Клянусь обѣдней, меня всячески называли; да я былъ тогда способенъ на что угодно, былъ мастеромъ на всѣ руки. Тамъ учился тогда вмѣстѣ со мной маленькій Джонъ Дойтъ изъ Стафордшайра, и черный Джорджъ Бэръ, и Фрэнсисъ Пикбонъ и Вилли Сквилъ изъ

215

Котсвольда. Такихъ четырехъ голововорѣзовъ не сыскать было во всѣхъ школахъ. И, увѣряю васъ, мы знали гдѣ раки зимуютъ, и въ нашемъ распоряженіи всегда были самыя лучшія женщины. Былъ тамъ еще Джэкъ Фальстафъ, нынѣ сэръ Джонъ; тогда онъ еще былъ мальчишкой, пажомъ Томаса Мобрэ, герцога Норфолька.

Тихоня. Тотъ сэръ Джонъ, который пріѣхалъ сюда вербовать солдатъ?

Пустозвонъ. Тотъ самый сэръ Джонъ, тотъ самый. Онъ при мнѣ проломилъ голову Скогану у воротъ школы, когда еще самъ былъ совсѣмъ карапузомъ. Я еще въ тотъ самый день дрался съ Самсономъ Штокфишемъ, фруктощикомъ, за

школой Грэя. Ахъ, Господи Иисусе, веселое было время! И какъ подумаешь, сколько моихъ старыхъ знакомыхъ уже умерло.

Тихоня. Всѣ мы тамъ будемъ, кузень.

Пустозвонъ. Конечно, конечно; это вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Отъ смерти не уйдешь, какъ говоритъ псалмопѣвецъ; всѣ умрутъ. А какая цѣна парѣ хорошихъ воловъ на Стамфордской ярмаркѣ?

Тихоня. Право, кузень, не знаю, я тамъ не былъ.

Пустозвонъ. Смерть неизбѣжна. А что, живъ еще старикъ Добль, вашъ землякъ?

Тихоня. Умеръ, сэръ.

Пустозвонъ. Ахъ, Господи Иисусе, умеръ! – Онъ хорошо стрѣлялъ изъ лука, удивительный стрѣлокъ былъ – и умеръ. Джонъ Гантъ очень его любилъ, и всегда держалъ большія пари за него. Такъ онъ умеръ! Онъ попадалъ въ цѣль на разстояніи двухсотъ сорока шаговъ, а легкую стрѣлу пускалъ и въ двухстахъ восьмидесяти – просто сердце въ груди радовалось! А почему теперь бараны?

Тихоня. Зависитъ отъ того, какіе. За пару хорошихъ барановъ нужно заплатить фунтовъ десять.

Пустозвонъ. Значитъ, старикъ Добль умеръ?

Тихоня. Вотъ, кажется, идутъ двое изъ отряда сэра Джона Фальстафа.

(Входятъ Бардольфъ съ однимъ изъ сослуживцевъ).

Бардольфъ. Съ добрымъ утромъ, честные джентльмены. Скажите мнѣ, пожалуйста, который изъ васъ судья Пустозвонъ?

Пустозвонъ. Я Робертъ Пустозвонъ, сэръ, бѣдный эсквайръ здѣшняго графства и одинъ изъ королевскихъ мировыхъ судей. Чѣмъ могу служить?

Бардольфъ. Мой капитанъ, сэръ, свидѣтельствуется свое почтеніе; мой капитанъ, сэръ Джонъ Фальстафъ, – видный джентльменъ, клянусь небомъ, и отважный предводитель.

Пустозвонъ. Благодарю за поклонъ, сэръ. Я его зналъ славнымъ рубакой. Какъ поживаетъ почтенный рыцарь? Позвольте также спросить о здоровьи милэди, его супруги.

Бардольфъ. Простите, сэръ, солдату удобнѣе безъ жены.

Пустозвонъ. Хорошо сказано, честное слово, сэръ, хорошо сказано, ей Богу. Удобнѣе безъ жены – хорошо. Хорошія слова всегда слѣдуетъ говорить. Прекрасная фраза.

Бардольфъ. Простите меня, сэръ, я слышу слово – фраза. Клянусь свѣтлымъ днемъ, я фразы не знаю, но съ мечемъ въ рукахъ буду стоять за свое слово: это отличное солдатское слово. Удобнѣе безъ жены – это значитъ, что ему удобнѣе, или когда человѣкъ находитъ, или, говоря проще, думаетъ, что ему удобно – а это очень хорошо.

(Входитъ Фальстафъ).

Пустозвонъ. Совершенно вѣрно. А, да вотъ и добрейшій сэръ Джонъ! Вашу руку, сэръ, вашу почтенную руку. Да у васъ, клянусь, молодцоватый видъ – васъ годы не старятъ. Добро пожаловать, милѣйшій сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Очень радъ видѣть васъ, добрѣйшій мистеръ Робертъ Пустозвонъ. А это, мистеръ Гуляка, кажется?

Пустозвонъ. Нѣтъ, сэръ Джонъ, это мой кузень и сослуживецъ, мистеръ Тихоня.

Фальстафъ. Добрѣйшій мистеръ Тихоня, вамъ какъ разъ подобаетъ быть мировымъ судьей.

Тихоня. Благодарю васъ, сэръ.

Фальстафъ. Фу, какая жаркая погода. Ну, что же, господа, достали вы мнѣ человѣкъ шесть удовлетворительныхъ рекрутовъ?

Пустозвонъ. Достали, сэръ. Присядьте, пожалуйста.

Фальстафъ. Покажите мнѣ рекрутовъ, прошу васъ.

Пустозвонъ. Гдѣ списокъ, гдѣ списокъ, гдѣ списокъ? Дайте взглянуть, дайте взглянуть: такъ, такъ, такъ. Да, сэръ, совершенно такъ. Ральфъ Плѣсень... такъ пусть они выходятъ по вызову... пусть выходятъ. Ну, чтожъ, гдѣ Плѣсень?

Плѣсень. Здѣсь, ваша милость.

216

Пустозвонъ. Ну, что скажете, сэръ Джонъ? Хорошо сложенный парень; молодъ, силенъ и изъ хорошей семьи.

Фальстафъ. Ты Плѣсень?

Плѣсень. Да, съ вашего позволенія.

Фальстафъ. Такъ пора пустить тебя въ дѣло.

Пустозвонъ. Ха, ха, ха! Очень хорошо, право. То, что покрылось плѣсенью, нужно пустить въ дѣло, удивительно хорошо. Право, хорошо сказано, сэръ Джонъ, очень хорошо.

Фальстафъ (*Пустозвону*). Поставьте ему крестъ.

Плѣсень. Я уже былъ крещенъ, и вы бы лучше оставили меня въ покоѣ. Моя старуха пропадетъ безъ меня. Кто будетъ вести хозяйство и работать за нее? Нечего ставить мнѣ кресты – есть люди болѣе пригодные, чѣмъ я.

Фальстафъ. Ну, помалкивай, Плѣсень, тебя заберутъ. Пора тебя использовать, Плѣсень.

Плѣсень. Использовать?

Пустозвонъ. Смирно, эй ты, смирно. Становись въ сторону. Развѣ не видишь, гдѣ ты? А теперь посмотримъ другого, сэръ Джонъ, посмотримъ. Симонъ Тѣнь!

Фальстафъ. Подайте мнѣ сюда тѣнь – сидѣть подъ тѣнью пріятно. Изъ него вѣроятно выйдетъ хладнокровный солдатъ.

Пустозвонъ. Гдѣ Тѣнь?

Тѣнь. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Тѣнь, чей ты сынъ?

Тѣнь. Моей матери, сэръ.

Фальстафъ. Сынъ своей матери? Это возможно – и въ то же время, тѣнь своего отца; сынъ женщины не болѣе чѣмъ тѣнь мужчины, а не сущность его – какъ оно часто и бываетъ.

Пустозвонъ. Нравится онъ вамъ, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Тѣнь годится для лѣта – запишите его; у насъ уже есть много тѣней въ спискахъ.

Пустозвонъ. Томасъ Бородавка!

Фальстафъ. Гдѣ онъ?

Бородавка. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Тебя зовутъ Бородавкой?

Бородавка. Да, сэръ.

Фальстафъ. Заскорузлая же ты бородавка.

Пустозвонъ. Чтожъ, и его пристегнуть, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Совершенно излишне; вся его амуниція помѣщается у него на спинѣ, а тѣло его стоитъ какъ бы на булавкахъ, такъ что пристегивать его не нужно.

Пустозвонъ. Ха, ха, ха! Отлично это вамъ удастся, сэръ, отлично! Очень одобряю. Фрэнсисъ Слабнякъ?

Слабнякъ. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Какое твое ремесло, Слабнякъ?

Слабнякъ. Я женскій портной, сэръ.

Пустозвонъ. Чтожъ, и его пришпилить, сэръ?

Фальстафъ. Можно, - но будь онъ мужскимъ портнымъ, онъ бы васъ пришилилъ. Чтожъ, сдѣлаешь ты столько же прорѣхъ въ рядахъ непріятеля, сколько дѣлаешь въ женскихъ юбкахъ?

Слабнякъ. Я приложу всѣ старанія, сэръ – больше требовать нельзя.

Фальстафъ. Хорошо сказано. Молодецъ, женскій портной. Хорошо сказано, храбрый Слабнякъ. Ты будешь такъ же отваженъ, какъ разъяренный голубъ, или доблестная мышъ. Пришпильте женскаго портного, мистеръ Пустозвонъ, да получше и покрѣпче.

Слабнякъ. А Бородавка тоже будетъ принять, сэръ? Очень бы мнѣ этого хотѣлось.

Фальстафъ. Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ мужскимъ портнымъ, тогда бы ты починилъ его и сдѣлалъ пригоднымъ для службы. Я не могу сдѣлать простымъ солдатомъ того, кто ведетъ за собой такую громаду. Удовлетворись этимъ, свирѣпый Слабнякъ.

Слабнякъ. Хорошо, сэръ.

Фальстафъ. Благодарю тебя, почтенный Слабнякъ. Кто слѣдующій?

Пустозвонъ. Гекторъ Бычокъ изъ луга.

Фальстафъ. Ну, посмотримъ на бычка.

Бычокъ. Здѣсь, сэръ.

Фальстафъ. Славный парень, ей Богу. Загоните Бычка, пока онъ не заревѣлъ.

Бычокъ. О, Господи, господинъ капитанъ!

Фальстафъ. Какъ, ты уже раньше ревешь, чѣмъ тебя загнали?

Бычокъ. О, милордъ, я больной человекъ.

Фальстафъ. Какая же у тебя болѣзнь?

Бычокъ. Проклятая простуда, сэръ, кашель, сэръ. Я схватилъ его, когда звонилъ на службѣ короля въ день коронаціи, сэръ.

Фальстафъ. Ну, такъ ты отправишься на войну въ халатѣ. Мы твою простуду спровадимъ – и я распоряжусь, чтобы твои друзья звонили по тебѣ. Всѣ тутъ?

Пустозвонъ. Я вызвалъ двумя больше, чѣмъ вамъ требовалось; вамъ нужно только четырехъ. А теперь прошу отобѣдать ко мнѣ.

217

Фальстафъ. Я могу выпить съ вами, но мнѣ некогда обѣдать. Я очень радъ былъ, увѣряю васъ, встрѣчѣ съ вами, мистеръ Пустозвонъ.

Пустозвонъ. О, сэръ Джонъ, помните, какъ мы провели ночь на вѣтряной мельницѣ, на Сентъ-Джерджской полянѣ?

Фальстафъ. Лучше не вспоминать объ этомъ, добрый мистеръ Пустозвонъ, лучше не вспоминать.

Пустозвонъ. Веселая была ночка. А что, Джэни Найтворкъ еще жива?

Фальстафъ. Жива, мистеръ Пустозвонъ.

Пустозвонъ. Она никогда не могла справиться со мной.

Фальстафъ. Никогда. Она говорила, что терпѣть не можетъ мистера Пустозвона.

Пустозвонъ. Клянусь обѣдней, я умѣлъ бѣсить ее. Славная она была бабенка. А что, какъ она держится?

Фальстафъ. Постарѣла, очень постарѣла, мистеръ Пустозвонъ.

Пустозвонъ. Ну да, она и стара – иначе и быть не могло. Вѣдь у нея уже былъ сынъ Робинъ Найтворкъ отъ стараго Найтворка, прежде чѣмъ я поступилъ въ Климентовскую школу.

Тихоня. Это было пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ.

Пустозвонъ. Эхъ, братецъ Тихоня! Еслибы ты видѣлъ то, что мы съ нимъ видали на своемъ вѣку. Вѣрно я говорю, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Да, приходилось намъ слышать, какъ бьетъ полночь, мистеръ Пустозвонъ.

218

Пустозвонъ. Приходилось, приходилось, сэръ Джонъ, ей Богу приходилось. Помните нашъ лозунгъ: "эй, ребята, впередъ!" Пойдемте обѣдать, пойдемте обѣдать. Да, было время. Идемте, идемте. *(Уходятъ Фальстафъ, Пустозвонъ и Тихоня).*

Бычокъ. Добрый мистеръ капралъ Бардольфъ, будьте мнѣ другомъ, и вотъ вамъ за это четыре генриха по десяти шиллинговъ французскими кронами. Клянусь, сэръ, для меня лучше быть повѣшеннымъ, чѣмъ отправиться на войну. И все-таки я не о себѣ хлопочу, а только мнѣ самому не охота идти на войну; что же

касается меня, то я хотѣлъ бы остаться съ моими друзьями: иначе, для себя самого, я не сталъ бы хлопотать.

Бардольфъ. Ну, хорошо, становись въ сторону.

Плѣсень. Добрый мистеръ капраль капитанъ, будьте мнѣ другомъ ради моей старухи. У нея нѣтъ никого, кто бы позаботился о ней, если я уйду; она стара и сама ничего не можетъ дѣлать. Я вамъ дамъ сорокъ шиллинговъ за это, сэръ.

Бардольфъ. Хорошо, отойди въ сторону.

Слабнякъ. Мнѣ, честное слово, все равно; смерти не миновать, - нужно же заплатить Господу дань смерти. Я не трусь. Если мнѣ судьба умереть, пусть будетъ такъ; если нѣтъ – тѣмъ лучше. Служить государю всякій долженъ, и во всякомъ случаѣ тотъ, кто умеръ въ этомъ году, избавленъ отъ смерти въ будущемъ.

Бардольфъ. Хорошо сказано, ты молодецъ.

Слабнякъ. Да, я не струшу.

(Возвращаются Фальстафъ и судьи).

Фальстафъ. Ну, такъ какъ же, сэръ, кого изъ нихъ вы мнѣ даете?

Пустозвонъ. Выбирайте четырехъ.

Бардольфъ. Сэръ, на одно слово. Я получилъ три фунта, чтобы освободить Плѣсень и Бычка.

Фальстафъ. Хорошо.

Пустозвонъ. Ну, такъ какихъ же четырехъ вы выбираете, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Выберите вы за меня.

Пустозвонъ. Хорошо, такъ я выберу Плѣсень, Бычка, Слабняка и Тѣнь.

Фальстафъ. Плѣсень и Бычокъ. Ты, Плѣсень, оставайся дома, пока не сдѣлаешься совершенно негоднымъ для службы. А ты, Бычокъ, вырасти еще, пока станешь пригоднымъ. Вы оба мнѣ не нужны.

Пустозвонъ. Сэръ Джонъ, сэръ Джонъ, вы дѣйствуете себѣ во вредъ. Вѣдь это самые лучшіе изъ всѣхъ – и я нарочно выбиралъ ихъ, чтобы угодить вамъ.

Фальстафъ. Ужъ не станете ли вы, мистеръ Пустозвонъ, учить меня, какъ надо выбирать солдатъ? Что мнѣ въ сложеніи, въ силѣ, въ статности, въ ростѣ и внѣшнемъ видѣ человѣка? Дѣло все въ томъ, какой духъ въ солдатѣ, мистеръ Пустозвонъ. Вотъ на примѣръ, Бородавка – смотрите, какой ободранецъ съ виду, но онъ навѣрное будетъ заряжать и разряжать ружье съ быстротой слесарнаго молотка, напирать и отскакивать быстрѣе того, кто подвѣшиваетъ на коромысла пивоваренныя ведра. А этотъ тощій парень Тѣнь, – вотъ какихъ солдатъ мнѣ нужно – онъ не можетъ служить мишенью для врага. Цѣлиться въ него то же, что цѣлиться въ лезвіе ножа. А въ случаѣ отступленія – какъ быстро побѣжить вотъ этотъ Слабнякъ, женскій портной. Мнѣ нужны не видные люди – отъ видныхъ избавьте меня. Бардольфъ, дай-ка Бородавкѣ ружье.

Бардольфъ. Держи, Бородавка, и маршъ! Вотъ такъ.

Фальстафъ. Посмотримъ, какъ ты управляешься съ ружьемъ. Вотъ такъ, очень хорошо. Продолжай, очень хорошо, отлично. Люблю я маленькихъ, тощихъ, старыхъ, уродливыхъ, лысыхъ стрѣлковъ. Хорошо, Бородавка, ты славный плутъ. Вотъ тебѣ шесть пенсовъ за это.

Пустозвонъ. А все таки онъ не мастеръ своего дѣла, – не хорошо онъ это продѣлываетъ. Вотъ я помню, когда я посѣщалъ еще Климентовскую школу и исполнялъ на играхъ Артура въ Майлэндъ Гринъ роль сэра Дагонета, такъ вотъ такъ былъ маленькій ловкій человѣчекъ – тотъ умѣлъ управлять ружьемъ. Повернетъ его вотъ такъ и этакъ, направо и налево, потомъ скажетъ: бацъ! и отскочитъ, а потомъ опять тутъ какъ тутъ. Такого ловкача я больше никогда не увижу.

Фальстафъ. Эти молодцы годятся, мистеръ Пустозвонъ. Да хранить васъ Богъ, мистеръ Тихоня – мнѣ некогда тратить съ вами много словъ. Прощайте, господа. Благодарю васъ. Мнѣ еще до ночи нужно сдѣлать двѣнадцать миль. Бардольфъ, выдай платье новобранцамъ.

Пустозвонъ. Да благословитъ васъ Господь, сэръ Джонъ, да пошлетъ Онъ вамъ преуспѣяніе въ вашихъ дѣлахъ, а намъ да пошлетъ Онъ миръ! На обратномъ пути навѣстите меня пожалуйста. Возобновимъ

219

старое знакомство. Можетъ быть, я потомъ отправлюсь съ вами ко двору.

Фальстафъ. Очень бы я былъ этому радъ.

Пустозвонъ. Я далъ слово и сдержу его. Прощайте.

Фальстафъ. Прощайте, господа. (*Уходятъ Пустозвонъ и Тихоня*). Уведи солдатъ, Бардольфъ. (*Уходятъ Бардольфъ и рекруты*). На возвратномъ пути я пообчищу ихъ. Пустозвона я вижу насквозь. Господи, какъ старые люди подвержены пороку лжи. Этотъ тощій судья все время хвасталъ своей разудалой молодостью и своими подвигами на Торнбульской улицѣ; и каждое третье слово было ложью, вѣрнѣе выплаченной слушателю, чѣмъ турки взимаютъ дань. Я его помню въ Климентовской школѣ – онъ походилъ на человѣчка, вырѣзаннаго за ужиномъ изъ корки сыра. Голый, онъ похожъ былъ на раздвоенную рѣдку съ вырѣзанной ножомъ рожей наверху. Онъ былъ такъ тощъ, что для близорукихъ превращался въ невидимку. Это былъ воплощенный голодъ, и при этомъ похотливъ, какъ обезьяна, такъ что женщины звали его мандрагорой. Онъ былъ всегда въ хвостѣ у моды, и пѣлъ потаскушкамъ пѣсни, которыя онъ подслушивалъ у извожиковъ, и притомъ клялся, что это имъ самимъ сочиненныя любовныя пѣсни и серенады. И теперь эта шутовская рапира сдѣлалась сквайромъ, и фамиллярно говоритъ о Джонѣ Гантѣ, какъ о своемъ названномъ братѣ. А я готовъ поклясться, что онъ видѣлъ его всего разъ въ жизни на турнирѣ, когда Гантъ проломилъ ему голову за то, что онъ втерся въ толпу его прислуги. Я при этомъ былъ и сказалъ Ганту, что онъ бьетъ свою собственную тѣнь. – Вѣдь его всего съ одеждой можно было спрятать въ шкуру утря; гобойный футляръ былъ для него тогда просторнымъ замкомъ, цѣлымъ дворомъ, а теперь онъ владѣетъ помѣстьями и волами. Чтожь, я непременно заведу съ нимъ знакомство, когда вернусь, и будь я не я, если онъ не станетъ для меня вдвойнѣ философскимъ камнемъ. Если молодая плотва служить приманкой для старой щуки, то я не

вижу, какой законъ природы можетъ мнѣ помѣшать проглотить его. Придетъ время, увидимъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ Йоркширѣ.

Входятъ архіепископъ Йоркскій, Мобрэ, Гастингсъ и другіе.

Архіепископъ.

Какъ этотъ лѣсъ зовется?

Гастингсъ.

Лѣсомъ Галтри

Слыветъ онъ, ваша милость.

Архіепископъ.

Здѣсь, милорды,

Помедлимъ и лазутчиковъ пошлемъ

Число враговъ развѣдать.

Гастингсъ.

Мы объ этомъ

Ужъ раньше позаботились.

Архіепископъ.

Отлично.

Друзья и братья въ этомъ важномъ дѣлѣ,

Я долженъ вамъ сказать, что получилъ

Письмо недавно отъ Нортomberлэнда.

Въ холодномъ тонѣ вотъ что онъ мнѣ пишетъ:

Хотѣлъ-бы здѣсь онъ быть своей особой

Съ числомъ солдатъ, его достойнымъ сана.

Столькихъ набрать не могъ, а потому

Въ Шотландію на время удалился,

Пока его тамъ счастье не созрѣетъ.

Онъ въ заключенье шлетъ молитвы къ Богу,

Чтобъ наше предпріятіе устояло

Въ опасномъ столкновеніи съ врагомъ

И случаемъ.

Мобрэ.

Итакъ, надежды на него

Всѣ рушились и въ дребезги разбились.

(Входитъ гонецъ).

Гастингсъ.

Что новаго?

Гонецъ.

На западѣ отъ лѣса

Въ одной лишь милѣ показался врагъ,

220

Готовый къ битвѣ. Судя по пространству,
Имъ занятому, численность его
Могу опредѣлить я въ тридцать тысячъ.

Мобрэ.

Какъ разъ число, что мы предполагали.
Итакъ, впередъ, чтобъ встрѣтиться съ нимъ въ полѣ.

Архіепископъ.

Кто этотъ вождь въ вооруженіи полнымъ,
Идущій къ намъ?

Мобрэ.

Лордъ Вестморлэндъ, какъ будто.

(Входитъ Вестморлэндъ).

Вестморлэндъ.

Привѣтъ и пожеланіе здоровья
Шлетъ генералъ нашъ, принцъ лордъ Джонъ и герцогъ
Ланкастрскій.

Архіепископъ.

Объясните дружелюбно,

Лордъ Вестморлэндъ, цѣль вашего прихода.

Вестморлэндъ.

Милордъ, лишь къ вашему преосвященству
Относится по существу отвѣтъ мой.

Когда-бъ мятежъ, своей природѣ вѣрный,
Явился въ видѣ низкихъ гнусныхъ полчищъ
Подъ руководствомъ буйной молодежи,
Под знаменемъ неистовства, со стражей
Изъ уличныхъ мальчишекъ или нищихъ, -
Когда-бъ, я говорю, проклятый бунтъ
Явился къ намъ въ своемъ природномъ видѣ, -

Ни вы, святой отецъ, ни эти лорды
Сюда-бы не пришли, чтобъ мерзкій образъ
Возстанья лютаго прикрыть своей
Высокой честью. Да, милордъ епископъ,
Вы, чей престолъ гражданскимъ миромъ крѣпокъ,
Чьи кудри долгій миръ посеребрилъ,
Чьи знанья расцвѣли подъ сѣнью мира,
Чьи бѣлыя одежды знамѣнуютъ
Невинность, кротость голубя, духъ мира, -
Зачѣмъ себя перевели вы сами
Такъ плохо съ языка любви и мира

На грубое нарѣчіе войны?
Зачѣмъ вы книги превратили въ латы,
Свои чернила – въ кровь и перья въ копья,
А голосъ свой, вѣщавшій намъ о Богѣ,
Въ зловѣщій кличъ воинственной трубы?
Архіепископъ.

Зачѣмъ я это сдѣлалъ? На вопросъ вашъ
Я краткій дамъ отвѣтъ: мы всѣ больны.
Излишества разврата довели насъ
До яростной горячки и должны
Подвергнуться мы всѣ кровопусканью.
Недугомъ этимъ зараженный, умеръ
Ричардъ, послѣдній нашъ король. Однако,
Мой благороднѣйшій лордъ Вестморлэндъ,
Я за врача себя не выдаю.
И если я стою въ толпѣ военныхъ,
То не какъ врагъ заклятый мира. Нѣтъ,
Я лишь на время принялъ грозный образъ,
Чтобъ исцѣлить больныхъ счастьемъ души,
Чтобы очистить тѣло отъ заваловъ,
Грозящихъ засорить каналы жизни.
Я выскажусь яснѣй. Я точно взвѣсилъ
На правильныхъ вѣсахъ то зло, что терпимъ,
И то, что можемъ причинить возстаньемъ.
И вижу: наше горе тяжелѣй,
Чѣмъ наше возмущенье. Намъ открылось,
Куда течетъ рѣка временъ – и вотъ
Потокъ бурливый случая насильно
Изъ гавани спокойной насъ умчалъ.
Мы перечень составили всѣхъ жалобъ,
Чтобъ въ должный срокъ по пунктамъ ихъ прочесть.
Давно мы королю ихъ предлагали,
Но не могли вниманіе привлечь;
Чуть захотимъ обжаловать обиды,
Намъ преграждаютъ доступъ къ королю
Тѣ люди, отъ кого обиды терпимъ.
Итакъ, опасности недавнихъ дней,
Которыхъ злая память на землѣ
Начертана еще всѣмъ видной кровью,
И грустные примѣры, что донынѣ
Съ собой приносить каждая минута,
Все это насъ заставило облечься
Въ намъ чуждые доспѣхи, не за тѣмъ,
Чтобъ надломить одну хоть вѣтку мира,

Но чтобы вправду миръ возстановить
Не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Вестморлэндъ.

Когда-же не былъ выслушанъ вашъ голосъ?
Чѣмъ васъ король обидѣлъ? Кто изъ пэровъ
Уполномоченъ былъ васъ оскорблять?
Какъ вы могли скрѣпить священною печатью
Кровавый, незаконный свитокъ бунта
И лезвіе возстанья освятить?

Архіепископъ.

Я общаго намъ брата – государство –
Хочу считать отвѣтственнымъ за жребій
Жестокій моего родного брата.

Вестморлэндъ.

Никто не ждетъ заступничества здѣсь,
А если-бъ ждалъ, не вамъ-бы заступаться.

221

Мобрэ.

Зачѣмъ-же не ему и не всѣмъ намъ,
Кто чувствуетъ удары дней минувшихъ
И страждетъ отъ условій нашихъ дней,
Когда надъ нашей честью тяготѣетъ
Тяжелая, пристрастная рука?

Вестморлэндъ.

О, добрый лордъ Мобрэ, раскройте связь
Межъ временемъ и силой обстоятельствъ,
И станетъ ясно вамъ, что не король
Виною вашихъ бѣдствій всѣхъ, но время.
Хоть что до васъ касается, не вижу,
Чтобъ время иль король вамъ дали почвы
Одинъ вершокъ для справедливыхъ жалобъ.
Вѣдь были возстановлены въ правахъ
Вы герцога Норфолька, своего
Столь доблестнаго – памяти блаженной –
Родителя.

Мобрэ.

Какое упущенье

Отецъ мой въ дѣлѣ чести совершилъ,
Чтобы ее во мнѣ возстановлять?
Король его любилъ, но подъ давленьемъ
Тогдашнихъ дѣлъ былъ вынужденъ подвергнуть
Его изгнанью, и за что? Когда

Родитель мой и Генрихъ Болингброкъ
Уже вскочили въ сѣдла и усѣлись,
Пришпоривъ звонко ржавшихъ лошадей,
Уставивъ копья, опутивъ забрала,
Сквозь сталь сверкая пламенемъ очей,
Когда труба ужъ возвѣстила бой,
Когда никто не свѣтъ ужъ не могъ бы
Отвѣсть отца отъ груди Болингброка, -
Тогда король на землю бросилъ жезлъ.
На томъ жезлѣ висѣла жизнь его.
Себя онъ бросилъ на-земь и всѣхъ тѣхъ,
Кто пострадалъ потомъ при Болингброкѣ
Отъ грубаго меча и отъ доноса.

Вестморлэндъ.

О, лордъ Мобрэ, вы говорите, сами
Не зная что. Графъ Гирфордъ слылъ въ то время
Однимъ изъ лучшихъ въ Англіи бойцовъ.
Какъ знать, кому-бы счастье улыбнулось?
Но даже побѣдивши, вашъ отецъ
Изъ Ковентри побѣды не унесъ-бы,
Затѣмъ, что вся страна единогласно
Выказывала ненависть ему,
Съ любовью-же молитвы возсылались
За Гирфорда: его боготворили,
Благословляли всѣ и чтили больше,
Чѣмъ короля. Но это все не къ дѣлу.
Сюда я посланъ княжескимъ вождемъ
Узнать, чѣмъ недовольны вы, и вмѣстѣ
Сказать, что онъ васъ выслушать согласенъ.
Въ чемъ требованья ваши справедливы,
Онъ ихъ исполнить, такъ что даже мысль
Изгладится о вашей непріязни.

Мобрэ.

Онъ вынужденъ просить о примиреньи.
Имъ двигаетъ расчетъ, а не любовь.

Вестморлэндъ.

Мобрэ, такъ говорить въ васъ самомнѣнье.
Мы не изъ страха миръ вамъ предлагаемъ, -
Изъ милости. Взгляните: наше войско
Вотъ на виду у всѣхъ. Клянуся честью,
Мы слишкомъ всѣ увѣрены въ побѣдѣ,
Чтобы могла возникнуть мысль о страхѣ.
Мы славными богаче именами,
Солдаты наши опытнѣй въ бою,

Оружье не слабѣй, правѣе – дѣло,
И разумъ говоритъ намъ, что мы вправѣ
Не меньше васъ храбриться. Полно-жъ думать,
Что вынуждено наше предложеніе.

Мобрэ.

Что до меня, я врагъ переговоровъ.

Вестморлэндъ.

Вы этимъ лишь докажете, что сами
Своей вины стыдитесь. Гниль не терпитъ
Прикосновенья.

Гастингсъ.

Есть-ли столь большія

У принца полномочья отъ отца,
Чтобъ выслушать условия и скрѣпить
Согласіемъ своимъ?

Вестморлэндъ.

Права такія

Съ названьемъ генерала неразлучны,
И я вопросу праздному дивлюсь.

Архіепископъ.

Коль такъ, милордъ, возьмите этотъ свитокъ.
То перечень главнѣйшихъ нашихъ жалобъ.
Когда во всѣхъ правахъ насъ возстановятъ,
И всѣхъ прикосновенныхъ къ предпріятію
Здѣсь и вездѣ простятъ въ законной формѣ,
И наши всѣ желанія исполнятъ,
Мы тотчасъ-же въ предѣлы долга вступимъ
И мощь свою скуемъ рукою мира.

Вестморлэндъ.

Отдамъ вашъ листъ вождю. Итакъ, милорды,
Мы встрѣтимся въ виду обоихъ войскъ.
Тамъ кончимъ мирно, если Богъ захочетъ,

222

Иль къ мѣсту брани созовемъ мечи,
Которые рѣшатъ ее.

Архіепископъ.

Поступимъ,

Какъ вы, милордъ, сказали.

(Вестморлэндъ уходитъ).

Мобрэ.

Что-то въ сердцѣ

Нашептываетъ мнѣ, что никакія

Не будутъ прочны мирныя условия.

Гастингсъ.

Не бойтесь. Если миръ нашъ утвердимъ
На основаньяхъ твердыхъ и широкихъ,
Какія мы намѣтили въ условияхъ, -
Скалы гранитной будетъ онъ прочнѣй.

Мобрэ.

Но къ намъ король довѣрье потеряетъ.
Довольно будетъ повода пустого,
Ничтожной, вздорной, призрачной причины,
Чтобъ онъ опять услышалъ запахъ бунта.
Будь наша вѣрность мученицей долга,
Насъ на такомъ провѣютъ рѣзкомъ вѣтрѣ,
Что наша рожь не будетъ тяжелѣе
Мякины и отъ добраго зерна
Не отличать дурного.

Архіепископъ.

Нѣтъ, милордъ.

Замѣтите, что король давно усталъ
Отъ этихъ мелкихъ и досадныхъ кляузъ.
Узналъ онъ, что, врага предавши смерти,
Въ наслѣдникахъ двухъ новыхъ наживаешь,
И потому дощечки записныя
Онъ начисто сотретъ, чтобъ не шептали
Онѣ воспоминаній о быломъ
И не увѣковѣчивали въ мысляхъ
Минувшихъ поражений. Знаетъ онъ,
Что выхолотъ нельзя все королевство,
Какъ подозрительность его хотѣла-бъ.
Его враги съ друзьями такъ срослись,
Что чуть врага онъ хочетъ вырвать съ корнемъ,
Какъ долженъ вмѣстѣ распатать и друга.
Похоже государство на жену
Сварливую, что мужа злитъ и бѣситъ.
Но чуть онъ руку поднялъ для удара,
Она ему ребенка подставляетъ
И не даетъ рукъ свершить угрозу.

Гастингсъ.

Ктому-жъ, король всѣ розги обломалъ
О прежнихъ оскорбителей и нынѣ
Въ орудьяхъ кары терпитъ недостатокъ,
И мощь его, какъ львица безъ когтей,
Еще грозить, но растерзать не въ силахъ.

Архіепископъ.

Вы правы, мой добрейшій лордъ маршалъ.
Повѣрьте, если мудро все устроимъ,
Нашъ миръ, какъ переломленная кость,
Что вновь срослась, прочнѣй, чѣмъ прежде, станетъ.

Мобрэ.

Да будетъ такъ. Лордъ Вестморлэндъ вернулся.

(Входитъ Вестморлэндъ).

Вестморлэндъ.

Принцъ ждетъ поблизости. Угодно-ль вамъ,
Милорды, съ нимъ сойтись на полъ-пути
Между обѣихъ армій?

Мобрэ.

Многочтимый

Архіепископъ Йоркскій, первымъ вы
Ступайте съ Божьей помощью.

Архіепископъ.

Сперва

Снесите нашъ привѣтъ. Идемъ, милорды.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Другая часть лѣса.

Съ одной стороны входятъ Мобрэ, архіепископъ, Гастингсъ и другіе; съ другой – принцъ Джонъ Ланкастерскій, Вестморлэндъ, офицеры и свита.

Принцъ Джонъ.

Я радъ васъ встрѣтить здѣсь, кузень Мобрэ.
Привѣтъ вамъ, добрый лордъ архіепископъ,
И вамъ, лордъ Гастингсъ, какъ и всѣмъ другимъ.
Милордъ епископъ Йоркскій! Видѣтъ васъ
Отраднѣй было въ дни, какъ ваша паства
На колокольный зовъ благоговѣнно
Стекалась слушать ваше толкованье
Священнаго писанья, чѣмъ теперь,
Когда вы тѣло облекли въ желѣзо
И боемъ барабаннымъ веселите
Бунтовщиковъ презрѣнныхъ, вмѣсто слова
Избравши мечъ и вмѣсто жизни – смерть.
Какъ много могъ-бы натворить несчастій
Тотъ, кто, въ душѣ монарха утвердясъ,
Въ его любви созрѣвъ, какъ въ свѣтѣ солнца,
Вдругъ вздумалъ-бы, таясь въ тѣни величья,

Во зло употребить его довѣрье.
Подобное, о лордъ архіепископъ,
Случилось съ вами. Кто изъ насъ не слышалъ
О глубинѣ познаній вашихъ въ книгахъ
Божественныхъ? Для насъ всегда вы были
Ораторомъ парламента Господня,
Для насъ вы были гласомъ божества,
Провидцемъ и посредникомъ духовнымъ
Межъ благодатной святостью небесъ
И нашими ничтожными дѣлами.
Кто-бъ вѣрить могъ, что вы употребите
Во зло святыню сана своего,
Воспользуетесь благодатью неба,
Какъ пользуется лживый временщикъ
Въ дѣлахъ безчестныхъ именемъ монарха?
О Господъ ревнуя, отвратили
Вы подданныхъ отъ моего отца,
Кто замѣститель Бога въ государствѣ,
Заставили нарушить Божій миръ,
И вмѣстѣ королевскій.

Архіепископъ.
Добрый лордъ

224

Ланкастерскій, я здѣсь не оттого,
Что миръ хочу съ отцомъ нарушить вашимъ,
Но оттого, - какъ лорду Вестморлэнду
Сказалъ и какъ само собой понятно, -
Что смуты нашихъ дней насъ заставляютъ
Искать спасенья въ средствахъ самыхъ крайнихъ.
Я вашему высочеству послалъ
Подробнѣйшую роспись нашихъ жалобъ,
Отвергнутыхъ съ презрѣньемъ при дворѣ,
Что породило гидру этой распри.
Но гидры злобный взоръ вы усыпите,
Законныя исполнивъ наши просьбы,
И послушанье, сбросивъ гнетъ безумья,
Падетъ къ стопамъ величества покорно.

Мобрэ.

А если нѣтъ, готовы испытать
Мы счастье до послѣдняго солдата.

Гастингсъ.

И если всѣ падемъ, за наше дѣло

Друзья возстанутъ наши; тѣ погибнуть,
Вослѣдъ придутъ другіе. Пораженъ
Родитъ удачу. Къ сыну отъ отца
Передаваться будетъ распря,
Покуда будетъ Англія рождать
Людскія поколѣнія.

Принцъ Джонъ.

Лордъ Гастингсъ,

Вы слишкомъ слабы, слишкомъ близоруки,
Чтобъ глубину грядущаго провидѣть.

Вестморлэндъ.

Угодно-ль вашей милости отвѣтить,
Какія вы ихъ приняли условья?

Принцъ Джонъ.

Я всѣ ихъ принялъ, всѣ ихъ одобряю.
И королевской кровью вамъ клянусь,
Что были истолкованы превратно
Намѣренія моего отца,
Что слишкомъ вольно лица изъ придворныхъ
Распоряжались мыслями его
И властію. Клянусь душой, исполнимъ
Немедленно всѣ требованья ваши.
Такъ не хотите-ль распустить войска,
Чтобъ разошлись по графствамъ. Мы же сами,
Посерединѣ стоя между армій,
Обнимемся и выпьемъ дружелюбно,
Чтобъ взоры всѣхъ запечатали образъ
Любви воскресшей нашей и пріязни.

Архіепископъ.

Мнѣ служить ваше княжеское слово
Порукой въ исполненіи нашихъ просьбъ.

Принцъ Джонъ.

Даю вамъ слово и его сдержу.
Позвольте-жъ, ваша милость, съ вами выпить.

Гастингсъ (*къ офицеру*).

Ступайте, капитанъ, и объявите
По войску вѣсть о заключеніи мира.
Пусть плату всѣмъ вручатъ и по домамъ.
Имъ, знаю, улыбнется это. Живо.

(*Офицеръ уходитъ*).

Архіепископъ.

Лордъ Вестморлэндъ, за ваше пью здоровье.

Вестморлэндъ.

Я отвѣчаю тѣмъ-же. Если-бъ ваше

Преосвященство знали, сколько я
Труда потратилъ, чтобы миръ устроить,
Вы пили-бъ съ легкимъ сердцемъ. Впрочемъ, вскорѣ
Моя любовь къ вамъ скажется яснѣй.

Архіепископъ.

Не сомнѣваюсь въ этомъ.

Вестморлэндъ.

Радъ сердечно.

Здоровье ваше, мой кузень любезный,
Милордъ Мобрэ.

Мобрэ.

Желанье ваше кстати:

Мнѣ что-то нездоровится внезапно.

Архіепископъ.

Передъ бѣдою люди веселятся,
А предъ удачей ихъ томить тоска.

Вестморлэндъ.

Коль так, кузень, на жизнь глядите бодро.
Сегодня дождь, а завтра будетъ вѣдро.

Архіепископъ.

Повѣрьте, у меня въ душѣ свѣтло.

Мобрэ.

Коль вѣрно ваше правило – тѣмъ хуже.

(За сценой радостные возгласы).

Принцъ Джонъ.

Раздалось слово: миръ! Чу! Какъ ликуютъ.

Мобрэ.

Отрадно-бъ слушать эти клики послѣ
Побѣды.

Архіепископъ.

Добрый миръ сродни побѣдѣ.

225

Тутъ обѣ стороны побѣждены,
Хоть ни одна не понесла урона.

Принцъ Джонъ.

Лордъ Вестморлэндъ, ступайте распустите
И наше войско. *(Вестморлэндъ уходитъ).*

А теперь, милорды,

Благоволите провести предъ нами
Свои войска, чтобъ мы узнали, съ кѣмъ
Избѣгли столкновѣнія.

Архіепископъ.

Лордъ Гастингсъ,
Скажите имъ, пусть мимо насъ пройдутъ,
Предъ тѣмъ какъ разойтись.

(Гастингсъ уходитъ).

Принцъ Джонъ.

Надѣюсь, лорды,

Что эту ночь мы вмѣстѣ проведемъ. *(Возвращается Вестморлэндъ).*

Что это значитъ, лордъ? Недвижны наши

Стоять войска.

Вестморлэндъ.

Начальники отрядовъ,

Отъ васъ самихъ имѣя приказанье

Стоять на мѣстѣ, двинутся не раньше,

Чѣмъ свой приказъ отмѣните вы лично.

Принцъ Джонъ.

Они свои обязанности знаютъ.

(Гастингсъ возвращается).

Гастингсъ.

Милордъ, ужъ наше войско разбрелось,

На сѣверъ мчатся, югъ, востокъ и западъ,

Какъ юные волы изъ подъ ярма,

Какъ школьники, окончивши ученье,

Стремятся, кто на игры, кто домой.

Вестморлэндъ.

Лордъ Гастингсъ, ты пришелъ съ отличной вѣстью.

Въ награду за нее я арестую

Тебя, крамольника, по обвиненью

Въ измѣнѣ государственной. Васъ также,

Милордъ епископъ и милордъ Мобрэ,

Обоихъ за измѣну арестую.

Мобрэ.

Какъ справедливъ, какъ честенъ вашъ поступокъ!

Вестморлэндъ.

Вашъ заговоръ честнѣе?

Архіепископъ.

Неужели

Нарушите вы данное намъ слово?

Принцъ Джонъ.

Тебѣ не обѣщаль я ничего.

Я слово далъ исправить беззаконья

По вашимъ жалобамъ. Клянуся честью,

Что слово то сдержу по христіански.

Но что до васъ, предатели, то ждите

Расплаты должной за свои дѣла.

На гибель ты повелъ свои дружины,
Собравъ и распустивъ ихъ безъ причины.
Преслѣдуйте-же сволочь по пятамъ, -
Не мы, Господь съ небесъ сразилъ ихъ самъ.
И пусть ведутъ виновниковъ раздора
На плаху – ложе смерти и позора.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Другая часть лѣса.

Стычки. Встрѣчаются Фальстафъ и Кольвиль.

Фальстафъ. Ваше имя, сэръ, какого вы званія, изъ какого мѣста?

Кольвиль. Я – рыцарь, сэръ. Зовутъ меня Кольвилемъ изъ долины.

Фальстафъ. Хорошо. Имя ваше Кольвиль, званіе рыцарь, и мѣстожителство – долина. Кольвиль останется вашимъ именемъ, но ваше званіе отнынѣ – измѣнникъ, и мѣстожителствомъ вамъ будетъ тюрьма. Мѣсто это тоже достаточно глубокое, такъ что вы попрежнему будете Кольвилемъ изъ долины.

Кольвиль. Не вы ли сэръ Джонъ Фальстафъ?

Фальстафъ. Кто бы я ни былъ, я человѣкъ, стоящій его. Чтожъ, сдаетесь вы сэръ, или мнѣ придется потѣть изъ за васъ? Если такъ, то капли моего пота станутъ слезами вашихъ близкихъ, оплакивающихъ вашу смерть, поэтому разбудите въ себѣ страхъ и трепеть, и молитесь меня о пощадѣ.

Кольвиль. Я полагаю, что вы сэръ Джонъ Фальстафъ, и поэтому сдаюсь вамъ.

Фальстафъ. Въ моемъ животѣ цѣлая школа языковъ, и всѣ они провозглашаютъ мое имя. Если бы только животъ мой былъ хоть сколько нибудь обыкновеннымъ, я былъ бы самымъ предприимчивымъ человѣкомъ въ Европѣ. Моя утроба, моя утроба, моя утроба губитъ меня. А вотъ и нашъ военачальникъ.

226

(Входятъ принцъ Джонъ Ланкастерскій, Вестморлэндъ и другіе).

Принцъ Джонъ.

Пыль битвы миновалъ. Конецъ погонѣ.

Любезный Вестморлэндъ, сберите войско.

(Вестморлэндъ уходитъ).

А, Джонъ Фальстафъ, гдѣ жъ вы были все время?

Сраженію конецъ – вы тутъ какъ тутъ.

Когда нибудь за эти всѣ продѣлки,

Клянусь, подъ вами висѣлица рухнетъ.

Фальстафъ. Странно было бы, если бы этого не случилось. Я знаю, что хула и попреки всегдашняя награда за храбрость. Что-жъ я по вашему ласточка, стрѣла или ядро? Развѣ я могу при моей старости двигаться съ быстротой мысли? Я мчался сюда съ величайшей поспѣшностью, загналъ болѣе ста восьмидесяти почтовыхъ лошадей, пріѣхалъ сюда, и еще весь въ пыли, но блистая своей честной,

незапятнанной храбростью, взялъ въ плѣнъ сэра Джона Кольвиля изъ долины, бѣшенаго рыцаря и храбраго врага. Но мнѣ это нипочемъ! Онъ увидалъ меня и сдался, такъ что я могу по справедливости сказать вмѣстѣ съ крючконосимъ римляниномъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

Принцъ Джонъ. Это было скорѣе учтивостью съ его стороны, чѣмъ вашей заслугой.

Фальстафъ. Не знаю. Вотъ онъ, я его вамъ передаю и прошу вашу милость записать это на ряду съ другими подвигами сегодняшняго дня; или, клянусь Господомъ, я закажу отдѣльную балладу, съ изображеніемъ на заголовкѣ Кольвиля, цѣлующаго мои ноги. Если вы меня къ этому принудите, то клянусь словомъ дворянина, ваша слава померкнетъ, какъ позолоченный мѣдный грошъ передъ моей, и на свѣтломъ небѣ славы я возсіяю надъ вами, какъ полный мѣсяцъ, затмевающій звѣзды, которыя въ сравненіи съ нимъ кажутся булавочными головками. Поэтому воздайте мнѣ должное; доблесть заслуживаетъ превознесенія.

Принцъ Джонъ. Твоя доблесть слишкомъ тяжела, чтобы вознестись.

Фальстафъ. Такъ пусть она возсіяетъ.

Принцъ Джонъ. Твоя доблесть слишкомъ мутна, чтобы сіять.

Фальстафъ. Дѣлайте съ ней что угодно, зовите ее какъ хотите, лишь бы это послужило мнѣ на пользу.

Принцъ Джонъ.

Тебѣ вѣдь имя Кольвиль?

Кольвиль.

Да, милордъ.

Принцъ Джонъ.

Ты, Кольвиль, бунтовщикъ извѣстный.

Фальстафъ.

И его взялъ въ плѣнъ извѣстный своей преданностью вѣрноподаанный.

Кольвиль.

Милордъ, такой-же я, какъ и мои

Начальники, приведшіе меня.

Начальствуй я надъ ними и они-бы

Дороже обошлись вамъ, чѣмъ теперь.

Фальстафъ.

Не знаю, за сколько они продали себя. Но ты, добрый человѣкъ, отдался мнѣ даромъ, и я плачу тебѣ за твою особу благодарностью.

(Возвращается Вестморлэндъ).

Принцъ Джонъ.

Прекращено-ль преслѣдованье?

Вестморлэндъ.

Да,

Бьютъ отступление и конецъ рѣзнѣ.

Принцъ Джонъ.

Отправьте Кольвиля съ его друзьями

Въ Іоркъ, гдѣ ихъ немедленно казнятъ.

Блентъ, отведите ихъ и стерегите. (*Стража уводитъ Кольвиля*).

Теперь, милорды, поспѣшимъ къ двору.

Я слышалъ, что отецъ мой тяжело боленъ.

Пусть наши вѣсти насъ опередятъ.

Кузень, отправьтесь, чтобъ его утѣшить;

По мѣрѣ силъ мы поспѣшимъ вослѣдъ.

Фальстафъ.

Милордъ, молю, позвольте мнѣ идти

На Глостерширъ. Когда къ двору вернетесь,

Замолвите, милордъ, въ своемъ докладѣ

Словечко обо мнѣ.

Принцъ Джонъ.

Фальстафъ, прощайте.

По своему я долженъ положенью

Васъ расхвалить, какъ вы не заслужили.

(*Всѣ, кромѣ Фальстафа, уходятъ*).

Фальстафъ. Хорошо, если бы у тебя хватило на это ума: это было бы лучше твоего герцогства. Клянусь душой, этотъ трезвый мальчишка не любитъ меня, и

227

никто въ мірѣ не можетъ заставить его смѣяться. Да это и не мудрено: вѣдь онъ не пьетъ вина. Изъ такихъ смиренниковъ никогда прока не выйдетъ. Водянистые напитки слишкомъ охлаждаютъ ихъ кровь, вмѣстѣ съ частымъ употребленіемъ въ пищу рыбы, такъ что они впадаютъ въ какую то мужскую дѣвичью немочь, а когда женятся, то производятъ на свѣтъ только дѣвчонокъ. Они большей частью дураки и трусы и нѣкоторые изъ насъ тоже были бы таковы, если бы не возбуждали себя горячительными напитками. Хорошій хересъ производитъ двоякое дѣйствіе: во-первыхъ, бросается въ голову и высушиваетъ въ мозгу всѣ скопившіеся въ немъ пары глупости, тупости и мрачности, дѣлаетъ его быстрымъ, воспріимчивымъ, изобрѣтательнымъ, полнымъ яркихъ, пламенныхъ, игривыхъ образовъ, которые, переходя въ горло и рождаясь на языкѣ, становятся мѣткимъ остроуміемъ. Второе дѣйствіе хорошаго хереса состоитъ въ томъ, что онъ грѣетъ кровь. Она сначала холодная и неподвижная, и печень поэтому блѣдная, почти бѣлая, что всегда служитъ доказательствомъ и признакомъ слабодушія и тупости; но хересъ разогрѣваетъ кровь и разгоняетъ ее изнутри по конечностямъ. Хересъ расцвѣчиваетъ лицо, и оно, какъ сигнальный огонь, созываетъ къ оружію всѣ остальные силы маленькаго королевства, и тогда всѣ мелкія жизненные полчища и маленькіе духи собираются вокругъ своего капитана – сердца, и оно, подзадоренное такой свитой, совершаетъ подвиги храбрости, – и все это отъ хереса. Такъ что военное искусство ничто безъ хереса – хересъ приводитъ все въ дѣйствіе; ученость – золотой кладъ, оберегаемый дьяволомъ, пока хересъ не пускаетъ ее въ дѣло. Если принцъ Генрихъ храбръ, то именно поэтому; холодную кровь, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отца, словно тощую, бесплодную землю,

онъ разработалъ, вспахалъ и удобрилъ тѣмъ, что благородно пилъ, принявъ большой запасъ плодоноснаго хереса. Вотъ почему онъ такой горячій и храбрый. Еслибъ у меня была тысяча сыновей, то первое житейское правило, которое я бы имъ внушилъ, было бы отвращеніе къ водянистымъ напиткамъ и приверженность къ хересу.

(Входитъ Бардольфъ).

Ну что, Бардольфъ?

Бардольфъ. Войско распущено, и всѣ разошлись.

Фальстафъ. Ну, и Богъ съ ними! Я поѣду черезъ Глостерширъ и тамъ навѣщу мистера Роберта Пустозвона, эсквайра. Я уже порядкомъ размялъ его между пальцами, и скоро буду имъ запечатывать письма. Идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Вестминстеръ. Комната во дворцѣ, называемая Іерусалимомъ.

Входятъ король Генрихъ, принцы Томасъ Кларенсъ и Гемфри Глостеръ, Варвикъ и другіе.

Король Генрихъ.

Теперь, милорды, если волей божьей
Успѣшно кончимъ съ мятежомъ, который
Предъ нашей дверью истекаетъ кровью, -
Мы юношество наше поведемъ
Съ оружіемъ освященнымъ къ лучшимъ битвамъ.
Суда готовы, набраны войска
И облеченъ правами нашъ намѣстникъ.
Сложилось все согласно нашей волѣ,
Лишь намъ самимъ побольше-бъ нужно силъ.
И вотъ мы медлимъ здѣсь, покуда бунтъ
Не покорится подъ ярмо закона.

Варвикъ.

То и другое сбудется и ваше
Величество обрадуется.

Король Генрихъ.

Мой сынъ,

Принцъ Гемфри Глостеръ, гдѣ вашъ старшій братъ?

Принцъ Гемфри.

Мнѣ кажется, милордъ, онъ на охоту
Уѣхалъ въ Виндзоръ.

Король Генрихъ.

Въ чьемъ сопровожденіи?

Принцъ Гемфри.

Не знаю, государь.

Король Генрихъ.

А братъ его,
Принцъ Томасъ Кларенсъ, развѣ не при немъ?
Принцъ Гемфри.
Нѣтъ, государь, онъ съ нами.

Кларенсъ.
Что угодно
Отцу и государю?

228

Король Генрихъ.
Мнѣ угодно,
Принцъ Томасъ Кларенсъ, чтобы ты былъ счастливъ.
Зачѣмъ не съ братомъ ты? Тебя онъ любить,
А ты какъ будто имъ пренебрегаешь.
Изъ братьевъ, Томасъ, ты ему всѣхъ ближе,
Его любовью, сынъ мой, дорожи.
Когда умру, окажешь прочимъ братьямъ
Почетную услугу, какъ посредникъ
Межъ ними и величіемъ его.
Такъ не теряй его, не притупляй
Его любви холодною наружной
И вялымъ отношеніемъ къ волѣ брата.
Себя же не лишай великихъ выгодъ
Его расположенія къ тебѣ.
Онъ милостивъ, внимательность встрѣчая,
Есть у него для жалости слеза
И есть рука, открытая, какъ день,
Для милосердія. Но раздраженный
Становится онъ жестокъ, что кремень,
Измѣнчивъ, какъ зима, и непредвидѣнь,
Какъ утренникъ холодный. Оттого
Соображайся съ настроеніемъ брата.
Его за недостатки пожури
Почтительно, въ веселую минуту.
Когда-же онъ утрюмъ, его не трогай.
Пускай въ немъ страсти, какъ на сушѣ китъ,
Уходятся отъ собственныхъ усилій.
Все это, Томасъ, изучи прилежно,
И будешь ты оплотомъ для друзей,
И свяжешь золотымъ кольцомъ всѣхъ братьевъ,
Чтобъ не далъ трещину сосудъ ихъ общей крови,
Соединенной съ ядомъ клеветы,
Который попадетъ туда съ годами, -

Будь этотъ ядъ сильнѣй, чѣмъ аконитъ,
Мгновеннѣе, чѣмъ порохъ.

Кларенсъ.

Буду къ брату

Съ вниманьемъ относиться и любовью.

Король Генрихъ.

Зачѣмъ не съ нимъ ты въ Виндзоръ?

Кларенсъ.

Его тамъ нѣтъ,

Онъ въ Лондонѣ обѣдаетъ.

Король Генрихъ.

Но съ кѣмъ?

Ты можешь-ли сказать мнѣ это?

Кларенсъ.

Съ Пойнсомъ

И остальной компаніей обычной.

Король Генрихъ.

На тучной почвѣ сорныхъ травъ не счесть.

А онъ – подобье юности моей –

Онъ ими весь поросъ. И оттого-то

Моя печаль простерлась дальше смерти.

Кровавыми слезами плачетъ сердце,

Когда хочу я въ образахъ представить

Дни непотребства, времена разгула,

Которые вамъ суждено увидѣть,

Межъ тѣмъ какъ буду спать въ сосѣдствѣ предковъ.

Когда съ его упрямаго распутства

Спадетъ узда, когда пыль буйной крови

Совѣтникомъ его единымъ станетъ

И руку мотовству подастъ богатство, -

Какъ быстро онъ тогда на крыльяхъ страсти

Опасностямъ на встрѣчу полетитъ

И гибели грозящей!

Барвикъ.

Въ опасеньяхъ

Вы, государь, заходите далеко.

Принцъ изучилъ товарищей своихъ,

Лишь какъ чужой языкъ. Чтобъ овладѣть имъ,

Необходимо видѣть и запомнить

И самыя безстыдныя слова.

Но это знанье лишь ведетъ къ тому,

Какъ вашему величеству извѣстно,

Чтобъ словъ подобныхъ избѣгать, гнушаясь.

Такъ принцъ, когда прispѣетъ срокъ, отринетъ

Своихъ друзей, какъ грубыя слова,
И память лишь о нихъ ему послужить
Образчикомъ иль мѣркой, чтобы ею
Измѣрить жизнь другихъ: тогда на пользу
Ему пойдутъ и прежнія ошибки.

Король Генрихъ.

Нѣтъ, пчелы рѣдко покидаютъ пададь,
Гдѣ медъ снесли. Кто это? Вестморлэндъ?

(Входитъ Вестморлэндъ).

Вестморлэндъ.

Привѣтъ вамъ, государь. Пошли вамъ небо
Побольше радостей такихъ, какъ вѣсть моя.
Принцъ Джонъ, вашъ сынъ, цѣлуетъ вашу руку.
Мобрэ, епископъ Скрупъ, лордъ Гастингсъ – всѣ
Познали кару вашего закона.
Крамолы мечъ нигдѣ намъ не грозитъ,
Но мирная вездѣ цвѣтетъ олива.
О томъ, какъ все происходило, ваше
Величество прочтете на досугъ
Во всѣхъ подробностяхъ.

Король Генрихъ.

О, Вестморлэндъ,

229

Ты – птица вешняя, и средь зимы
Поющая съ зарей. Смотри, - еще извѣстья.

(Входитъ Гаркуртъ).

Гаркуртъ.

Пусть небо отъ враговъ избавить ваше
Величество. Пусть каждый врагъ возставшій
Падетъ, какъ тѣ, о комъ принесъ я вѣсть.
Лордъ Бардольфъ, графъ Нортomberлэндъ и съ ними
Солдатъ англійскихъ много и шотландскихъ
Разгромлены шерифомъ изъ Йоркшира.
Подробности и самый ходъ сраженья
Содержитъ, государь, бумага эта.

Король Генрихъ.

Что-жъ мнѣ такъ плохо отъ вѣстей столь добрыхъ?
Ужель Фортуна въ жизни никогда
Къ намъ не приходитъ съ полными руками?
Ужель она всѣ лучшія сказанья
Уродливыми пишетъ письменами?
То голодъ намъ пошлетъ она безъ пищи,

Какъ это видимъ на здоровыхъ нищихъ;
То намъ пошлетъ роскошнѣйшія яства
Безъ позыва на пищу, какъ мы видимъ
На богачахъ, что средь обилья чахнутъ.
Мнѣ-бъ радоваться радостнымъ извѣстьямъ,
Но гаснетъ взоръ, кружится голова.
Приблизьтесь. Дурно мнѣ...

(Падаетъ въ обморокъ).

Принцъ Гемфри.

Бодритесь, ваше

Величество.

Кларенсъ.

О, мой отецъ державный!...

230

Вестморлэндъ.

Очнитесь, государь, глаза откройте!

Варвикъ.

О, принцы, успокойтесь! Вамъ извѣстно,

У короля припадки эти часты.

Лишь разступитесь. Воздуха побольше,

И онъ оправится.

Кларенсъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ему

Тревогъ мучительныхъ не вынести долго.

Отъ умственныхъ трудовъ, заботъ бессонныхъ

Ограда духа такъ въ немъ истончилась,

Что жизнь черезъ нее сквозить, готова

Прорваться вонъ.

Принцъ Гемфри.

Меня народъ пугаетъ.

Толкуютъ о зачатяхъ безъ отцовъ,

О противоестественныхъ рожденьяхъ.

Обычный ходъ времени вдругъ измѣнился,

Какъ если-бъ годъ перескочилъ въ пути

Черезъ мѣсяцы уснувшіе.

Кларенсъ.

Въ рекъ

Приливъ три раза кряду повторился,

Не раздѣленъ отливомъ. Старики –

Время минувшихъ лѣтопись живая –

Твердятъ, что незадолго передъ тѣмъ,

Какъ Эдуардъ, нашъ предокъ, заболѣлъ

И умеръ, то же самое случилось.

Варвикъ.

Потише, принцы. Вотъ король очнулся.

Принцъ Гемфри.

Боюсь, его ударъ погубить этотъ.

Король Генрихъ.

Прошу, возьмите на руки меня

И отнесите въ комнату другую.

Но тише, ради Бога.

(Короля уносятъ въ глубину сцены и кладутъ на постель).

Не шумите,

О, добрые друзья! Но пусть чья-либо

Негромкая и нѣжная рука

Мой духъ усталый музыкой ласкаетъ!

Варвикъ.

Въ покой сосѣдній музыку позвать!

Король Генрихъ.

Корону положите на подушку.

Кларенсъ.

Глаза его ввалились. Какъ ужасно

Онъ измѣнился весь.

Варвикъ.

О, тише, тише!

(Входитъ принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Кто скажетъ мнѣ, гдѣ герцогъ Кларенсъ?

Кларенсъ.

Братъ,

Я здѣсь и въ сильномъ горѣ.

Принцъ Генрихъ.

Какъ? Теперь?

На улицѣ свѣтло, а въ домѣ дождь?

Что съ королемъ?

Принцъ Гемфри.

Онъ боленъ и опасно.

Принцъ Генрихъ.

Услышалъ-ли онъ радостныя вѣсти?

Скажи ему.

Принцъ Гемфри.

Вѣстямъ внимая этимъ,

Онъ заболѣлъ.

Принцъ Генрихъ.

Отъ радости ставъ боленъ,

Онъ безъ лѣкарствъ поправится.

Варвикъ.
Молчите,
Милорды. Тише, милый принцъ. Король,
Родитель вашъ, какъ будто засыпаетъ.
Кларенсъ.

Идемъ въ другую комнату.

Варвикъ.
Угодно-ль,
Добрѣйшій принцъ, послѣдовать за нами?
Принцъ Генрихъ.

Нѣтъ, я хочу смотрѣть за королемъ.

(Всѣ, кромѣ принца Генриха, уходятъ).

Зачѣмъ лѣжитъ здѣсь на его подушкѣ
Корона, - сопостельница дурная,
Блестящая тревога, золотая
Забота? Сколько разъ безсонной ночью
Она предъ нимъ держала двери бдѣнья
Распахнутыми настежь? А теперь
Онъ съ нею спитъ. Но все-жъ наполовину

232

Не столь здоровымъ, сладкимъ сномъ, какъ тотъ,
Кто, повязавши лобъ свой грубой тканью,
Всю ночь храпитъ спокойно. О, величье!
Того, кто облеченъ тобой, ты давишь,
Какъ въ знойный день блестящія доспѣхи,
Что защищаютъ тѣло, но и жгутъ.
Вотъ перышко у вратъ его дыханья
Лежитъ недвижно. Если-бъ онъ дышалъ,
Пушокъ воздушно-легкій шевелился-бъ.
Мой государь добрѣйшій, мой отецъ.
Твой вправду крѣпокъ сонъ. То – сонъ, который
Вотъ съ этимъ золотымъ кольцомъ немало
Ужъ разлучилъ англійскихъ королей.
Мой долгъ по отношенію къ тебѣ –
Скорбѣть и плакать. Этотъ долгъ сполна
Тебѣ, о дорогой отецъ, заплатятъ
Природная любовь и нѣжность сына.
Твой долгъ, по отношенію ко мнѣ,
Отдать мнѣ королевскую корону,
Которою по сану и по крови
Теперь я непосредственно владѣю.
Вотъ гдѣ ей быть.

(Надѣваетъ корону себѣ на голову).

И Богъ ее храни!

Ничья рука – хотя-бы и гиганта,
Вмѣстившая въ себѣ всю крѣпость міра, -
Насильно у меня не вырветъ этой
Доставшейся мнѣ по наслѣдству чести.
Но тотъ вѣнецъ, что раздобылъ ты самъ,
Взявъ у тебя, я дѣтямъ передамъ.

(Уходитъ).

Король Генрихъ.

О Варвикъ, Кларенсъ, Глочестеръ!

(Входитъ Варвикъ, Кларенсъ, Глочестеръ и другіе).

Кларенсъ.

Король

Изволилъ звать насъ?

Варвикъ.

Какъ здоровье ваше?

Что вашему величеству угодно?

Король Генрихъ.

Зачѣмъ, милорды, одного меня

Покинули вы здѣсь?

Кларенсъ.

Мы, государь,

Оставили здѣсь брата моего.

При васъ сидѣть хотѣлъ онъ.

Король Генрихъ.

Принцъ Уэльскій?

Но гдѣ-жъ онъ? Дайте на него взглянуть мнѣ.

Здѣсь нѣтъ его.

Варвикъ.

Открыта дверь: онъ вышелъ.

Принцъ Гемфри.

Но не чрезъ комнату, гдѣ были мы.

Король Генрихъ.

Корона гдѣ? Кто взялъ ее съ подушки?

Варвикъ.

Она лежала тутъ, когда мы вышли.

Король Генрихъ.

То принцъ, должно быть. Разыщите принца.

Ужель онъ такъ торопится, что принялъ

Мой сонъ за смерть? Лордъ Варвикъ, отыщите

И, пожуривъ, сюда пришлите принца.

(Варвикъ уходитъ).

Такой поступокъ сына лишь поможетъ

Болѣзни доканать меня. Смотрите,
О сыновья мои, что вы такое!
Какъ быстро извращается природа,
Увлечшись блескомъ золота, какъ цѣлью.
Вотъ для чего, безумные отцы,
Тревогой вы свой сонъ обременяли,
Заботой – мозгъ, трудомъ тяжелымъ – кости.
Вотъ для чего вы накапливали груды
Похищенного золота чужого.
Вотъ для чего вы сыновей учили
Искусствамъ и военнымъ упражненьямъ.
Какъ пчелы, что на всѣхъ цвѣтахъ собираютъ
Ихъ сладкій сокъ, мы, ротъ набивши медомъ
И свѣтлымъ воскомъ бедра нагрузивъ,
Летимъ въ свой улей и, подобно пчеламъ,
Встрѣчаемъ смерть въ награду за труды.
Вотъ горечь, что приходится вкусить
Отцу передъ кончиной. (*Возвращается Варвикъ*).

Гдѣ-жъ тотъ,

Кто ужъ не въ силахъ ждать, пока болѣзнь –
Союзница его – со мной покончить?

Варвикъ.

Милордъ, въ сосѣдней комнатѣ засталъ
Я принца, обливавшего лицо
Прекрасное столь нѣжными слезами,
Что даже кровожадное злодѣйство,
Увидѣвши его, свой ножъ омыло-бъ
Росой очей. Вотъ онъ, сюда идетъ.

Король Генрихъ.

Зачѣмъ-же онъ корону взялъ отсюда?

234

(*Входитъ принцъ Генрихъ*).

Смотрите, онъ идетъ. Приблизься, Гарри.
Уйдите всѣ. Оставьте насъ однихъ.

(*Варвикъ и другіе уходятъ*).

Принцъ Генрихъ.

Не думалъ я вашъ голосъ вновь услышать.

Король Генрихъ.

Отцомъ подобной мысли было, Гарри,
Твое желанье. Зажился на свѣтѣ
Я слишкомъ долго. Въ тягость я тебѣ.
Но неужели такъ изголодался

Ты по моемъ престолѣ опустѣвшемъ,
Что поспѣшилъ облечься въ знаки власти.
Предъ тѣмъ какъ часъ созрѣлъ? Безумна юность.
Величья ищешь, что тебя раздавить.
Немного потерпи. Столь слабый вѣтеръ
Поддерживаетъ отъ паденья тучку
Моей минувшей власти, что ей вскорѣ
Поникнуть суждено. Мой день померкъ.
Ты то похитилъ, что и безъ вины
Черезъ нѣсколько часовъ твоимъ-бы стало.
Предъ смертью ты какъ-бы скрѣпилъ печатью
Мои всѣ подозрѣнья. Жизнь твоя
Уликой мнѣ служила, что меня
Не любишь ты. И вотъ ты захотѣлъ
Чтобъ умеръ я, вполне въ томъ убѣжденный.
Таилъ ты въ мысляхъ тысячу кинжаловъ,
О каменное сердце ихъ точилъ,
Чтобъ полъ-часа убить отцовской жизни.
Какъ! Полъ-часа не могъ ты потерпѣть?
Коль такъ, ступай, самъ вырой мнѣ могилу,
Вели колоколамъ вѣщать съ весельемъ
Не смерть мою, - твое коронованье.
Изъ слезъ, что оросятъ мой гробъ, свари
Елей, чтобъ имъ чело свое помазать.
Смѣшай меня съ давно забытымъ прахомъ.
Отдай червямъ того, кто далъ тебѣ
Дыханье. Отмѣни мои указы,
Смѣсти моихъ сановниковъ. Не время
Теперь блюсти порядокъ. Генрихъ Пятый
Вступилъ на тронъ! Тщеславье, ободрись!
Сокройся, королевское величье!
Прочь, мудрые совѣтники! Отнынѣ
Со всѣхъ концовъ къ англійскому двору
Пусть обезьяны праздныя стекутся.
Теперь, сосѣди, вы отъ всѣхъ отбросовъ
Очиститесь. Имѣются-ль у васъ
Бездѣльники, что сквернословятъ, пляшутъ,
Всю ночь гуляютъ, грабятъ, убиваютъ,
Ну, словомъ совершаютъ всѣ грѣхи
Старинные на новый ладъ? Утѣштесь,
Они васъ больше тяготить не станутъ:
Тройное зло ихъ Англія прикроетъ
Двойною позолотой. Должность, силу
Почетъ, - все это Англія имъ дастъ.

Тамъ Генрихъ Пятый снялъ намордникъ власти
Съ распутства, укрощеннаго съ трудомъ,
И злобный песь зубами вновь вопьется
Въ тѣла невинныхъ. О, мой бѣдный край,
Междоусобной распрей изнуренный!
Ужъ если власть моя не сберегла
Тебя отъ безпорядка, что-же будетъ,
Коль безпорядокъ овладѣтъ властью?
Вновь станешь глушью, логовомъ волковъ,
Твоихъ-же обитателей старинныхъ.

Принцъ Генрихъ (*преклоня колыни*).

Простите, государь мой. Если-бъ слезы
Помѣхой влажной не были для словъ,
Давно-бъ я вашъ укоръ прервалъ столь горькій
И милый мнѣ, и не далъ вашей скорби
Его договорить, своей – дослушать.
Вотъ вашъ вѣнецъ, и пусть его надолго
Хранить для васъ Тотъ, чей вѣнецъ – безсмертье.
О, если онъ дороже былъ мнѣ чести
И славы вашей, пусть я никогда
Съ земли не встану, гдѣ лежу, простертый,
Послушный чувству вѣрности и долга.
Извѣстно Богу одному, какъ сердце
Во мнѣ похолодѣло вдругъ, когда я,
Войдя сюда, засталъ васъ безъ дыханья.
Коль притворяюсь, пусть средь буйной жизни
Теперь умру, чтобъ свѣтъ, довѣрья чуждый,
Не видѣлъ благородной перемѣны,
Которую рѣшилъ я проявить.
Войдя сюда и васъ сочтя умершимъ,
Чуть не умерши самъ при этой мысли,
Съ короной, какъ съ разумнымъ существомъ,
Я рѣчь повелъ и такъ ее корилъ:
"Заботы, неразлучныя съ тобою,
Пожрали тѣло моего отца.
За то тебя, слывущую чистѣйшимъ,
Я наихудшимъ золотомъ зову.
Другое, хоть достоинствомъ пониже,
Цѣннѣе оттого, что какъ цѣлебный
Напитокъ сохраняетъ нашу жизнь.
Ты-жъ, первая по качеству и славѣ,
Того убила, кто тебя носилъ".
Такъ, государь, твердя слова укора,
Я на себя корону возложилъ,

Чтобъ съ нею – съ супостатомъ, на моихъ
Глазахъ убившимъ моего отца -
Затѣять бой, какъ истинный наслѣдникъ.
Но если заразила кровь мою
Она малѣйшей радостью иль гордость
Раздула въ мысляхъ, если духъ мятежный

236

Иль суетный во мнѣ на встрѣчу ей
Съ привѣтомъ устремился, какъ къ желанной, -
Пусть вѣчно Богъ ее далеко держитъ
Отъ головы моей, пусть превращусь
Въ бѣднѣйшаго вассала, кто колѣни
Предъ ней въ священномъ страхѣ преклоняетъ.

Король Генрихъ.

О, сынъ мой! Богъ внушилъ тебѣ желанье
Унести ее, чтобъ мудрымъ извиненьемъ
Любовь отца сильнѣе возбудить.
Приблизься, Гарри, сядь у изголовья
И выслушай послѣдній мой совѣтъ,
Который, вѣрю, дать еще я въ силахъ.
Извѣстно Богу одному, какими
Окольными путями и кривыми
Я раздобылъ корону эту. Мнѣ же
Извѣстно хорошо, какъ безпокойно
Она на головѣ моей сидѣла.
Къ тебѣ – она окрѣпшей перейдетъ
Средь общаго признанья и покоя.
Все темное, что связано съ ея
Приобрѣтеньемъ, въ гробъ уйдетъ со мною.
Но мнѣ она казалась знакомъ власти,
Захваченной насильственной рукой.
Отъ многихъ въ жизни могъ укоръ я слышать,
Что свой вѣнецъ съ ихъ помощью я добылъ,
И это каждый день рождало распри
Кровавыя, терзая мнимый миръ.
Ты видѣлъ самъ, съ опасностью какою
Я отвѣчалъ на грозные удары.
Мое все царствованье было драмой,
Раздоры – содержаніемъ ея.
Моя-же смерть мѣняетъ все. Что было
Въ моихъ рукахъ захватомъ, перейдетъ
Къ тебѣ съ названьемъ болѣ благороднымъ:

Ты свой вѣнецъ въ наслѣдство получилъ.
И все таки, хотя стоишь ты тверже,
Чѣмъ я, ты крѣпокъ не вполнѣ, покуда
Обиды свѣжи. Тѣ мои друзья,
Кого и ты назвать друзьями долженъ,
Лишились такъ еще недавно грозныхъ
Зубовъ и жалъ. Могуществомъ своимъ
Они мнѣ помогли достигнуть власти,
И я бояться могъ, что сила ихъ
Меня низвергнетъ. Чтобъ бѣды избѣгнуть,
Однихъ я сокрушилъ, другихъ собирался
Вести въ святую землю, чтобы праздность
И долгій отдыхъ не дали имъ слишкомъ
Глубоко заглянуть въ мои права.
И потому, мой Гарри, вѣчно думай
О томъ, чтобъ занимать войною внѣшней
Ихъ шаткіе умы. Трудясь въ чужбинѣ,
Они забудутъ о своемъ быломъ.
Хотѣлъ сказать я многое, но въ легкихъ
Дыханья нѣтъ. Изсякла сила рѣчи.
Прости, Господь, мой путь, къ вѣнцу приведшій,
Пусть долгій миръ смѣнитъ раздоръ прошедшій.

Принцъ Генрихъ.

Вы добыли, носили свой вѣнецъ
И мнѣ вручили. Спорамъ всѣмъ конецъ.
Пусть ополчится міръ. Со всей вселенной
Одинъ сражусь за вашъ вѣнецъ священный.

(Входятъ принцъ Джонъ, Варвикъ, лорды и другіе).

Король Генрихъ.

Смотри, смотри, идетъ мой Джонъ Ланкастрскій.

Принцъ Джонъ.

Здоровья, мира, счастья государю.

Король Генрихъ.

Ты, Джонъ, съ собой приносишь миръ и счастье.
Здоровье-же, увы, на крыльяхъ юныхъ
Умчалось и покинуло меня,
Какъ голый пенъ сухой. Тебя увидѣвъ,
Покончилъ я съ заботами земли.
Лордъ Варвикъ здѣсь?

Принцъ Генрихъ.

Лордъ Варвикъ!

Король Генрихъ.

Тотъ покой,

Гдѣ мнѣ впервые сдѣлалось дурно,

Не носить-ли особаго названья?

Варвикъ.

Милордъ, его зовутъ Іерусалимомъ.

Король Генрихъ.

Хвала Творцу! Тамъ долженъ жизнь я кончить.

Давно тому назадъ мнѣ предсказали,

Что я окончу дни въ Іерусалимѣ.

Мечталъ я тщетно про святую землю.

Въ ту комнату! Тамъ вѣчнымъ сномъ усни!

Въ Іерусалимѣ Гарри кончить дни.

(Уходятъ).

237

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Глостерширъ. Комната въ домѣ Пустозвона.

Входятъ Пустозвонъ, Фальстафъ, Бардольфъ и пажъ.

Пустозвонъ. Клянусь пѣтухомъ и сорокой, сэръ, вы не уѣдете сегодня. Эй, Дэви!

Фальстафъ. Ужъ вы извините меня, мистеръ Робертъ Пустозвонъ.

Пустозвонъ. Не извиню, никакихъ извиненій не принимаю. Никакое извиненіе вамъ не поможетъ. Васъ не извинятъ. Эй, Дэви, гдѣ ты?

(Входитъ Дэви).

Дэви. Здѣсь, сэръ.

Пустозвонъ. Дэви, Дэви, Дэви, постой – ахъ да! позови сюда повара Вильяма. Сэръ Джонъ, ваше извиненіе не принимается.

Дэви. Слушаю, сэръ. Этихъ повѣстокъ я не могъ вручить. Да и вотъ еще – чѣмъ мы засѣмъ ту большую пашню – пшеницей?

Пустозвонъ. Да, красной пшеницей, Дэви. Но позови повара Вильяма... Есть у насъ молодые голуби?

Дэви. Да, сэръ. А вотъ счетъ кузнеца за ковку лошадей и за плуги.

Пустозвонъ. Провѣрь счетъ и заплати. Сэръ Джонъ, никакихъ извиненій!

Дэви. А еще, сэръ, нужно купить новую цѣпь къ ведру; да еще – прикажете вычестъ изъ жалованья Вильяма за мѣшокъ, который онъ потерялъ на рынкѣ въ Гинкслѣ?

Пустозвонъ. Непремѣнно. Такъ вотъ, Дэви, пару голубей, пару цыплятъ, ножку баранины, да еще разныя разности, скажи это повару Вильяму.

Дэви. А военный господинъ останется здѣсь на ночь, сэръ?

Пустозвонъ. Да, Дэви. Я хочу его хорошенько угостить. Другъ при дворѣ лучше, чѣмъ пенни въ кошелькѣ. Угости хорошенько и его людей, Дэви. Они вѣдь порядочные плуты и потомъ будутъ кусать заглазно.

Дэви. У нихъ самихъ спина искусана, сэръ: бѣлье на нихъ страсть какое грязное.

Пустозвонъ. Хорошо придумано, Дэви. Дѣлай, что сказано, Дэви.

Дэви. Я прошу васъ, сэръ, поддержать Вильяма Визора изъ Виконта противъ Клемента Перкса съ горы.

Пустозвонъ. На Визора поступило много жалобъ. Онъ, насколько я знаю, большой подлецъ.

Дэви. Вполнѣ согласенъ съ вашей милостью, сэръ, что онъ подлецъ. Но неужели, Господи помилуй, нельзя поддержать поддѣла по просьбѣ его друга? Честный человѣкъ, сэръ, можетъ самъ себя защитить, а подлецъ не можетъ. Я вѣрно служилъ вашей милости, сэръ, вотъ уже восемь лѣтъ, и если мнѣ не дозволено разъ или два въ четверть года поддержать мошенника противъ честнаго человѣка, то, видно, мало у васъ ко мнѣ расположенія. Этотъ подлецъ мой честный другъ, сэръ, и потому я очень прошу вашу милость рѣшить дѣло въ его пользу.

Пустозвонъ. Ну, хорошо, я его не обижу. А теперь иди, Дэви. *(Дэви уходитъ)*. Гдѣ вы, сэръ Джонъ? Ну, ну, пожалуйста, снимайте сапоги. Вашу руку, мистеръ Бардольфъ.

Бардольфъ. Я радъ видѣть вашу милость.

Пустозвонъ. Благодарю тебя отъ всего сердца, милый Бардольфъ. Добро пожаловать, великанъ. Идемте, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Скоро приду, мистеръ Пустозвонъ. *(Пустозвонъ уходитъ)*. Бардольфъ, присмотри за нашими лошадьми. *(Бардольфъ и пажъ уходятъ)*. Если бы меня распилили на части, то вышло бы четыре дюжины такихъ бородатыхъ, монашескихъ посоховъ, какъ мистеръ Пустозвонъ. Какое удивительное соотвѣтствіе между его умомъ и умомъ его прислуги: глядя на него, они ведутъ себя какъ дураки судьи, а онъ, разговаривая постоянно съ ними, превратился въ лакея, похожаго на судью. Ихъ мысли такъ слились, благодаря постоянному сообществу, что они держатся всѣ вмѣстѣ, какъ стадо дикихъ гусей. Имѣй я нужду въ мистерѣ Пустозвонѣ, я бы сталъ льстить его людямъ, говоря имъ объ ихъ сходствѣ съ ихъ хозяиномъ; нуждайся я въ его слугахъ, я льстилъ бы мистеру Пустозвону, говоря ему, что никто не умѣетъ лучше повелѣвать слугами, чѣмъ онъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ мудреное поведеніе, такъ и глупое заразительны подобно болѣзни, – поэтому нужно брать товарищей со строгимъ разборомъ. Я изъ этого Пустозвона

извлекъ достаточно смѣшного, чтобы позабавить принца Генриха столько времени, сколько длятся шесть модъ, что равняется четыремъ судебнымъ срокамъ и двумъ долговымъ, и онъ будетъ хопотать безъ "интерваловъ". Удивительно, какъ дѣйствуетъ на людей выдумка, приправленная легкой клятвой, или шутка, сказанная съ мрачнымъ видомъ – въ особенности на молодежь, не испытавшую,

что такое ломота въ плечахъ. Принцъ будетъ хохотать до тѣхъ поръ, пока лицо его не сморщится, какъ промокшій плащъ.

Пустозвонъ (*за сценой*). Сэръ Джонъ!

Фальстафъ. Иду, мистеръ Пустозвонъ.

СЦЕНА II.

Вестминстеръ. Комната во дворцѣ.

Съ разныхъ сторонъ входятъ Варвикъ и лордъ верховный судья.

Варвикъ.

Ну что, милордъ судья, куда идете?

Верховный судья.

Какъ чувствуетъ себя король?

Варвикъ.

Отлично.

Онъ всѣмъ заботамъ чуждъ.

Верховный судья.

Надѣюсь, онъ

Не умеръ?

Варвикъ.

Путь, указанный природой,

Онъ совершилъ и не живетъ для насъ.

Верховный судья.

Зачѣмъ онъ и меня не взялъ съ собой?

За то, что вѣкъ свой правдой прослужилъ я,

Теперь не защищенъ я отъ обидъ.

Варвикъ.

И впрямь, васъ молодой король не любить.

Верховный судья.

Да, знаю и заранѣе готовлюсь

Привѣтствовать я новые порядки.

Дѣйствительность не можетъ быть печальнѣй

Того, что мнѣ сулитъ воображенье.

Входятъ принцъ Джонъ, принцъ Гемфри, принцъ Кларенсъ,

Вестморлендъ и другіе.

Варвикъ.

Вотъ Генриха умершаго идутъ

Потомки огорченные. О, если-бъ

Живущій Генрихъ нравомъ былъ похожъ

На худшаго изъ братьевъ трехъ! Какъ много-бъ

Осталось на мѣстахъ служилой знати,

Которой нынче паруса убрать

Предъ сволочью нахлынувшей придется.

Верховный судья.

Увы! Боюсь, что все пойдёт вверх дномъ.

Принцъ Джонъ.

Привѣтъ, лордъ Варвикъ.

Принцы Гемфри и Кларенсъ.
Съ добрымъ утромъ, лордъ.

Принцъ Джонъ.

Мы будто разучились говорить.

Варвикъ.

Ну, не совсѣмъ, но слишкомъ наша скорбь
Тяжка, чтобъ говорить о ней.

Принцъ Джонъ.

Миръ праху

Того, по комъ такъ тяжело мы скорбимъ.

Верховный судья.

Миръ намъ.

Спаси насъ Богъ отъ скорби болѣ тяжелой.

Принцъ Гемфри.

Милордъ, вы вправду друга потеряли.

И я готовъ поклясться, что на вашемъ

Лицѣ печаль взята не на прокатъ,

А въ собственность вполнѣ принадлежитъ вамъ.

Принцъ Джонъ.

Хотя никто не можетъ быть увѣренъ

Въ расположеніи короля, но васъ

Вѣрнѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ, ждетъ немилость.

Скорблю за васъ. Какъ измѣнить все это?

Кларенсъ.

Заискивать теперь у сэра Джона

Фальстафа вамъ придется. Это значить:

Противъ течения плыть своихъ-же чувствъ.

Верховный судья.

Въ своихъ дѣлахъ всегда служилъ я чести,

Руководился духомъ безпристрастья.

Нѣтъ, принцы дорогіе, никогда

Меня вы не увидите просящимъ

О нищенскомъ позорномъ снисхожденіи.

Коль правда и невинность не помогутъ,

Отправляюсь вслѣдъ за королемъ умершимъ

И расскажу, кѣмъ посланъ.

Варвикъ.

Принцъ идетъ.

(Входитъ король Генрихъ Пятый въ сопровожденъи свиты).

Верховный судья.

Привѣтъ вамъ. Да хранить Всевышній ваше
Величество!

Король Генрихъ.

Величество – нарядъ

Хоть блещущій – сидить не такъ удобно,
Какъ думаете вы! Я вижу, братья,
Подъ вашей грустью скрыть какой-то страхъ.
Мы при дворѣ англійскомъ, не турецкомъ.
Не Амурату Амуратъ, но Генрихъ
Здѣсь Генриху наслѣдуетъ. Грустите,
О, братья добрые! Вамъ грусть пристала.
Нарядъ печали такъ по королевски
Вы носите, что углубить хочу я
Вашъ трауръ и въ душѣ его носить.
Да, будьте грустны, братья дорогие,
Но на себѣ несите это бремя,
Лишь какъ частицу грусти всенародной.
Что до меня, молю васъ Богомъ, вѣрьте,
Что буду вамъ отцомъ и вмѣстѣ братомъ.
Вы дайте мнѣ любовь свою, и я
Возьму заботы ваши. Плачьте, братья,
Что Генрихъ умеръ. Самъ о томъ я плачу.
Но Генрихъ живъ, который превратитъ
Въ дни счастья вашу каждую слезинку.

Принцъ Джонъ.

Мы ничего другого и не ждемъ
Отъ вашего величества.

Король Генрихъ.

Какъ странно

Вы смотрите. *(Верховному судья)*

Въ особенности вы.

Вы, думаю, вполнѣ убѣждены,
Что я васъ не люблю?

Верховный судья.

Я убѣжденъ,

Что, безпристрастно на меня взглянувъ,
Вы, государь, причины не найдете
Для ненависти.

Король Генрихъ.

Нѣтъ? Какъ можетъ принцъ

Столь высоко поставленный забыть
Столь тяжкія обиды? Какъ! Позорить,

Бранить и грубо посадить въ тюрьму
Наслѣдника англійскаго престола!
И это все ничто не можетъ
Быть смыто въ волнахъ Леты и забыто?

Верховный судья.

Въ моемъ лицѣ въ то время былъ представленъ
Родитель вашъ, его же власти знакъ
Лежалъ на мнѣ. И вотъ, когда законы
Его я примѣнялъ, заботясь только
Объ общемъ благѣ, - вамъ угодно было,
Забывъ мой санъ, величье правосудья,
Закона мощь и образъ короля,
Который я собою воплощалъ,
Мнѣ нанести ударъ въ судейскомъ креслѣ,
И, смѣло пользуясь мнѣ данной властью,
Я васъ велѣлъ подъ стражу взять, какъ если-бъ
Вы оскорбили вашего отца.
Коль я тогда неправъ былъ, вы теперь,
Вѣнецъ надѣвъ, должны мириться съ мыслью,
Что сынъ вашъ будетъ обращать въ ничто
Велѣнья ваши, прогонять судью
Съ его скамьи почетной, преграждать
Течение правосудья, притуплять
Тотъ мечъ, что охраняетъ безопасность
Особы вашей. Болѣе того:
Топтать ногами образъ вашъ державный,
Надъ вашими дѣлами издѣваться
Въ лицѣ другого. Собственную мысль
Спросите, какъ король. Себя на мѣсто
Отца поставьте. Будьте сами въ мысляхъ
Отцомъ такого, какъ вы были, сына.
Внемлите поруганью своего
Достоинства, взгляните на презрѣнье
Къ священнѣйшимъ законамъ, къ вамъ самимъ.
Теперь вообразите, что за васъ
Вступаюсь я и въ силу вашей власти
Спокойно сына вашего смиряю.
Все это хладнокровно обсудивъ,
Мнѣ, какъ монархъ, рѣшенье объявите.
Скажите, чѣмъ, когда я преступилъ
Свой санъ, права и преданность престолу?

Король Генрихъ.

Вы взвѣсили все вѣрно. Оттого
Держите впредь вѣсы и мечъ закона.

Желаю вамъ средь почестей растущихъ
Дожить до дня, когда мой взрослый сынъ,
Васъ оскорбивъ, какъ я, вамъ подчинится.
Тогда я повторю слова отца:
"Я счастливъ, смѣлаго судью имѣя,
Кто сына моего дерзнулъ судить.
Но также счастливъ я, имѣя сына,

240

Кто въ руки правосудья самъ предалъ
Свое величье". Вы меня къ тюремѣ
Приговорили. Я приговорю васъ
Носить и впредь тотъ мечъ, что вы носили
Донынѣ безъ пятна, въ надеждѣ твердой,
Что будете имъ дѣйствовать всегда
Безъ страха и пристрастїя, какъ противъ
Меня когда-то. Вотъ моя рука.
Отцомъ моей вы молодости будьте.
Мой голосъ станетъ вторить вашей мысли;
Свои желанья подчиню покорно
Совѣтамъ мудрымъ опытности вашей.
А вы, о принцы, вѣрьте мнѣ, молю васъ:
Мои пороки спятъ въ гробу съ отцомъ,
Во мнѣ-же ожилъ духъ его суровый,
Чтобъ я надъ ожиданьями людей,
Надъ ложнымъ мнѣньемъ свѣта посмѣялся
И пристыдилъ пророковъ, осудившихъ
Меня за внѣшность. Суетно донынѣ
Во мнѣ потокъ струился буйной крови.
Теперь назадъ онъ къ морю путь направить
И тамъ сольется съ царствомъ всѣхъ потоковъ
И потечетъ въ величьи королевскомъ.
Мы созовемъ высокій нашъ парламентъ.
Въ совѣтъ свой членовъ изберемъ такихъ,
Чтобъ мощное державы нашей тѣло
Отъ государствъ другихъ не отставало,
Имѣющихъ правителей мудрѣйшихъ.
Война-ль придетъ, иль миръ, иль оба вмѣстѣ,
Мы встрѣтимъ ихъ, готовы ко всему. (*Къ верховному судью*)
И вы, отецъ мой, будете всѣмъ этимъ
Руководить. Вслѣдъ за вѣнчаньемъ нашимъ
Чины мы созовемъ, какъ я сказалъ вамъ,
И Богъ да подкрѣпитъ меня въ благихъ

Намѣреньяхъ. Пускай ни принцъ, ни пѣръ
Просить у неба не найдетъ причины
Жизнь Гарри сократить на день единый.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Глостерширъ, садъ въ домѣ Пустозвона.

Входятъ Фальстафъ, Пустозвонъ, Тихоня, Бардольфъ, пажъ и Дэви.

Пустозвонъ. Нѣтъ, вы должны еще посмотреть мой садъ, и тамъ въ бесѣдкѣ мы покушаемъ прошлогоднихъ яблокъ моей собственной прививки, съѣдимъ тарелку конфектъ съ тминомъ и еще что нибудь... Идемте, кузень Тихоня. А потомъ въ постель.

Фальстафъ. Однако, клянусь Богомъ, у васъ славное помѣстье – очень богатое.

Пустозвонъ. Жалкое, жалкое, жалкое помѣстье, сэръ Джонъ, совсѣмъ нищенское, одно только, что хорошій воздухъ. Накрывай, Дэви, накрывай! Вотъ такъ, хорошо!

Фальстафъ. Этотъ Дэви у васъ на всѣ руки, – онъ и слуга, и управляющій.

Пустозвонъ. Хорошій слуга, очень хорошій, сэръ Джонъ. Клянусь обѣдней, я слишкомъ много хересу выпилъ за ужиномъ... Хорошій слуга! А теперь, садитесь, садитесь. Идемъ, кузень.

Тихоня.

Эй, говорю я,

Послѣ годика хорошаго

Всѣ полны боченки.

Нынче мясо стоитъ дешево,

Дороги дѣвчонки.

Будемъ, братцы, ѣсть да пить.

Веселѣй, ребята.

Фальстафъ. Какой вы весельчакъ. Я выпью за ваше здоровье, мистеръ Тихоня.

Пустозвонъ. Дай вина мистеру Бардольфу, Дэви.

Дэви. Добрѣйшій сэръ, садитесь, я сейчасъ вернусь къ вамъ; садитесь, добрый сэръ. И вы, добрый мистеръ пажъ, садитесь. Ваше здоровье! Если не достанетъ чего съѣстного – мы вознаградимъ выпивкой. Не взыщите – главное, все здѣсь отъ души.

(Уходитъ).

Пустозвонъ. Веселѣй, мистеръ Бардольфъ, и ты, мой маленькій солдатъ, тоже будь веселѣй.

Тихоня (поетъ).

Веселѣй да веселѣй!

Хочешь, маршъ къ женѣ моей,

Бабы всѣ плутовки.

Гдѣ мужчины, тамъ онѣ

Наровятъ наединѣ
Колдовать, чертовки.

Фальстафъ. Я не зналъ, что мистеръ Тихоня такой молодецъ.

Тихоня. Я? Мнѣ ужъ случилось въ жизни бывать веселымъ разъ другой.

(Возвращается Дэви).

Дэви. Вотъ вамъ тарелка яблокъ.

(Ставитъ ихъ предъ Бардольфомъ).

Пустозвонъ. Дэви!

Дэви. Что прикажете, ваша милость? Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. –
Стаканъ вина, сэръ?

Тихоня *(поетъ)*.

Зайдемъ, красotka, въ кабачокъ.

241

Нальемъ стакана два – и чокъ,
И сердцу будетъ любо.

Фальстафъ. Хорошо сказано, мистеръ Тихоня.

Тихоня. Давайте веселиться; предъ нами еще самая пріятная часть ночи.

Фальстафъ. Ваше здоровье, мистеръ Тихоня, - много лѣтъ вамъ здравствовать.

Тихоня *(поетъ)*.

Я выпью весь стаканъ вина,
Будь миля цѣлая до дна.

Пустозвонъ. Честный Бардольфъ, - твое здоровье. Если тебѣ чего нибудь хочется и ты не требуешь – пеняй на самого себя. И ты тоже, маленькій плутишка, милости просимъ. Я пью за здоровье мистера Бардольфа и всѣхъ лондонскихъ кавалеровъ.

Дэви. Я надѣюсь, что еще увижу Лондонъ, прежде чѣмъ умру.

Бардольфъ. Хотѣлъ-бы встрѣтиться съ тобою тамъ, Дэви.

Пустозвонъ. Клянусь обѣдней, вы тамъ осушите вмѣстѣ добрую кварту. Не правда ли, мистеръ Бардольфъ?

Бардольфъ. Конечно, сэръ, - пинты въ четыре.

Пустозвонъ. И прекрасно, благодарю тебя. Этотъ негодяй не отстанетъ отъ тебя, повѣрь мнѣ. Онъ славный малый.

Бардольфъ. И я отъ него не отстану, сэръ.

Пустозвонъ. Ты сказалъ это, какъ король. Пейте и ѣшьте вдоволь – будьте веселы. *(Стукъ)*. Посмотри, кто тамъ стучить. *(Уходитъ Дэви)*.

Фальстафъ. *(Тихоня, который только что выпилъ полный кубокъ)*. Вотъ теперь я получилъ отъ васъ надлежащій отвѣтъ.

Тихоня *(поетъ)*.

Мой отвѣтъ храня,
Въ рыцари меня
Посвяти, Саминго.

Такъ вѣдь?

Фальстафъ. Такъ.

Тихоня. Вотъ видите. Сознайтесь, что старый человѣкъ иногда еще кой на что годится.

(Возвращается Дэви).

Дэви. Съ позволенія вашей милости, тутъ пришелъ какой-то Пистоль и привезъ новости отъ двора.

Фальстафъ. Отъ двора? Пусть войдетъ.

(Входитъ Пистоль).

Что слышно, Пистоль?

Пистоль. Да хранить васъ Богъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Какой вѣтеръ занесъ тебя сюда, Пистоль?

Пистоль. Не тотъ злой вѣтеръ, который ничего не приноситъ хорошаго. Милѣйшій рыцарь, ты теперь одинъ изъ самыхъ вѣскихъ людей въ королевствѣ.

Тихоня. Клянусь Богородицей, онъ самый увѣсистый, если не считать кума Пуфа изъ Барсона.

Пистоль.

Пуфъ? Въ зубы пуфъ тебѣ, дрянной трусишка!

Сэръ Джонъ, я твой Пистоль, я твой пріятель,

Я, голову сломя, къ тебѣ скакалъ,

Чтобъ радостныя вѣсти принести

О золотыхъ денькахъ, о счастья свѣтломъ.

Фальстафъ. Говори скорѣе, въ чемъ дѣло, да говори толкомъ, какъ житель здѣшняго міра.

Пистоль.

Къ чертямъ весь здѣшній міръ съ его жильцами!

Объ Африкѣ вѣщаю золотой.

Фальстафъ.

Презрѣнный ассирійскій рабъ, въ чемъ дѣло?

Король Кафетуа знать хочетъ правду.

Тихоня *(поетъ)*.

И Робинъ Гудъ, и Джонъ, и Скарлетъ.

Пистоль.

Смѣяться-ль надъ сынами Геликона

Собакамъ? Вѣсть о счастья презирать?

Коль такъ, Пистоль, лети въ объятія фурій.

Пустозвонъ. Честнѣйшій джентльменъ, я не знаю, кто вы и о чемъ вы говорите.

Пистоль.

Скорби и плачь объ этомъ.

Пустозвонъ. Простите, сэръ. Если вы принесли вѣсти отъ двора, то вамъ остается одно изъ двухъ: или выложить ихъ, или удержать при себѣ. Знайте, что и я облеченъ нѣкоторою властью, по волѣ короля.

Пистоль.

Какого короля, скажи, бродяга,

Иль духъ испустишь!

242

Пустозвонъ.

Генриха.

Пистоль.

Какого?

Четвертаго иль Пятаго?

Пустозвонъ.

Конечно,

Четвертаго.

Пистоль.

Ты должность потерялъ.

Сэръ Джонъ! Теперь король – твой кроткій агнецъ,

Онъ – Генрихъ Пятый. Правду говорю.

Коль я солгалъ, то покажи мнѣ кукишъ,

Какъ дѣлають надменные испанцы.

Фальстафъ. Какъ, старый король умеръ?

Пистоль. Онъ мертвъ, какъ гвоздь дверной. Слова мои истинны.

Фальстафъ. Скорѣе, Бардольфъ, осѣдай мою лошадь. Мистеръ Робертъ Пустозвонъ, выбирай какую хочешь должность въ государствѣ – она твоя; Пистоль, я награжу тебя чинами.

Бардольфъ. О, радостный день! Я свое счастье не обмѣнялъ бы на рыцарское достоинство.

Пистоль. Ну, чтожъ, хорошія я вѣсти принесъ?

Фальстафъ. Снесите мистера Тихоню въ постель. Мистеръ Пустозвонъ, лордъ Пустозвонъ – ты будешь теперь чѣмъ хочешь, я управитель фортуны. Одѣвай сапоги, мы проскачемъ всю ночь. О, дорогой Пистоль! Иди, Бардольфъ. (*Бардольфъ уходитъ*). Ну, Пистоль, расскажи мнѣ еще что нибудь и придумай, чего бы тебѣ хотѣлось. Надѣвайте же сапоги, мистеръ Пустозвонъ. Я знаю, молодой король тоскуетъ по мнѣ. Возьмите чьихъ угодно лошадей – законы Англiи въ моей власти. Счастливы тѣ, кто были моими друзьями, и горе лорду верховному судѣ.

Пистоль.

Пусть коршуны ему терзають печень.

- "Гдѣ счастье на землѣ?" - поють они.

Вотъ гдѣ оно. Привѣтъ счастливымъ днямъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Улица.

Входятъ полицейскіе, которые тащатъ хозяйку Квикли и Долли Тиршитъ.

Хозяйка. Пстой, мерзавецъ! Я готова была бы умереть, лишь бы увидать тебя повѣшеннымъ – ты мнѣ плечо вывихнулъ.

1-й полицейскій. Констэбли передали ее мнѣ, и я могу ее увѣрить, что она получить свою порцію розогъ. Еще недавно изъ за нея убиты были два человѣка.

Долли. Врешь, крюкъ для стаскиванія яблокъ, врешь. Пусти – говорю тебѣ, мерзкая требушина рожь: если ребенокъ, котораго я теперь ношу, погибнетъ, то лучше бы ты отколотилъ мать свою, бумажная образина.

Хозяйка. О, Господи – если бы только сэръ Джонъ былъ здѣсь! Онъ бы кому нибудь тутъ уготовилъ смертный часъ. Молю Бога, чтобы ребенокъ ея погибъ.

1-й полицейскій. Чтожъ, тогда у тебя будетъ дюжина подушекъ – а теперь только одиннадцать. Ступайте за мной, приказываю вамъ – человѣкъ, котораго вы отколотили вмѣстѣ съ Пистолемъ, умеръ.

Долли. А я тебѣ говорю, поджарая фигурка на пепельницѣ, тебя за это здорово выпорятъ. Ахъ ты, синій навозный жукъ! Ахъ, грязный изголодавшійся палачъ! Если тебя не выпорятъ, не носить мнѣ короткаго платья.

1-й полицейскій. Ну, ты, странствующій рыцарь въ юпкѣ, идемъ.

Хозяйка. О, Господи, неужели правда одолѣетъ силу? Ну, ничего – будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Долли. Идемъ, негодяй, веди меня къ судѣ.

Хозяйка. Идемъ, голодный песъ.

Долли. Ахъ ты, смерть костлявая!

Хозяйка. Скелеть!

Долли. Идемъ, сухарь, идемъ, негодяй!

1-й полицейскій. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Площадь близъ Вестминстерскаго аббатства.

Входятъ двое прислужниковъ, усыпая площадь осокой.

1-й прислужникъ. Больше осоки, больше осоки.

2-й прислужникъ. Уже два раза трубили.

243

1-й прислужникъ. Они раньше двухъ часовъ не вернутся съ коронаціи. Живѣй, живѣй. (*Прислужники уходятъ*).

Входятъ Фальстафъ, Пустозвонъ, Пистоль, Бардольфъ и пажъ.

Фальстафъ. Станьте подлѣ меня, мистеръ Робертъ Пустозвонъ. Я устрою, чтобы король былъ милостивъ къ вамъ. Я ему подмигну, когда онъ проѣдетъ мимо меня – вы увидите, какъ онъ со мной обойдется.

Пистоль. Пошли Богъ силы твоимъ легкимъ, добрый рыцарь.

Фальстафъ. Стань сюда, Пистоль, за мной. (*Къ Пустозвону*). Жаль, что у меня не было времени заказать новое платье въ счетъ тысячи фунтовъ, которые я одолжилъ у тебя. Но не все ли равно. Эта бѣдная одежда еще болѣе подходитъ къ данному случаю, - она показываетъ, какъ я торопился увидѣть его.

Пустозвонъ. Это вѣрно.

Фальстафъ. Она доказываетъ глубину моей привязанности.

Пустозвонъ. Да, да.

Фальстафъ. Мое преклоненіе.

Пустозвонъ. Правда, правда.

Фальстафъ. Видно будетъ, что я скакалъ день и ночь, и не вспомнилъ, не считалъ нужнымъ, не имѣлъ терпѣнія переимѣнить платье.

Пустозвонъ. Совершенно вѣрно.

Фальстафъ. Вотъ я стою здѣсь, забрызганный еще грязью съ дороги, и потѣю отъ желанія видѣть его; ни о чемъ другомъ не думаю, забываю о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, какъ будто нѣтъ у меня никакого другого дѣла на умѣ, кромѣ желанія увидѣть его.

Пистоль. Это "Semper idem", ибо "absque hoc nihil est" - все сказывается въ каждой отдѣльной части.

Пустозвонъ. Вѣрно.

Пистоль.

О, рыцарь, вашу доблестную печень

Хочу разжечь и въ ярость привести.

Знай: Долли, нѣжныхъ чувствъ твоихъ Елена,

Безжалостною грубою рукой

Повергнута въ тюрьму – въ пріютъ заразы.

Скорѣй для мщенія вызови изъ мрака

Змѣю Алекто яростной. Въ тюрьмѣ

Томится Долли. Ложь чужда Пистолю.

Фальстафъ. Я ее освобожу.

Пистоль.

Какъ будто моря шумъ. Рокочутъ трубы.

(Входитъ король, за нимъ свита; въ числѣ другихъ верховный судья).

Фальстафъ.

Храни тебя Господь, король нашъ, Галь,

Мой королевскій Галь.

Пистоль.

Да берегутъ

Вась небеса, побѣгъ высокой славы.

Фальстафъ.

Храни тебя Господь, мой милый мальчикъ.

Король Генрихъ.

Милордъ судья, поговорите съ этимъ

Безумцемъ.

Верховный судья *(къ Фальстафу)*.

Да въ своемъ-ли вы умѣ?

Вы знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите?

Фальстафъ.

Я говорю съ тобою, мой король,

Юпитеръ мой, другъ сердца моего.

Король Генрихъ.

Тебя, старикъ, не знаю я. Молись.

Какъ сѣдины нейдутъ къ шутамъ безпутнымъ!

Такой, какъ ты, мнѣ долго снился, - столь-же

Раздутый, столь-же старый, столь-же гнусный.

Теперь, проснувшись, сонъ свой презираю.

Сбавь плоть свою и о душѣ подумай.

Обжорство брось. Вѣдь помни, что могила

Передъ тобой разверста втрое шире,

Чѣмъ предъ другими. Возражать не вздумай

Дурацкой шуткой. Не воображай,

Что я теперь такой, какимъ былъ прежде.

Но знаетъ Богъ и вскорѣ міръ увидить,

Что я отринулъ прежняго себя,

Равно какъ всѣхъ, съ кѣмъ дружбу велъ донынѣ.

Когда услышишь, что я вновь сталъ прежнимъ,

Вернись ко мнѣ и будешь ты опять

Учителемъ распутства моего.

А до тѣхъ поръ тебя я изгоняю

Подъ страхомъ смерти, а съ тобою вмѣстѣ

Всѣхъ прочихъ совратителей своихъ,

На десять миль прочь отъ особы нашей.

Я буду доставлять вамъ средства къ жизни,

Чтобъ къ худшему нужда не привела васъ.

Услышавъ-же о вашемъ исправленьи,

Я тотчасъ васъ опредѣлю на службу,

Способностямъ и силамъ соразмѣрно.

Милордъ, вы позаботитесь о томъ,

244

Чтобъ нашъ приказъ исполненъ былъ. – Идемъ.

(Уходятъ).

Фальстафъ. Мистеръ Пустозвонъ, я долженъ вамъ тысячу фунтовъ.

Пустозвонъ. Да, сэръ Джонъ, и я попрошу васъ отдать ихъ мнѣ сейчасъ – я ѣду домой.

Фальстафъ. Это почти невозможно, мистеръ Пустозвонъ. Но вы не тревожьтесь. Онъ пришлетъ за мной тайно. Вѣдь вы понимаете – ему нужно было показать себя такимъ передъ свѣтомъ. Не беспокойтесь относительно вашего назначенія, - я все таки еще придамъ вамъ вѣсу.

Пустозвонъ. Не вижу, какъ вы это сдѣлаете, - развѣ только надѣнете на меня вашъ комзоль и набьете его соломой. Я молю васъ, добрый сэръ Джонъ, отдайте хоть пятьсотъ изъ тысячи.

Фальстафъ. Я сдержу слово, сэръ. То, что вы слышали, было только маской.
Пустозвонъ. Только маской... боюсь, что въ этой маскѣ вы умрете, сэръ
Джонъ.

Фальстафъ. Не бойтесь масокъ. Пойдемте обѣдать. Идемъ, лейтенантъ
Пистоль; идемъ, Бардольфъ. За мной еще пришлютъ сегодня же вечеромъ.

(Возвращаются принцъ Джонъ, лордъ верховный судья и офицеры).

Верховный судья.

Во Флитскую тюрьму отправьте Джона
Фальстафа и товарищей его.

Фальстафъ.

Милордъ, милордъ!

Верховный судья.

Мнѣ некогда теперь.

Я выслушаю васъ потомъ. Ступайте.

Пистоль.

Si fortuna me tormenta, spera me contenta.

(Фальстафъ, Пустозвонъ, Пистоль, Бардольфъ, нажъ и офицеры уходятъ).

Принцъ Джонъ.

Мнѣ по душѣ рѣшеніе короля
О прежнихъ собутыльникахъ его.
Всѣхъ средствами онъ къ жизни обезпечилъ,
Но все таки изгналъ ихъ до тѣхъ поръ,
Пока не станутъ нравы ихъ приличнѣй.

Верховный судья.

Да, такъ оно и есть.

Принцъ Джонъ.

Король уже парламентъ свой созвалъ.

Верховный судья.

Такъ точно.

Принцъ Джонъ.

Клянусь вамъ, не успѣетъ годъ истечь,
Во Францію пошлемъ огонь и мечъ.
О томъ, я слышалъ, птичка распѣвала
И пѣсней короля очаровала.
Идемъ.

(Уходятъ).

Эпилогъ.

Произносится танцоромъ.

Являюсь къ вамъ прежде всего со страхомъ, затѣмъ съ поклономъ и, наконецъ,
съ рѣчью. Боюсь я вашего неудовольствія, кланяюсь по обязанности, а говорю,
чтобы попросить у васъ прощенія. Если вы ждете теперь хорошей рѣчи – вы меня
губите, потому что то, что я имѣю сказать, собственное мое сочиненіе, а то, что я

должень былъ бы сказать, боюсь, испорчено мною. Но къ дѣлу – я попробую. Да будетъ вамъ извѣстно (какъ вы конечно знаете), что я являлся здѣсь передъ вами въ концѣ плохой пѣсы, которая вамъ не понравилась, и просилъ у васъ съ терпѣніемъ выслушать ее – и обѣщаль вамъ лучшую. Дѣйствительно, я надѣялся заплатить свой долгъ этой. А если она, какъ неудачное коммерческое предпріятіе, лопнетъ, я буду банкротомъ, а вы, мои милые кредиторы, пострадаете. Я обѣщаль вамъ явиться сюда – и вотъ я пришелъ, поручая себя вашей снисходительности. Отпустите мнѣ часть долга, а часть я заплачу и, какъ большинство должниковъ, наобѣщаю вамъ безъ конца. Если мой языкъ не можетъ убѣдить васъ отпустить мнѣ вину, не прикажете ли вы пустить въ дѣло ноги? Положимъ, это была бы легкая расплата, - оттанцовать свой долгъ. Но чистая совѣсть готова дать какое угодно удовлетвореніе, и я на все пойду. Всѣ дамы, находящіяся здѣсь, уже простили меня; если же кавалеры не простятъ, значитъ, кавалеры не соглашаются

246

съ дамами – вещь совершенно невиданная въ такомъ собраніи.

Еще одно слово, прошу васъ. Если вамъ не прискучила жирная пища, нашъ смиренный авторъ продолжитъ исторію, въ которой дѣйствуетъ сэръ Джонъ, и развеселитъ васъ Катериной французкой. Въ этой исторіи, насколько я знаю, Фальстафъ умретъ отъ смертельнаго пота, - если онъ еще не убитъ вашимъ суровымъ приговоромъ; потому что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ. Языкъ мой усталъ, а когда мои ноги тоже устанутъ, то я пожелаю вамъ доброй ночи. И затѣмъ я преклоняю колѣни, - но лишь для того, чтобы помолиться за королеву.

Зин. Венгерова и Н. Минскій.⁴

¹ См.: Wylie, History of England under Henry the Fourth, London 1884-94.

² Игра словъ goan и throne.

³ Девизъ дома Перси.

⁴ Зин. А. Венгеровой принадлежитъ переводъ прозаической части «Генриха IV», Н. М. Минскому – стихотворной.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ. Нѣкоторые примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

ГЕНРИХЪ IV.

(King Henry IV).

Часть I.

Стр. 131. *Истомлены, въ заботахъ поблѣднѣвъ.*

Король Генрихъ говоритъ о кровавой борьбѣ съ Ричардомъ II. Это начало I части «Генр. IV» непосредственно примыкаетъ къ концу «Ричарда II», такъ что «Генрихъ IV» представляетъ собою прямое продолженіе трагедіи «Ричардъ II».

Стр. 131. *Пусть жадный прахъ земли родной
отнынѣ*

*Не обазряетъ больше устъ въ крови
Своихъ дѣтей.*

Образъ, заимствованный изъ Библии (Книга Бытія, гл. IV, ст. 11).

Стр. 131. *Кто ради насъ четырнадцать столѣтій
Тому назадъ....*

Событія, о которыхъ говорится въ драмѣ, относятся къ 1402 и 1403 г.

Стр. 132. *Мордэкъ, графъ Файфскій, старшій
сынъ Дугласа...*

Графъ Файфскій не былъ, какъ ошибочно полагаетъ Шекспиръ, сыномъ Дугласа; онъ сынъ герцога Альбани, шотландскаго регента. Ошибка произошла отъ опечатки въ хроникѣ Голиншеда, гдѣ выпущена запятая послѣ слова «Governor» (регентъ).

Стр. 132. *О если бѣ вѣрить, что, скитаясь
ночью,*

*Еще въ пеленкахъ фея подмѣнила
Малютокъ нашихъ.*

Въ «Снѣ въ Лѣтнюю ночь» (II, 1) тоже говорится о томъ, что феи и эльфы по ночамъ крадутъ или подмѣниваютъ младенцевъ.

Стр. 133.
*и циферблаты вывѣсками публичныхъ
домовъ.*

Притоны разврата имѣли во времена Шекспира вывѣски, подобно трактирамъ.

Стр. 133. — *а не по Фебу, этому «прекрасному странствующему рыцарю».*

Фальстафъ, вѣроятно, цитируетъ стихъ изъ какой нибудь баллады, гдѣ героемъ является рыцарь Фебъ (Phoebus), и ради шутки отождествляетъ рыцаря Феба съ богомъ солнца.

Стр. 133. *Вѣрно говорю, не будетъ — даже
на молитву передъ завтракомъ изъ яицъ
и масла.*

Въ оригиналѣ непереводаемая игра словъ, основанная на разныхъ значеніяхъ слова *grace*: въ смыслѣ королевскаго титула (*God save thy grace*), благодати (*grace thou wilt have non*) и молитвы передъ ѣдой (*not so much, as will serve to be prologue to an egg and butter*).

Стр. 133. *А не правда ли, буйволовая куртка
очень прочная штука.*

Намекъ на одежду тюремщиковъ. Въ отвѣтъ Фальстафу, думающему только о кабацѣ и разгулѣ, принцъ Генрихъ напоминаетъ ему о тюрьмѣ, ожидающей мошенниковъ. «Прочной» (*robe of durance*) принцъ называетъ буйволовую куртку

и потому что она изъ прочнаго матерьяла, и потому что *durance* означаетъ также тюремное заключеніе.

Стр. 133. *Да, и такъ имъ пользовался, что
изъ этого слѣдовало, что ты наслѣдникъ.*

Въ оригиналѣ непереводаемая игра словъ: *Yea, and so used it, that were it not here apparent, that thou art heir apparent. Here apparent* — тутъ становилось яснымъ; *heir apparent* — наслѣдный принцъ.

Стр. 133. *ржавыя цѣпи дѣдушки Закона.*

Въ оригиналѣ: *the rusty curb of old father Antick the law. Antick* — значить старикъ и также шутъ.

Стр. 133. *Принцъ Генрихъ. Тебя прельщаетъ
плата?*

*Фальстафъ. Да меня прельщаетъ платье —
а у палача запасъ его не малый.*

Въ оригиналѣ: *P. Hen. For obtaining of suits Falstaff. Yea, for obtaining of suits, whereof the hangman hath no lean wardrobe.*

Suits — прошенія, исполненія которыхъ можно легче добиться, служа при дворѣ и также платья, выборъ которыхъ у палача великъ, потому что онъ получаетъ по наслѣдству одежду повѣшенныхъ. Объ этомъ обычаѣ говорится также въ «Коріаланѣ» (Д. 1, сц. 5).

*Фальстафъ. Да, или какъ сонъніе
линкольнширской воынки.*

*Принцъ Генрихъ. Можно еще сказать:
какъ заяцъ, или какъ мрачный Мурскій
ровъ.*

Линкольншайръ былъ родиной бродячихъ музыкантовъ, играющихъ на воынкѣ. Ихъ можно было встрѣтить на всѣхъ народныхъ праздникахъ. О нихъ упоминается у разныхъ писателей времени Шекспира. Заяцъ считался меланхоличнымъ по природѣ животнымъ, о чемъ часто говорится у старыхъ англійскихъ писателей (Дрейтонъ называетъ въ «*Polybion*» зайца «*the melancholy hare*») «Мурскій ровъ» (*Moore Ditch*) — часть городского рва, отдѣлявшаго старый Лондонъ (*City*) отъ пригородныхъ мѣстностей; примыкая къ болотамъ и наполненный мутной водой, онъ представлялъ вѣроятно грустное зрѣлище.

Стр. 134. *Какъ поживаетъ сэръ Джонъ Сладкій Хересь?*

Пойнсъ называетъ Фальстафа «Сладкимъ Хересомъ» (*Sir John Sack-and-Sugar*) по названію любимаго его напитка. «Сектомъ» (*sack* - отъ франц. *vin sec*) тогда называли малагу и хересь. Въ XVI и XVII в. принято было подслащать вино сахаромъ.

Стр. 134. *Завтра утромъ, въ четыре часа,
нужно быть въ Гэдсгиль*

Гэдсгиль — мѣстность по дорогѣ изъ Кента въ Лондонъ. Тамъ происходили частые грабежи и разбои, вслѣдствіи чего мѣсто это имѣло очень дурную славу.

Гэдсгилемъ зовутъ также уличнаго грабителя, вмѣстѣ съ которымъ Фальстафъ подкарауливаетъ проѣзжихъ.

Стр. 134. *На завтра ужинъ заказанъ въ*

Истчипъ.

Истчипъ (Eastcheap) — улица въ старомъ Лондонѣ (Сити), гдѣ дѣйствительно существовала таверна «Кабанья Голова» (Boar's Head Tavern). У принца Генриха былъ домъ въ этой мѣстности.

Стр. 134. *Не знаю, есть ли въ тебѣ королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллинговъ королевскаго чекана.*

Въ оригиналѣ:

nor thou cam'st not of the blood royal, if
thou darest not stand for ten shillings.

Игра словъ, основанная на двойномъ значеніи *royal* и *stand*. «Royal» — королевской крови, и также монета въ 10 шиллинговъ. «To stand» — имѣть курсъ, стоять (про монету) и «добыть, постоять за чтонибудь». Буквальный переводъ шутки Фальстафа былъ бы: «Ты не настоящій червонецъ» (подразумѣвается второе значеніе: не настоящій принцъ крови), если не осмѣливаешься сойти за десять шиллинговъ (второй смыслъ: не осмѣливаешься нагнать хотя бы на десять шиллинговъ).

Стр. 134. *Фальстафъ, Бардольфъ, Пето и Гэдсгиль ограбятъ тѣхъ людей.*

Вмѣсто именъ Бардольфа и Пето (вставленныхъ шекспирологомъ Теобальдомъ) въ первыхъ изданіяхъ (in 4° и in Folio) стояли два другихъ — Harvey, Rossil. Вѣроятно Шекспиръ намѣревался сначала такъ назвать двухъ товарищей принца, а перемѣнивъ ихъ имена въ дальнѣйшемъ теченіи пьесы, забылъ внести поправку въ это мѣсто рукописи. Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что Harvey и Rossil — фамиліи актеровъ.

Стр. 136. *...терзаемъ болью*

холодныхъ ранъ.

Боль усилилась отъ того, что раны остыли.

Стр. 136. *...Изъ нашихъ средствъ за шурина его*

За Мортимера глупаго.

Шекспиръ, введенный въ заблужденіе ошибкой въ хроникѣ Голлиншеда, смѣшиваетъ постоянно сэра Эдмонда Мортимера, брата лэди Перси, съ Эдмондомъ Мортимеромъ, графомъ Марчемъ. Сэръ Эдмондъ былъ младшій братъ умершаго графа Роджера Марча; графъ Эдмондъ сынъ послѣдняго. Ему было въ то время 10 лѣтъ, и онъ воспитывался, т.-е. вѣрнѣе былъ въ плѣну у короля Генриха въ Виндзорѣ. Маленькій графъ былъ послѣ смерти Ричарда II законнымъ наслѣдникомъ, ведя свое происхожденіе отъ *третьяго* сына Эдуарда III, Ліонеля, герцога Кларенса (по своей бабушкѣ Филиппѣ, вышедшей замужъ за графа Марча). Отецъ же Генриха IV, Джонъ Гантъ, *четвертый* сынъ Эдуарда III. Ланкастеры узурпировали такимъ образомъ своимъ воцареніемъ права представленной Мортимерами старшей линіи — и потерпѣли за это наказаніе въ третьемъ поколѣніи, когда вспыхнула война Алой и Бѣлой Розы.

Стр. 139. *Чортъ побралъ бы*

Обманищиковъ такихъ.

Въ оригиналѣ:

And — «gentle Harry Percy», — and — «Kin!
cousin»,

O the devil take such cozeners.

Непереводимое созвучіе между: «cousin» — кузень, и to cozen — ублажать, говорить любезности. Первую встрѣчу мѣжду Генрихомъ Болингброкомъ и молодымъ Пэрсомъ Шекспиръ изобразилъ въ «Рич. II» (Д. II, сц. 3).

Стр. 139. *къ тому*
Архіепископу, кого всѣ любятъ.
Готспуръ.
Къ Йоркскому, не правда-ль?

561

Архіепископъ Йоркскій былъ братъ графа Уильтшэйрскаго, того, которому Ричардъ II отдалъ въ аренду государственные доходы. Какъ приверженецъ низвергнутаго короля, графъ былъ захваченъ въ Бристолѣ и казненъ.

Стр. 140. *Мнѣ нужно доставить окорокъ ветчины*
и два тюка инбиря въ самый Чэрингъ-Кроссъ.

Нынѣ центральный пунктъ Лондона — Чэрингъ-Кроссъ еще не былъ въ XVII в. частью Лондона, а лежалъ по пути между Лондономъ и Вестминстеромъ, бывшимъ тогда тоже еще отдѣльнымъ городомъ.

Стр. 141. *Не миновать имъ встрѣчи съ прислужниками стараго Ника.* Выраженіе «Saint Nicholas clerks» или «Knights» часто встрѣчается у современныхъ Шекспиру писателей для обозначенія уличныхъ грабителей. Св. Николай считался покровителемъ странствующихъ школяровъ, а затѣмъ бродягъ вообще. Въ томъ же смыслѣ Гэдсгиль употребляетъ въ этой сценѣ слово «троянцы», которое на народномъ языкѣ обозначало ловкихъ рубакъ вообще и разбойниковъ въ частности. Говоря о «нашемъ ремеслѣ» (the profession) Гэдсгиль подразумѣваетъ грабительство.

Стр. 141. *Или вѣрнѣе не молятся ей, а заставляютъ ее самое взмолиться.*

Въ оригиналѣ (not pray to her, but prey on her) игра словъ: to pray — молиться, to prey — дѣлать что нибудь своей добычей. Игра словъ продолжается въ слѣдующей фразѣ: «И топчутъ ее какъ старые сапоги». — Какъ? чужая мошна ихъ сапоги? (make her their boots. - What! The commonwealth their boots?) Boot — означаетъ и добычу, и сапоги. Въ слѣдующей фразѣ: «Правосудіе ихъ смазываетъ» (justice has liquored her) liquor означаетъ смазывать сапоги и опьянять, напавать — намекъ на управление страной, которое такъ отуманено крючкотворствомъ судейскихъ, что ему не удастся наказывать воровъ.

Стр. 141. *При насъ такое зелье — папоротниковый цвѣтъ.*

Папоротниковый цвѣтъ считался средствомъ сдѣлаться невидимкой, такъ какъ его почти нельзя видѣть невооруженнымъ глазомъ.

Стр. 143. *Врешь, никто тебя не подводилъ —*

нѣтъ у тебя ни подводы, ни лошади.

Въ оригиналѣ: *thou art not colted; thou art uncolted*. Игра словъ: *colted* — быть обманутымъ, одураченнымъ; *uncolted* — быть лишеннымъ своего жеребца.

Стр. 143. *Я, конечно, не такой сухарь, какъ
твой дѣдъ, Джонъ Гантъ.*

Въ оригиналѣ (*Indeed, I am not John of Gaunt*) игра словъ: *Gaunt* — прозвище Іоанна Ланкастерскаго, и *gaunt* — худощавый, сухой. Фальстафъ смѣется надъ худобой въ отвѣтъ на насмѣшки принца Генриха надъ его толщиной.

Стр. 144. *Здравствуй, Кэтъ.*

Лэди Перси въ дѣйствительности звали не Катериной, а Элеонорой. Она была дочерью Эдмунда Мортимера, графа Марча, и Филиппы, дочери герцога Ліонеля Кларенса, т.-е. правнучкой Эдуарда III.

Стр. 146. *Носовъ разбитыхъ нужно намъ побольше
Дырявыхъ череповъ.*

Въ оригиналѣ игра словъ. «*Cracked crown*» означаетъ разбитые черепа и растрескавшіяся монеты, ставшія тѣмъ самымъ негодными, но которыя все таки хотятъ здѣсь оставить въ обращеніи.

Стр. 147. *...а настоящій коринѳянинъ* — т.-е. человѣкъ, предающійся разгулу (Коринѳъ славился разнузданными нравами жителей). Такія выраженія какъ «троянце», «коринѳянинъ» и т. п. вошли въ простонародный языкъ какъ результатъ частаго посѣщенія театровъ, гдѣ давались пьесы на античныя сюжеты.

Стр. 148. *Бутылку сладкаго вина въ комнату
съ полумѣсяцемъ.*

Каждая комната въ трактирахъ того времени носила особое названіе и имѣла отдѣльную эмблему: «комната полумѣсяца», «гранатоваго яблока» и т. д.

Стр. 148. *Сахару, который ты мнѣ далъ, было
на одинъ пенсъ, не правда-ли?*

Въ трактирахъ того времени подавали къ вину сахаръ, что заставляетъ сомнѣваться въ хорошемъ качествѣ тогдашнихъ винъ.

Стр. 148. *Этого человѣка въ кожаной курткѣ
и т. д.*

Этимъ эпитетомъ и дальнѣйшими принцъ опредѣляетъ хозяина дома, описывая обычный костюмъ тогдашнихъ лондонскихъ жителей средняго круга.

Стр. 150. *Rivo!* какъ восклицаютъ пьяницы.

Это восклицаніе часто встрѣчается въ описаніяхъ пирушекъ у современниковъ Шекспира. — Происхожденіе слова «*rivo*» не выяснено.

Стр. 150. *Хотѣлъ бы я быть ткачемъ...*

Ткачи слыли въ Англіи временъ Шекспира особенно благочестивыми людьми. Это были большей частью кальвинисты, бѣжавшіе въ Англію изъ Фландріи, спасаясь отъ преслѣдованій. Они любили пѣть гимны, сидя за станкомъ.

Стр. 152. *Такъ какъ острія ихъ шпагъ отломались...*

Пойнсъ. То штаны съ нихъ свалились?

Въ оригиналѣ: *Their points being broken...*

Poins. Down fell their hose.

Игра словъ: points — острія шпагъ и points — застежка панталонъ.

Стр. 154. *Дай ему крону, если онъ отъ короля...*

Въ ориг.: give him so much as will make him a royal man. Игра словъ: хозяйка называетъ пришедшаго «a nobleman», что означаетъ и знатнаго человѣка, и человѣка, имеющаго «noble» — монету цѣной въ 6 шил. 8 пенсовъ. Принцъ въ шутку предлагаетъ сдѣлать его «a royal man», что означаетъ и «человѣка отъ короля» и обладателя «royal» (10 шил.); для этого надо приплатить ему разницу между «noble» и «royal» — крону.

Стр. 154. *Тотъ валиецъ, который отколотилъ*

Амемона...

Амемонъ — имя бѣса, побѣдой надъ которымъ похвалялся Глендоверъ (имя этого бѣса встрѣчается также въ «Виндзорскихъ проказницахъ»).

Стр. 156. *И я это сдѣлаю не хуже короля*

Камбиза въ трагедіи.

Намекъ на драму подъ заглавіемъ «A lamentable tragedy mixed full of pleasant mirth containing the life of Cambyzes, King of Persia» (1570).

Стр. 156. *Съ этимъ жаренымъ манингтрійскимъ быкомъ.*

Манингтри (въ графствѣ Эсексъ) славился своими быками; тамъ ежегодно на ярмаркѣ жаривался быкъ цѣликомъ, съ внутренностями. Тамъ же во время ярмарки давались народныя представленія — «моралитѣ», въ которыхъ выступали аллегорическія фигуры Порока, Безбожія и Тщеславія

562

(Vice, Iniquity и Vanity). Намекая на это, принцъ отождествляетъ Фальстафа сначала съ быкомъ, потомъ съ этими аллегорическими фигурами.

Стр. 158. *Я отрицаю твою главную посылку...*

Въ оригиналѣ: I deny jour mayor. Игра словъ: mayor — главная посылка (въ утвержденіи принца) и mayor — майоръ, выдуманное противоположеніе «шерифу». Точно также «deny» значитъ сначала «отрицать», а затѣмъ «не впускать».

Стр. 158. *Поди спрячься за занавѣску* — въ оригин. agras — коверъ, подвѣшанный къ потолку; между нимъ и стѣной есть мѣсто, чтобы спрятаться и подслушивать. (Ср. «Гамлетъ», д. III, сцена убійства Полонія).

Стр. 161. *И нагишомъ, и въ бурю? Чортъ*

возьми...

Игра словомъ: «bootless» — означающимъ и «ни съ чѣмъ, не достигнувъ ничего» и «безъ сапогъ». Глендоверъ говоритъ, что королю пришлось уѣхать домой «ни съ чѣмъ» (bootless); Готспуръ, издѣваясь надъ Глендоверомъ, беретъ слово «bootless» въ его второмъ значеніи — «безъ сапогъ».

Стр. 162.

Порой меня онъ бѣситъ, повѣствуя

О муравьяхъ, кротахъ, о духовидцѣ

Мерлинъ и пророчествахъ его...

По свидѣтельству хроникъ, Глендоверъ ссылался на пророчества стараго валлійскаго кудесника Мерлина, толкуя ихъ въ томъ смыслѣ, что король Генрихъ кротъ, три заговорщика — драконъ, левъ, и волкъ, которые должны раздѣлить между собой страну. Надъ пророчествами Мерлина Шекспиръ смѣется и въ «Король Лиръ» устами шута (Д. III, сц. 2).

Стр. 164.

Ты божишься такъ шелково-мѣщански

Какъ будто не гуляла никогда

Ты дальше Финсбюри.

Шелково-мѣщански (such sarcenet surety) — намекъ на продавцевъ шелка — представителей лондонскихъ буржуазныхъ круговъ. Финсбюри — часть Лондона, находившаяся во время Шекспира внѣ городскихъ стѣнъ — мѣсто воскресныхъ прогулокъ для лондонцевъ.

Стр. 167.

Лордъ Мортимеръ шотландскій извѣщаетъ.

Шекспиръ смѣшиваетъ тутъ двѣ семьи, шотландскихъ лордовъ Марчъ и англійскихъ графовъ Марчъ. Первыхъ звали Денбаррами, вторыхъ Мортимерами. Шотландскій магнатъ Джорджъ Денбаръ, лордъ Марчъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ приверженцемъ англійскаго двора.

Стр. 169.

...въ сравненіи съ тобой плясунья Маріана — честная жена окологороднаго надзирателя.

Маріанна (maid Marian) — главное лицо въ «мавританской пляскѣ» (morris-dance), исполнявшейся на улицахъ на Троицу и въ день перваго мая. Она изображала возлюбленную легендарнаго старо-англійскаго бродяги и разбойника Робинъ Гуда, и не считалась образцомъ женской скромности — такъ какъ эта роль исполнялась всегда мужчинами. Но и она, по мнѣнію Фальстафа, въ сравненіи съ хозяйкой, честна, какъ жена должностнаго лица.

Стр. 174. *Одна эта бутылка составитъ ангелъ.*

Въ оригиналѣ: this bottel will make an angel.

Ангелъ — золотая монета въ 10 шиллинговъ; но «make an angel» — сдѣлать, создать ангела. Въ этомъ смыслѣ Фальстафъ для шутки и понимаетъ слова Бардольфа.

Стр. 176. *Письмо съ печатью лорду*

Маршалу съ быстротой доставьте

птицы.

Эта сцена — введеніе во второй періодъ междоусобій, наставшій послѣ пораженія Перси. Лордъ маршалъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь — Томасъ Моубрэй, сынъ герцога Норфолька, умершаго въ изгнаніи при Ричардѣ II; онъ поэтому отъ рожденія врагъ короля Генриха.

Стр. 177. *А южный вѣтеръ о его трубитъ*

Намѣреньяхъ.

Южный вѣтеръ считается у Шекспира всегда неблагопріятнымъ, приносящимъ бѣду. Здѣсь онъ возвѣщаетъ о томъ, что означаетъ измѣнившійся видъ солнца.

Стр. 177. *Сочувствіе найдетъ онъ въ побѣжденныхъ.*

*Кто побѣдилъ, ни въ чемъ не видитъ
грусти.*

Король отвращаетъ отъ себя дурное предзнаменованіе, относя его къ побѣжденнымъ врагамъ.

Стр. 180.

*За прозвище Сорви, молъ, голова,
Пришпорившій судьбу, мечтъ послушный.*

Прозвище Гарри Перси — Готспуръ (Hotspur) означаетъ «Горячія шпоры».

Стр. 182. *Турокъ Григорій не свершалъ*

такихъ

военныхъ подвиговъ, какъ я сегодня.

«Турокъ» — часто упоминается въ старыхъ англійскихъ пьесахъ, представляемый неистовымъ злодѣемъ, рубящимъ множество головъ. Христіанское имя Григорія Шекспиръ придалъ ему или ради шутки, или, быть можетъ, въ какой нибудь тогдашней драмѣ упоминался турецкій султанъ Григорій. Деліусъ полагаетъ, что тутъ есть намекъ на папу Григорія VII, который казался англичанамъ столь же страшнымъ, какъ турецкій султанъ.

Стр. 182. *Имъ можно сжечь цѣлый городъ.*

Въ оригиналѣ: *there's that will sack a city*: игра словъ между *to sack* — разграбить и *sack* — хересь.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ IV.

Часть II.

Стр. 183. Прологъ имѣлъ особенное значеніе въ историческихъ драмахъ, для повѣствованія о событіяхъ, не включенныхъ въ дѣйствіе, но знакомство съ которыми необходимо для пониманія пьесы. «Молва» въ прологъ II части «Генриха IV» является въ такомъ же костюмѣ, какъ и у другихъ авторовъ того времени, т.-е. «въ одеждѣ, испещренной изображеніями языковъ». Такого рода осязательныя аллегоріи были въ духъ XVII в. и часто встрѣчаются въ произведеніяхъ живописцевъ и скульпторовъ той эпохи.

Стр. 189.

Но для чего мнѣ

Во кругу домашнихъ разчленять свое

И безъ того извѣстное имъ тѣло?

Молва считаетъ зрителей въ театрѣ своимъ

«домашнимъ кругомъ» (household), потому что они, какъ представители толпы, слуги Молвы, усердно разносящіе ея слова.

Стр. 191.

*Смотрите: его лицо, какъ листъ заглавный,
Трагическую повесть возвыщаетъ.*

Намекъ на обычай того времени печатать траурныя оды и извѣстія о грустныхъ событіяхъ съ черными заглавными листами.

Стр. 192.

*Дугласъ, чей неустанный мечъ три раза
Сразилъ въ бою подобье короля.*

Дугласъ убилъ трехъ рыцарей, которые, чтобы обмануть врага, одѣлись въ одежду короля во время битвы при Шрьюсбюри.

Стр. 193.

Тебѣ бы, непотребный корешокъ мандрагоры...

По народному повѣрью мандрагора — чудодѣйственный корень; заклинаніями его можно превратить въ крошечнаго, какъ самъ корень, человѣчка. «Агатъ изъ перстня», — маленькая вырѣзанная изъ агата фигурка, вставленная въ кольцо; ею пользовались какъ печатью. Словами «mandrake» и «agate» Шекспиръ часто пользуется для обозначенія маленькихъ ростомъ людей. Ср. т. I стр. 555 (прим. къ стр. 205) и 556 (прим. къ стр. 248).

Стр. 193.

*То человѣкъ, кто узами двойными
Привязывать сторонниковъ умѣетъ.*

Двойное преимущество архіепископа передъ Перси заключается въ его духовномъ санѣ и въ его личномъ авторитетѣ.

Стр. 193.

*Съ Помфретскихъ камней соскоблитъ онъ кровь
Прекраснаго Ричарда...*

Кровавые слѣды убійства Ричарда были соскоблены съ каменнаго пола въ Помфретской тюрьмѣ.

Стр. 193.

*и въ такомъ видѣ отправлю въ качествѣ
драгоцѣннаго камня къ твоему господину...*

Въ оригиналѣ игра словъ между «jewel» (драгоцѣнный камень) и «juvenal» (молодой господинъ).

Стр. 194. Я самого его нанялъ въ соборъ св. Павла, а онъ мнѣ купитъ лошадь въ Смитсфильдъ.

Въ боковыхъ проходахъ лондонскаго собора св. Павла собирались обыкновенно праздношатающіеся всякаго рода; Смитсфильдъ былъ тогда (какъ и теперь) центральнымъ скотнымъ дворомъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что тамъ постоянно надували покупателей.

Стр. 194.

А все таки онъ не стѣсняется увѣрять, что

у него лицо королевское.

Намекъ на лица королей, отчеканенныя на золотыхъ монетахъ (royal).

Стр. 194. *Сэръ, вотъ идетъ лордъ, посадившій въ тюрьму принца за то, что онъ ударилъ его изъ-за Бардольфа.*

Верховный судья, сэръ Уильямъ Гасконъ, отправилъ принца Генриха въ тюрьму за то, что принцъ ударилъ его во время судебного разбирательства. На этомъ инцидентѣ, лишь упомянутомъ вскользь въ I части «Генриха IV» (Д. III, сц. 2), въ послужившей Шекспиру до извѣстной степени матеріаломъ старой пьесѣ, «Famous Victories of Henry V», построена цѣлая сцена.

Стр. 195.

Если бы васъ отлупить по пяткамъ...

Въ оригиналѣ «To punish you by the heels». Намекъ на обычное въ то время наказаніе воровъ и бродягъ: имъ надѣвали колодки на ноги и они должны были болѣе или менѣе продолжительное время оставаться въ этомъ неудобномъ положеніи. Такому наказанію подвергаютъ Кента въ «Королѣ Лирѣ». Изображеніе колодокъ см. т. I, стр. 549.

Стр. 195. *Я бѣденъ, какъ Іовъ, милордъ, но не такъ терпѣливъ.* Въ оригиналѣ: I am as poor as Job, mylord, but not so patient.

Игра словъ: patient — терпѣливъ и patient — пациентъ (въ отвѣтъ на предложеніе судьи быть докторомъ Фальстафа). Дальше опять игра словъ: «но выполняю ли я ваши предписанія; мудрецъ можетъ сомнѣваться на драхму, или на цѣлый скрупуль» (the wiseman may make some dram of a scruple, or, indeed, a scruple itself). Scruple - сомнѣніе и *scruple* — скрупуль (аптек. мѣра).

Стр. 195. *Я хотѣлъ бы, чтобы это было наоборотъ: чтобы мои средства были больше, а аппетитъ поменьше.*

Въ оригиналѣ игра словъ между *waste* (трата) и *waist* — объемъ. Судья говоритъ Ф., что у него тощія средства (*slender means*), а онъ позволяетъ себѣ большія траты (*your waste is great*). Ф. желалъ бы, чтобы средства его увеличились, а объемъ (*waist*) уменьшился.

Стр. 195.

Я толстобрюхій слѣпой, а онъ моя собака...

Вѣроятно намекъ на какого нибудь извѣстнаго всѣмъ въ то время толстаго слѣпца, котораго водила собака.

Стр. 196. *Ну, нѣтъ, милордъ, дурной ангелъ очень легокъ* — обычная у Шекспира шутка, основанная на томъ, что «ангеломъ» (angel) называлась золотая монета въ 10 шилл. Слова судьи о «зломъ ангелѣ» Ф. толкуетъ въ смыслѣ «фальшиваго червонца».

Стр. 196.

Истиннымъ храбрецамъ остается водить медвѣдей.

Обученіе медвѣдей считалось низменнымъ занятіемъ, хотя оно и требуетъ храбрости. Ученыхъ медвѣдей показывали на всѣхъ народныхъ представленіяхъ и праздникахъ.

Стр. 196.

— *пусть мнѣ больше никогда не выплевывать бѣлой слюны (to spite white).*

Бѣлая слюна — признакъ чрезмѣрнаго пьянства.

Стр. 196. *Пусть мнѣ дадутъ щелчка въ носъ, если я передамъ твое порученіе.*

Судья передаетъ только привѣтъ Вестморлэнду (*commend me to my cousin W.*) — Ф. же понимаетъ «commend» въ смыслѣ восхваленія и отказывается исполнить такое порученіе.

Стр. 196. *Если бы я даже сказалъ — восковая, то мой объемъ подтвердилъ бы это.*

Въ оригиналѣ: *if I did say of wax my growth would approve it.* Игра словъ: *wax* — воск и ростъ, увеличеніе объема.

Стр. 196. *Вы слишкомъ нетерпѣливы, чтобы вамъ давать кресты.*

Въ оригин.: *You are too impatient to bear crosses.* Игра словъ: *cross* — крестъ, невзгоды судьбы и *cross* — монета съ изображеніемъ креста.

Стр. 200. *Это было въ моей дельфиновой комнатѣ.*

564

Въ англійскихъ тавернахъ того времени каждая комната имѣла свою особую эмблему; комната, гдѣ клялся Ф., имѣла эмблемой дельфина. См. выше примѣч. къ стр. 148.

Стр. 200. *Если повѣситъ на нихъ какую нибудь веселую картинку и т. д.*

Шекспиръ имѣетъ въ виду расписанныя подобнаго рода сценами обои, которые привозились въ Англію изъ Голландіи.

Стр. 201. *Удовольствуйтесь двадцатью ноблями,* — это 6 ф. стерл. и 13 шиллинговъ.

Стр. 202. — *Я младшій сынъ, и потому живу на свой собственный страхъ.*

Наслѣдственныя земли переходятъ въ Англіи къ старшимъ сыновьямъ, а младшіе должны сами заботиться о себѣ.

Стр. 203. *Алтея приснилось, что она родила пылающую головню.*

Пажъ смѣшиваетъ мифъ объ Алтеѣ, матери Мелеагра, выхватившей изъ очага головню, съ мифомъ о Гекубѣ, которой снилось передъ рожденіемъ Париса, что она родила пылающую головню.

Стр. 203. *Все въ прежнемъ хлѣвѣ кормится старый боровъ?*

Намекъ на вывѣску «Кабанья голова» (*Boars head*) Истчипской таверны.

Стр. 205. *Не встрѣтитесь ли тебѣ гдѣ нибудь Сникъ с музыкантами.*

Во времена Шекспира дѣйствительно существовалъ бродячій оркестръ подъ управленіемъ Сника (*Sneak's band*) и игралъ на лондонскихъ улицахъ.

Стр. 205. *«Когда Артуръ явился ко двору... Онъ былъ достойнымъ королемъ...»*

Фальстафъ поетъ начало старой англійской баллады о сэрѣ Ланчелотѣ съ озера (*Sir Lancelot du Lake*).

Стр. 205. *«Брошки, жемчугъ и золото»* (*Your broaches, pearls and broches*) — цитата изъ баллады: «*The Boy and the Mantle*».

Стр. 205. *Ну, такъ накрой столъ для десерта и поставь ихъ.*

По обычаю того времени, десертъ подавался не въ той комнатѣ, гдѣ былъ обѣдъ. Слуги въ этой сценѣ готовятъ столъ для десерта въ ожиданіи гостей, отобѣдавшихъ въ другой комнатѣ. Ср. т. I, стр. 558, прим. къ стр. 324.

Стр. 207. *Онъ живетъ тухлымъ черносливомъ и сухими корками*, - т. е. питается остатками въ притонахъ разврата. Вареный черносливъ считался средствомъ предохраненія отъ заразы.

Стр. 207. *...такимъ же мерзкимъ, какъ слово «обладать»*.

Англійское слово «оссиру» наряду со своимъ обыкновеннымъ значеніемъ (занять, завладѣть), имѣло во времена Шекспира еще другой, непристойный смыслъ, въ которомъ оно употреблялось въ нѣкоторыхъ старыхъ пьесахъ.

Стр. 208. *Водовозныхъ клячъ*,

Одровъ татарскихъ, дѣлающихъ въ день

Съ усилениемъ тридцать верстъ – вдругъ

принимать

За цезарей или за Канибаловъ.

Искаженная цитата из «Tamburlain the Great» Марло; «Канибалы» - вмѣсто «Аннибала». - Слѣдующая цитата: «Красавица моя Калиполида, - ѣшь и толстѣй» - пародія на одно мѣсто въ драмѣ Пиля, «Battle of Alcazar» (это мѣсто часто пародировалось и современниками Шекспира). «Si fortune me tormente, sperato me contente» - искаженный Пистолемъ французскій эпиграфъ на шпагѣ.

Стр. 208. *Развѣ мы не видали съ тобой вмѣстѣ семизвѣздія*, т. е. мы не одну ночь проводили вмѣстѣ въ кутежахъ.

Стр. 208. *Знаемъ мы такихъ голлоуэзскихъ клячъ* – порода маленькихъ простыхъ лошадей, родомъ изъ мѣстечка Голлоуэя.

Стр. 208. *...и въ десять разъ превосходитъ вѣсъхъ девять героевъ.*

Въ торжественныхъ праздничныхъ процессіяхъ въ Лондонѣ (процессія въ день избранія лордъ-мэра совершается ежегодно до сихъ поръ) фигурировали всегда «девять героевъ» (the Nine Worthies: три героя древности, три представителя іудейства и три христіанства). Ср. «Безплодная усилія любви», Д. V, сц. 2 и примѣч. къ I т. стр. 553, прим. къ стр. 158.

Стр. 210. - *тѣсть угрей и укропъ* (conger and fennel). - Признакъ человѣка ведущаго распутную жизнь и нуждающагося въ возбуждающихъ средствахъ, каковыми во времена Шекспира считались угри и укропъ.

Стр. 210. *Не оборвать ли уши этой колесной ступицы.*

Въ оригиналѣ: Would not this nave of a wheel have his ears cut off. Игра словъ: nave – колесная ступица, на округленность которой Фальстафъ похожъ своей толщиной, - звучитъ такъ же, какъ Knave – плутъ, мошенникъ.

Стр. 210. *Въ нынѣшнемъ году, кажется, происходитъ соединеніе Сатурна и Венеры. Что говоритъ календарь?*

Календари того времени высчитывали и отмѣчали соединеніе разныхъ созвѣздій. Сатурнъ и Венера (по астрономической справкѣ Джонсона) никогда не бываютъ въ соединеніи. Пойнсъ въ своемъ отвѣтѣ продолжаетъ астрономическое сравненіе и называетъ красноносаго Бардольфа «огненнымъ треугольникомъ» или «Тригономъ» (Trigonum igneum, соединеніе созвѣздій Овна, Льва и Стрѣльца). Хозяйку же онъ называетъ записной и счетной книгой Фальстафа, потому что она живая записъ его долговъ.

Стр. 214. (*къ Варвику*) *сдается мнѣ, что вы,*
Кузень Невиль.

Анахронизмъ. Титулъ графовъ Варвиковъ перешелъ въ родъ Невилей только въ концѣ правленія Генриха VI. При Генрихѣ IV онъ еще принадлежалъ семьѣ Бошановъ (Beauchamps), представителемъ котораго во II части «Генриха IV» является графъ Вестморлэндъ. Пророчество Ричарда II, о которомъ говоритъ здѣсь король, приведено въ «Ричардѣ II» (Д. V, сц. 1); но Варвикъ не названъ въ той сценѣ. Кромѣ того, здѣсь говорится, что Ричардъ произнесъ пророческія слова до торжества Болингброка, а въ «Ричардѣ II» они вложены в уста уже низложеннаго монарха.

Стр. 214. *Пора ему скоро въ адвокатскую школу.* Въ оригиналѣ: inns of court.

Такія школы «inns» (St. Clement's Inn, Gray's Inn и т. д.) существуютъ до сихъ поръ. Это общежитія для молодыхъ юристовъ, подчиняющихся во время своего пребыванія въ нихъ извѣстнымъ правиламъ и статутамъ; они обучаются подъ руководствомъ опытныхъ юристовъ судейской практикѣ и въ свободное отъ занятій время принимаютъ участіе во всѣхъ столичныхъ развлеченияхъ. Пребываніе въ лондонскихъ «Inns» замѣняетъ университетъ, такъ какъ въ англійскихъ

565

университетахъ нѣтъ юридическаго (равно какъ нѣтъ и медицинскаго) факультета.

Стр. 215. *Былъ тамъ еще Джэкъ Фальстафъ, нынѣ сэръ Джонъ.*

Эти подробности соотвѣтствуютъ біографіи историческаго сэра Джона Ольдкэстля, изображеннаго въ дошекспировской драмѣ «Генрихъ V». Фальстафъ имѣетъ мало общаго съ Ольдкэстлемъ, приверженцемъ Виклифа, но всетаки нѣкоторыя внѣшнія черты и фактическія подробности связываютъ Шекспировскаго Фальстафа съ Ольдкэстлемъ старой драмы. Ср. предисловіе къ «Виндзорскимъ проказницамъ» стр. 440.

Стр. 215. *...Проломилъ голову Скогану —*

Скоганъ знаменитый придворный шутъ Эдуарда VI. Его «Шутки» были напечатаны и выдержали много изданій.

Стр. 215. *Солдату удобнѣе безъ жены. —*

Въ оригиналѣ: a soldier is better accomodated than with a wife. — «То accomodate» было во время Шекспира моднымъ словечкомъ, и Шекспиръ намѣренно высмѣиваетъ его.

Стр. 216. *У насъ уже есть много тѣней въ спискахъ.*

Фальстафъ записалъ много не завербованныхъ въ дѣйствительности солдатъ, чтобы получить за нихъ деньги изъ казны. Ихъ то онъ и называетъ тѣнями.

Стр. 218. *И вотъ вамъ за это четыре Генриха по десяти шиллинговъ французскими кронами.*

«Генрихами» Бычокъ называетъ десятишиллинговыя монеты съ изображеніемъ короля Генриха. Такія монеты появляются только при Генрихахъ VII и VIII, и Шекспиръ совершаетъ анахронизмъ, перенося ихъ ко времени Генриха IV.

Стр. 218. *и исполнялъ на играхъ Артура въ Майлэндгринтъ...*

«Игры Артура» (Arthur's show) — стрѣлковый праздникъ, во время котораго изображалось шествіе короля Артура и его рыцарей; Пустозвонъ исполнялъ роль придворнаго шута, сэра Дагонета.

Стр. 219. — *своими подвигами на Торнбульской улицѣ...*

Turnbull (собственно Turnmill) Street — лондонская улица, имѣвшая очень скверную славу.

Стр. 219. *Я при этомъ былъ и сказалъ Ганту, что онъ бьетъ свою собственную тѣнь.*

Въ оригиналѣ: I saw it, and told John of Gaunt, he beat his own name.

Нѣсколько разъ встрѣчающаяся въ «Ричардѣ II» и «Генрихѣ IV» игра словъ между Gaunt — прозвищемъ Джона Ганта и Gaunt — тощій человѣкъ.

Стр. 220.

Я общаго намъ брата — государство

Хочу считать отвѣтственнымъ за жребій

Жестокій моего родного брата.

Братъ архіепископа, лордъ Скрупъ, графъ Уильтшейрскій, былъ казненъ по приказу Генриха IV въ Бристолѣ за свою приверженность къ Ричарду II.

Стр. 230.

Меня народъ пугаетъ:

Толкуютъ о зачатъяхъ безъ отцовъ и т. д.

По хроникѣ Голлиншеда, 12 октября 1412 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти короля, было три прилива одинъ за другимъ, безъ смѣняющаго ихъ отлива.

Стр. 234.

Другое, хотъ достоинствомъ пониже,

Цѣннѣе оттого, что, какъ цѣлебный

Напитокъ, сохраняетъ нашу жизнь.

Намекъ на золото, употреблявшееся для драгоцѣнныхъ лѣкарствъ (золотая тинктура — *augum potabile*). Это золото было низшаго достоинства, чѣмъ золото короны.

Стр. 239.

Не Амурату Амуратъ, но Генрихъ

Здѣсь Генриху наследуетъ.

Анахронизмъ. Событія, на которыя здѣсь намекается, относятся къ 1596 году; сынъ и наследникъ турецкаго султана Амурата умертвилъ при восшествіи на престолъ всѣхъ своихъ братьевъ.

Стр. 241. *Мой отвѣтъ храня*

Въ рыцари меня

Посвяти, Саминго.

Тихоня передаетъ здѣсь въ искаженномъ видѣ застольную пѣсню изъ драмы Nash'a, «Summers Last Will and Testament». Тамъ призывается не «Саминго», а «Доминго», т. е. святой Доминикъ, какъ патронъ любящихъ выпить монаховъ.

Стр. 241. *Король Кафетуа знать хочетъ правду.*

Намекъ на извѣстную старинную балладу о любви короля Кафетуа къ нищенкѣ. Шекспиръ часто упоминаетъ объ этой балладѣ («Ричардъ II», Д. V, сц. 3, «Ромео и Джульетта» «Безплодные усилія любви», см. т. I, стр. 555, прим, къ стр. 211 и др.). Произнесенное Фальстафомъ имя стараго короля изъ баллады напоминаетъ Тихонъ другую знаменитую балладу о Робинѣ Гудѣ и его товарищахъ.

Стр. 242. *Чтожъ, тогда у тебя будетъ дюжина подушекъ, а теперь только одиннадцать.*

Полицейскій полагаетъ, что хозяйка одолжила Долли подушку, чтобы она, обязавъ ее вокругъ живота, представилась беременной.

Стр. 242. *Больше осоки, больше осоки —*

Осокой усыпали полы въ дворцахъ; здѣсь ею устилаютъ улицу для торжественнаго въѣзда короля.

Стр. 246. *...потому что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ.*

См. предисловіе къ «Виндзорскимъ проказницамъ», стр. 440.
